Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации
Свидетельство
о регистрации
№ 0110347
от 27 октября 1993 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю.И.ИГРИЦКИЙ
кандидат исторических наук,
член-корреспондент МАИ,
главный редактор

Л.Н.ВЕРЧЁНОВ
кандидат философских наук

В.И.ГЕРАСИМОВ
кандидат филологических
наук, член-корреспондент
МАИ, зам. главного
редактора

Л.П.ДЕЛЮСИН
доктор исторических
наук, профессор

Е.Б.КАЛОЕВА
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

А.Д.НЕКИПЕЛОВ
доктор экономических
наук, академик РАН

Б.С.ОРЛОВ
доктор исторических
наук, профессор

Т.Г.ПАРХАЛИНА
кандидат исторических наук

Ю.С.ПИВОВАРОВ
доктор политических наук,
академик РАН

Л.В.СКВОРЦОВ
доктор философских наук,
профессор, академик МАИ

Б.А.ХЕЙФЕЦ
доктор экономических наук

Л.Н.ШАНШИЕВА
кандидат философских наук

В.М.ШЕВЫРИН
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

Ответственный секретарь
А.А.ХАЛАТОВ

Редактор-консультант
И.Л.БЕЛЕНЬКИЙ

Литературный редактор
Д.А.СЕМЁНОВА

Художник обложки
Г.И.КОЗУБОВ

© ИНИОН РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ и современный МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

1(58)

СОДЕРЖАНИЕ

In This Issue:

Конкурентоспособность России в XXI веке
Russia's Competitiveness in the 21st Century

Сколько населения нужно России?
Russia's Population: How Great Must It Be?

Укрупнение регионов сегодня и опыт истории
Enlargement of Regions Today and Historical Experience

Образы врагов в советской карикатуре
Enemy Images in Soviet Cartoons

Атомный проект и советская разведка
The Atom Bomb and the Soviet Secret Service

МОСКВА
2008

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

В.Л.Иноземцев
Конкурентоспособность России: Иллюзии, реальность, перспективы **5**

V.L.Inozemtsev
Russia's Competitiveness: Illusions, Realities, Perspectives

В.С.Мартьянов
Политизированная демография, или сколько населения нужно России **26**

V.S.Martyanov
Politicized Demography or How Great a Population Russia Needs

Я.Корнаи
Социальные науки: Размежевание или взаимодействие? **46**

J.Kornai
Disciplines of Social Sciences: Delimitation or Interaction?

ОБРАЗ РОССИИ В МИРЕ

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE WORLD

Л.С.Лыкошина
Образ России в польской общественной мысли. (Исторический аспект) **61**

L.S.Lykoshina
Russia in the Polish Social Thought. (An historical aspect)

Н.И.Бухарин
Российское и польское общество друг о друге **78**

N.I.Bukharin
Russian and Polish Societies Viewing Each Other

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА. POST FESTUM

THE REVOLUTIONS OF 1917: POST FESTUM

И.И.Глебова
Революции 1917 года: Отрицание прошлого и разрыв социокультурной преемственности **97**

I.I.Glebova
The Revolutions of 1917: Images of the Past and the Break Up of Historical Continuity

Ю.И.Игрицкий
Революции 1917 года: Уроки для радикалов, либералов и консерваторов **116**

Yu.I.Igritsky
The Revolutions of 1917: Lessons for Radicals, Liberals and Conservatives

П.В.Панов
«Объединение» vs «присоединение»: Сравнительный анализ первого опыта укрупнения регионов Российской Федерации **125**

P.V.Panov
«Amalgamation» vs «Incorporation»: A Comparative Analysis of the First Enlargement of Regions in the Russian Federation

О.В.Шульгина
Российская Федерация: Исторический опыт административно-территориального деления в XX веке **145**

O.V.Shulgina
The Russian Federation: An Historical Experience of Territorial Delimitation in the 20th Century

О.А.Толпыгина, Н.А.Меркулов
Условия формирования партийной системы в современной России **156**

O.A.Tolpygina, N.A.Merkulov
Russia's Current Political System: Formative Conditions

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF THE SOVIET SOCIETY

А.В.Голубев
Чемберлен, Гитлер и другие: Образы врагов в советской карикатуре 1922–1939 годов **170**

A.V.Golubev
Chamberlain, Hitler and Others: Enemy Images in Soviet Cartoons, 1922–1939

Б.В.Ракитский
Быль о том, как официальная политэкономия СССР выдумала идейного врага – «рыночный социализм» – и как с ним боролась **188**

B.V.Rakitsky
The Tale of How Official Political Economy Invented an Ideological Adversary – «Market Socialism» – and Fought It

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

FACTS. EVENTS. PEOPLE

В.М.Шевырин
Михаил Васильевич Челноков **200**

V.M.Shevyrin
Mikhail Vasilievich Chelnokov

Б.С.Горобец, Е.В.Квасникова
Атомный проект и советская разведка (1942–1945 годы) **218**

B.S.Gorobets, E.V.Kvasnikova
The Atom Bomb Project and the Soviet Intelligence Service (1942–1945)

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

А.В.Елпатьевский
Выставка архивных документов о гражданской войне в Испании (1936–1939 годы) **228**

A.V.Yelpatievsky
The Exhibition of Archival Documents on the Civil War in Spain, 1936–1939

Отец Георгий (Белькинд). Фонд Трубецких **236**

Father Georgiy (Belkind). The Trubetskys Foundation

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

SURVEYS. DIGESTS

Экономика США в преддверии надвигающегося спада. (Сводный реферат) **240**

The US Economy Facing Coming Recession. (A combined digest)

Вильямсон Дж. Международная миграция (с XIX в. по 2030 г.) **245**

Williamson G. International Migration (from the 19th Century to 2030)

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

В.Л. Иноземцев

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИИ: ИЛЛЮЗИИ, РЕАЛЬНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Иноземцев Владислав Леонидович – доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества, издатель журнала «Свободная мысль» и главный редактор газеты «Le Monde diplomatique» (Россия).

По мере того как Россия постепенно выходит из экономического кризиса 90-х годов, в политическом классе страны и в ее предпринимательском корпусе о повышении конкурентоспособности стали говорить как о своеобразном категорическом императиве. Когда речь заходит о содержательном наполнении этого императива, оказывается, что имеются в виду такие вещи, как наращивание экспорта вооружений, увеличение доли отечественной продукции на внутреннем рынке, восстановление утраченного потенциала некоторых высокотехнологических отраслей промышленности. Но как соотносятся эти благие намерения с реальностью? Ведь реальность такова, что только за последние шесть лет сырьевая составляющая в российском экспорте выросла с 67,1 до 84,2%, а «нефтегазовый вклад» в бюджетные доходы поднялся с уровня в 31% до 54%[1].

Что же при таком положении дел действительно понимают под «конкурентоспособностью» представители политической и экономической власти? К чему вообще следовало бы относить это понятие: к отдельным компаниям, отраслям или же к стране в целом? Нисколько не преувеличивая можно, пожалуй, утверждать, что, начиная обсуждать в той или иной аудитории проблемы конкурентоспособности, участники дискуссии сразу оказываются в центре какой-то terra incognita.

---

1. Согласно расчетам министра финансов РФ А.Л. Кудрина, приведенным им на лекции в Высшей школе экономики 28 февраля 2007 г.

К определению конкурентоспособности

Причин для этого несколько. Одна из наиболее очевидных заключается в «размывании» понятия конкурентоспособность, имеющем место в западной литературе, что обусловлено отнюдь не только научными, но и политическими факторами. Уже почти 30 лет выпускается знаменитый Всемирный доклад по конкурентоспособности[2], и каждый год его авторы все более «обогащают» это понятие, наполняя его «социальным» содержанием и девальвируя сугубо экономическую его компоненту.

Так, еще сравнительно недавно конкурентоспособность измерялась долей рынка, занимаемой продукцией той или иной компании (или компаниями той или иной страны), но сегодня ни у кого не вызывает удивления, что самой конкурентоспособной экономикой мира признается американская, – при том, что торговый дефицит Соединенных Штатов достигает 7% ВВП, а доля импорта в общей массе промышленных товаров составляет 26% (на рынке новых автомобилей – 33%, компьютеров и комплектующих к ним – 54%, а одежды и обуви – 78–80%[3]). В предисловии к Всемирному докладу по конкурентоспособности 2006/2007 гг. А. Лопес-Кларос подчеркивал, что из девяти критериев конкурентоспособности государств сугубо экономическими являются всего четыре; прочие в той или иной мере имеют «социальное измерение»[4].

Результат очевиден: сегодня семь из десяти самых конкурентоспособных экономик мира находятся в Европе; Китай занимает 54-ю строчку, а Россия – 62-ю[5]. Причем на этот рейтинг не оказывает влияния тот факт, что основным по стоимости предметом экспорта из Китая в США являются компьютеры и комплектующие к ним, а из США в Китай – соя и продукты ее переработки[6]. По сути, авторы Всемирного доклада по конкурентоспособности подменяют смысл этого понятия представлениями об «успешности», или «состоятельности» страны, о ее привлекательности для инвесторов и граждан других госу-

---

2. Это ежегодное издание, известное как The Global Competitiveness Report, издается с 1979 г. Всемирным экономическим форумом при участии его президента Клауса Шваба и известного экономиста Майкла Портера; с 1989 г. швейцарский Международный институт развития менеджмента (IMD) выпускает альтернативный ему World Competitiveness Yearbook.

3. См., напр.: Glyn A. Capitalism Unleashed: Finance, Globalization, and Welfare. – Oxford, 2006. – P. 83 и Marling W.H. How «American» Is Globalization? – Baltimore (Md.), L., 2006. – P. 71–73.

4. Lopez-Claros A. «Executive Summary» // The Global Competitiveness Report 2006–2007 / Ed. by Porter M.; Schwab K.; Lopez-Claros A. and Sala-i-Martin X. – N.Y., Oxford, 2006. – P. IV.

5. The Global Competitiveness Report 2006–2007, table 1. – P. XVII.

6. Korten D.C. The Great Turning: From Empire to Earth Community. – S.-Fr., 2006. – P. 70.

дарств мира. Как следствие возникает важный интегральный показатель развития, который, однако, имеет к конкурентоспособности весьма отдаленное отношение.

В этой статье я буду исходить из более строгого понимания конкурентоспособности как *способности той или иной компании или целой страны обеспечить себе доминирующее положение на рынке или, в более широком смысле, способности реализовать свою политику присутствия на том или ином рынке*. Такое понимание соответствует классическому определению, принятому Организацией экономического сотрудничества и развития, согласно которому «конкурентоспособность – это показатель способности той или иной страны производить в условиях свободной торговли и справедливого рыночного ценообразования товары и услуги, востребованные на мировом рынке»[7].

Здесь важно заметить, что некоторые серьезные экономисты считают необходимым увязывать конкурентоспособность с «внутренней эффективностью» национальных экономик, которая «означает способность страны создавать, производить в массовом масштабе, доводить до потребителя и обслуживать поставляемые ею на мировой рынок товары, обеспечивая при этом возрастающую отдачу от использования ресурсов»[8]. В таких определениях конкурентоспособность четко отделяется от общего показателя «успешности» страны. В связи с этим хотелось бы обратить внимание читателя на четыре факта, каждый из которых противоречит принятым в нынешнем политическом обиходе представлениям о конкурентоспособности.

Во-первых, конкурентоспособность *не тождественна экономической эффективности*. Известны примеры, когда не слишком эффективные (в строгом смысле этого слова) хозяйственные системы демонстрировали крайне высокую конкурентоспособность. Классическим примером может служить Япония 60–80-х годов, правительство которой рассматривало завоевание мировых рынков как свою стратегическую задачу. За счет скрытого дотирования импорта технологий через Банк Японии японцам удалось добиться невероятного: в 60-е годы 28% их импорта приходилось на технологии[9]! За счет налоговой политики они расширили масштаб корпоративных инвестиций до 20% ВВП[10]. В «регулируемых государством отраслях» к середине 90-х годов производилось

7. Цит. по: Garelli S. Competitiveness of Nations: The Fundamentals // IMD World Competitiveness Yearbook 2006. – Lausanne: Institute for Management Development, 2006. – P. 12.

8. Scott Br., Lodge G. U.S. Competitiveness in the World Economy. – Cambridge (Ma.), 1985. – P. 3.

9. См.: Katz R. Japan: The System That Soured. The Rise and Fall of the Japanese Economic Miracle. – Armonk (NY), L., 1998. – P. 89.

10. См.: Krugman P. Pop Internationalism. – Cambridge (Ma.), L., 1996. – P. 179.

50,4% японского ВВП, тогда как в США – всего 6,6%[11]. Достигнутые результаты никого не оставляли равнодушными: в 1980 г. Япония стала самым крупным производителем автомобилей в мире, сместив с этой позиции США; на пике своего успеха Япония производила до ⅔ оргтехники, мотоциклов и видеоаппаратуры, продававшейся на мировом рынке[12]. Однако эта политика имела и свою оборотную сторону: к концу 80-х годов прекратился рост производительности труда в японской тяжелой промышленности, составлявшей 65% от американского уровня (при этом в пищевой промышленности производительность достигла лишь 35%, а в сельском хозяйстве – 18% американского показателя[13]); отдача на капитал снизилась до 1–3%; бюджеты 44 из 47 префектур страны стали дотационными, а донорами были лишь три префектуры, расположенные в пределах Большого Токио[14].

Во-вторых, *повышению конкурентоспособности может способствовать государственное регулирование*, в том числе и имеющее своей целью обеспечение протекционистской закрытости рынка. При этом речь вовсе не идет о тотальном доминировании отечественной продукции на внутреннем рынке: к началу 80-х годов, после того как подобная стратегия показала свою бесперспективность в Латинской Америке[15], от этого отказались все нормальные страны. Имеется в виду искусственное завышение цен, сокращающее спрос и вынуждающее производителей завоевывать зарубежные рынки. Эта политика была применена в той же Японии, но дала ограниченный результат – в конечном счете экспорт тоже начал сокращаться, и сегодня на долю Страны Восходящего солнца приходится всего 5,4% мирового экспорта – против 8,25% в 1992 г.[16] Тем не менее в начале 90-х годов оставалась общепринятой точка зрения, согласно которой государственная протекционистская политика способствовала повышению японской конкурентоспособности. Так, М. Портер писал в своей классической работе: «Роль государства (в определении конкурентоспособности компаний) сегодня столь же значительна, как и прежде, если не возрастает... В условиях усиливающей конкуренцию глобализации интернационализация экономики и снятие разнообразных преград на пути конкуренции придают государствам новое значение в деле обеспечения

---

11. См.: Hartcher P. The Ministry. How Japan's Most Powerful Institution Endangers World Markets, Boston: Harvard Business School Press, 1998. – P. 192.

12. Landes D. The Wealth and Poverty of Nations. – L., 1998. – P. 483.

13. См.: The Mosaic of Economic Growth // Ed. by Landau R., Taylor T. and Wright G. – Stanford, 1996. – P. 33.

14. См.: Morton C. Beyond World Class. – Houndmills, L., 1998. – P. 226.

15. Подробнее см.: Иноземцев В. Пределы «догоняющего» развития. – М., 2000. – С. 35–45.

16. См.: Glyn An. Op. cit. – P. 139.

конкурентоспособности национальных компаний на мировой хозяйственной арене»[17].

В-третьих, *в условиях глобализации понятие конкурентоспособности имеет смысл только на наднациональном уровне* (единственным исключением являются услуги, производимые и потребляемые локально). Сегодня никакая отрасль промышленности не может быть конкурентоспособна исключительно внутри страны; это, разумеется, не значит, что она должна тут же разориться и уйти в небытие, просто зарубежные конкуренты имеют ныне возможность во все большей мере теснить ее на рынке. Убедительные примеры на этот счет дают автомобильные компании в Америке и России: в США они давно уже стали «планово-убыточными», в России держатся на плаву благодаря заградительным пошлинам и громадным государственным дотациям. Роднит их то, что ни американских, ни российских автомобилей уже практически нет на дорогах развитых стран.

Дело в том, что в современной мировой торговле практически не действует знаменитое правило Адама Смита, и современные развитые страны уже не имеют той специализации, которая прежде приносила выгоды в торговле между ними. Одна из особенностей нынешней ситуации в глобальной экономике состоит в том, что более 68% всего объема торговых трансакций между США, Западной Европой и Японией приходится на товары одних и тех же групп, т.е. на так называемую «intra-sector trade»[18]. Обмен бананов и кокосов (нефти, газа или железной руды) на основные промышленные товары давно уже характеризует отсталость той или иной экономики, и по этому признаку торгового баланса легче всего определить, к какой части мира относится соответствующая страна.

Наконец, в-четвертых, в современных условиях о конкурентоспособности надежнее всего говорят результаты *соперничества компаний и стран на рынке товаров, производство которых не ограничено особыми условиями, а предпочтения потребителей определяются не только ценой товара, но и его качеством*. С этой точки зрения, в производстве большинства так называемых «биржевых товаров» – нефти, золота, основных металлов и т.д. – нет серьезной конкурентной борьбы. В самом деле: соответствующие рынки не слишком структурированы, ценообразование на них унифицировано, а на уровень цен сильное влияние оказывают согласованные действия производителей и реакция потребителей на основных рынках. Хотя нефть и золото производятся в десятках стран, ни одна из них не была «выдавлена» с рынка за последние

17. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations. – Houndmills, N.Y., 1990. – P. 19, 30.

18. См.: Cohen D. The Wealth of the World and the Poverty of Nations. – Cambridge (Ma.), L., 1998. – P. 123.

полвека – в то время как структура и территориальное позиционирование мирового промышленного производства изменились самым драматическим образом. Ресурсные богатства представляют собой потенциальное преимущество страны, но они могут трансформироваться в актуальное конкурентное преимущество только при условии, что либо сами эти ресурсы, либо доходы от их продажи будут эффективно использоваться в рамках той или иной национальной экономики.

Из этих фактов вытекают четыре важных вывода. Во-первых, конкурентоспособной на отдельных направлениях может стать даже не вполне эффективная экономика. Во-вторых, «внутренняя» и «внешняя» конкурентоспособность, обусловленная, в конечном счете, различными протекционистскими мерами, крайне неустойчива. В-третьих, задача повышения конкурентоспособности может ставиться и решаться только в масштабах глобального, а не национального рынка. В-четвертых, исключительно сырьевая экономика не может быть конкурентоспособной.

Основные иллюзии

К сожалению, характер заявлений российских политиков и экспертов не дает оснований надеяться на какие-либо прорывы в деле повышения конкурентоспособности страны. Как известно, еще во время второй предвыборной кампании президент В. Путин объявил о необходимости сделать конкурентоспособность «национальной идеей России». В то время задача была сформулировано довольно-таки расплывчато: отвечая на вопросы своих доверенных лиц 12 февраля 2004 г., кандидат в президенты заявил, что «и отрасли, и население, и страна – мы должны быть конкурентоспособны во всем»[19]. При этом президент опирался на, мягко говоря, неочевидное утверждение, согласно которому если «российская экономика должна твердо занять достойное место на мировых рынках, то для этого нужно прежде всего активно развивать свой, национальный рынок»[20]. Не похоже, чтобы «развитие национального рынка» за последние годы повысило нашу конкурентоспособность – ведь сам президент признал, выступая 19 февраля 2007 г. на заседании президиума Госсовета, что «доля продукции с высокой степенью добавленной стоимости в структуре российского экспорта, к сожалению, пока только уменьшается и уже составила около десяти процентов»[21]. Да и обсуждение проблемы на этом заседании продемонстрировало, на мой взгляд, крайнюю сумятицу в представ-

19. *См.: http://www.rosbalt.ru/2004/02/12/143808.html*

20. *http://www.putin2004.ru/shtab/dover/402C6917?session=933858a81d66267a7c97c2094b09462e*

21. *Цит. по: http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/02/118770.shtml*

лениях российской элиты о методах повышения конкурентоспособности страны; причем эти представления оказывались тем сумбурнее, чем выше был пост человека, с ними выступавшего[22].

На мой взгляд, можно отметить несколько опасных заблуждений, постоянно воспроизводимых в выступлениях представителей российской элиты.

Во-первых, из анализа этих выступлений, а также опубликованных произведений отечественных политиков и управленцев прямо или косвенно следует, что практически всякое совершенствование, наблюдаемое в экономике, можно трактовать как «повышение конкурентоспособности страны». Но надо понимать, что повышение конкурентоспособности происходит не тогда, когда страна просто имеет положительные темпы развития, а когда она развивается быстрее своих соперников. Об этом умалчивают практически на всех уровнях обсуждения проблемы – и, право, трудно поверить, что только из-за очевидности этого положения.

Во-вторых, в нашей стране сложилось устойчивое представление о какой-то «достаточности» конкурентоспособности на внутреннем рынке. Успехи российских компаний в строительстве, пищевой промышленности; довольно-таки прочные позиции отечественных банков и сырьевых компаний; абсолютная власть над рынком гигантов добывающего сектора; и даже отсутствие у отечественного автопрома серьезных проблем со сбытом его продукции преподносятся как доказательство их «конкурентоспособности». Это неверно. В стране, где более половины доходов бюджета в той или иной мере проистекает из таможенных платежей, изменение внешнеторгового режима способно стремительно превратить лидеров рынка в аутсайдеров.

В настоящее время Россия теряет свою конкурентоспособность, а не укрепляет ее, и об этом вполне красноречиво говорят итоги 2006 г. На его протяжении экспорт вырос на 25,1% в стоимостном выражении, хотя в натуральном объем поставок газа увеличился лишь на 0,9%, а нефти и металлов – даже сократился (соответственно, на 2,0% и 4,4%). При этом импорт увеличился на 39,3% в стоимостном выражении[23], а в натуральном вырос даже более существенно, поскольку на рынке имело место снижение цен на многие потребительские товары с высоким уровнем добавленной стоимости. Мы убаюкиваем себя рассказами о валютных резервах и обманываемся сравнениями с Китаем, утверждая, что его рынок, несмотря на вступление страны в ВТО, по сути, закрыт для импортных товаров. Но на самом деле ни «высокие» пошлины, ни

22. Подробнее см.: http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/19/1729_type63378 type63381_ 118770.shtml.

23. См.: http://www.customs.ru/ru/stats/stats/traderf/popup.php?id286=258; http://www.customs.ru/ru/stats/stats/trfgoods/popup.php?id286=253; http://www.customs.ru/ru/stats/stats/ trfgoods/popup.php?id286=255.

низкий курс юаня не способны обеспечить Китаю комфортное существование: имея огромный профицит в товарообороте с США, КНР не может поддерживать его в торговле с Японией, Южной Кореей и многими другими соседями, вследствие чего некоторые эксперты считают, что курс китайской валюты не слишком уж завышен[24]. В нынешней ситуации нет никаких оснований оценивать конкурентоспособность российских компаний на внутреннем рынке как «удовлетворительную».

В-третьих, весьма широко бытует мнение, будто Россия – пусть даже она и проигрывает в сфере массового производства – имеет отличные перспективы для конкуренции с ведущими странами мира на высокотехнологичных рынках. Тем, кто придерживается такой точки зрения, следовало бы знать, что ни одна страна мира не становилась значимым экспортером высокотехнологичных товаров, если на ее внутреннем рынке – автомобилей, телевизионной техники, компьютеров, средств мобильной связи, самолетов и т.д. – преобладает зарубежная продукция. За этим заблуждением, к которому охотно апеллируют наши политики, в лучшем случае стоит ошибочное отождествление «высокотехнологичного производства» и «высоких технологий», ставшее в России «доброй традицией». На самом деле из развитых стран, в экспорте которых велика доля высокотехнологичной продукции, вывозятся именно товары, а не технологии.

«Производство технологий» не спасет Россию; ее может повести вперед только развитие производства сначала «среднетехнологичных», а потом и высокотехнологичных товаров на собственной территории – и для собственных нужд, и для экспорта. С этим у нас, однако, большие проблемы, обычно не афишируемые. Например, мы часто слышим, что Россия – один из лидеров на мировом рынке оружия: в 2006 г. мы экспортировали вооружений более чем на 6,5 млрд. долл.[25]. Но при этом умалчивается, что в развитых странах основные объемы продукции оборонного назначения производятся для собственных рынков, а не для экспорта, который занимает не более 12% глобального рынка вооружений. В России объем гособоронзаказа составил в 2006 г. чуть более 300 млрд. руб., или около 12 млрд. долл., что соответствует 4,5% общемировых затрат на закупки вооружений – 268 млрд. долл. в 2005 г. (в США – 84 млрд. долл., в Великобритании – 12 млрд., а во Франции – 11,4 млрд. долл.[26]). Притом оружие – не идеальный пример. Его экспорт из России – не стратегическая задача; сейчас он велик потому, что правительство по-

24. См. об этом: Stiglitz J., Charlton A. Fair Trade for All: How Trade Can Promote Development. – N.Y.; Oxford, 2005. – P. 155.

25. См.: http://www.newsru.com/finance/19feb2007/oruzhie.html.

26. См.: SIPRI Yearbook 2006. Armaments, Disarmament and International Security. – Stockholm; Oxford, 2006. – P. 12.

прежнему не закупает новые вооружения для армии. К тому же, рекордный объем российского оружейного экспорта – это менее трети объема экспорта Китаем обычных детских игрушек[27].

В-четвертых, более чем странно думать, что конкурентоспособность может укрепляться в отсутствие самой конкуренции, – а о ней в России складываются «понятия» весьма оригинального свойства. Так, например, совсем недавно Федеральная антимонопольная служба одобрила слияние крупнейших российских производителей алюминия, «РусАл» и СУАЛ, и швейцарской трейдинговой компании Glencore, – хотя в результате этого слияния доля объединенной компании на российском рынке составит 94–100% по отдельным наименованиям продукции; «ограничением» было объявлено недопущение превышения внутренними ценами на алюминий цен лондонской биржи металлов более чем на 5%[28]. Зачем вообще российским компаниям задумываться о конкурентоспособности? С кем им предстоит конкурировать? И ведь пример такого рода – далеко не единственный. Надеяться же, что российская промышленность, многократно более материало- и энергоемкая, чем не только европейская, но и китайская, окажется конкурентоспособной при таких ценах на топливо, сырье и материалы внутри страны, могут только наши чиновники.

Очевидные уроки других стран

Чтобы не злоупотреблять вниманием читателя, приведу лишь несколько уроков, вытекающих из опыта повышения конкурентоспособности в различных странах и во всем мире признанных как данность, которая не предполагает различных толкований.

Первый урок состоит в утверждении о несостоятельности попыток «замещающей индустриализации», которые обосновывались в рамках теории «депендьентизма» и продемонстрировали свою неэффективность еще несколько десятилетий назад. Один из отцов-основателей этой теории, Р. Пребиш, в середине 50-х годов подверг критике модель развития, сложившуюся в странах Латинской Америки как опирающуюся на внешние связи и модели и мешающую полноценному развитию этих стран[29]. Предложенная им, предусматривала сокращение зависимости от «переоцененных» товаров из развитых стран, уменьшение участия западного финансового капитала в национальных эконо-

27. Подробнее см.: Иноземцев В. «Игрушечное оружие» // Business Week (Россия). – М., 2006. – № 21 (35). – 5 июня. – С. 62.

28. Рыбак К. ФАС дает добро «Русалу» // Ведомости. – М., 2007. – 19 января. – С. А2.

29. Цит. по: Meier G.M., Seers D. Pioneers in development. – Wash.: The World Bank, 1985. – P. 177.

30. Amin S. Accumulation on a World Scale. – Harmondsworth, 1976. – P. 131.

миках стран «Юга» и отказ от привлечения кредитов по линии международных финансовых организаций. По мнению другого видного ученого, также принадлежавшего к этому направлению мысли, С. Амина, «пока слаборазвитая страна остается интегрированной в мировой рынок, она будет беспомощной... [и] возможность развития ее промышленности на благо местного рынка останется равной нулю»[30]. Теоретики «особого пути» предлагали поэтому за счет более экономного и эффективного использования средств, получаемых от экспорта, модернизировать национальную промышленность и создавать более современную инфраструктуру. Основными задачами провозглашались опора на внутренние ресурсы, развитие местной промышленности и сокращение импорта, а также взаимная интеграция слаборазвитых стран.

Почти все эти лозунги слышны сегодня и в России. Практика, однако, показала, что модернизация производств собственными силами никак не способствует конкурентоспособности, но наращивает издержки. Неспособность удержать национальные рынки сопровождалась лоббизмом местных предпринимателей, уговаривавших правительства на протекционистские меры. Как следствие, темпы развития начинали снижаться, а доля реализующих такую стратегию стран в мировом производстве – падать. При этом от масштабных заимствований отказаться не удалось, и в первой половине 80-х годов латиноамериканские страны вошли в полосу долгового кризиса, который превратил для них период 1983–1995 гг. в «потерянное десятилетие». Страны Африки и Латинской Америки, пошедшие этим путем, продемонстрировали крайне плохие результаты. В отличие от них экономически открытые государства Азии стали лидерами по темпам хозяйственного роста. Несколько позже, в конце 80-х, зашел в тупик и Советский Союз, имевший самую мощную «импортозамещающую» экономику.

Вторым уроком стал опыт Азии, причем не всех ее стран, а тех, где удалось соединить быструю экономическую интеграцию в мировой рынок с сохранением определенных элементов разумного государственного регулирования, причем довольно специфического свойства. Этот опыт свидетельствует, что поддержка государством тех национальных компаний, которые поставили своей целью быстрое расширение своей доли на мировых рынках, дает хороший эффект. При этом, однако, могут возникать предпосылки для злоупотребления властью и коррупции, а высокая норма накопления в ВВП фактически означает сдерживание роста доходов населения, так как в ином случае темпы роста способны быстро «затухнуть». Эта констатация имеет особенно большое значение.

Где бы ни инициировалась политика хозяйственного прорыва (в Малайзии, Сингапуре и на Тайване это произошло в конце 40-х годов, в Южной Корее и Индонезии – в начале 60-х, в Таиланде – в конце 60-х, в Китае – в середине 80-х, а во Вьетнаме и Лаосе – на рубеже 90-х годов), средний доход на

душу населения не превышал 200–300 долл. в год[31]. Уровень доходов населения оставался низким и в 90-е годы, а, например, в Таиланде, Малайзии и Индонезии с середины 70-х годов до конца 80-х реальная заработная плата фактически не повышалась, что и позволяло этим странам стремительно повышать свою конкурентоспособность на внешних рынках. В Японии же, где доходы граждан практически сравнялись к концу 80-х годов с европейскими, темпы роста экономики быстро замедлились, а в 90-е годы замерли около нулевой отметки.

Таким образом, быстрый рост конкурентоспособности азиатских экономик был «куплен» ценой интенсификации использования всех хозяйственных ресурсов, активной эксплуатацией рабочей силы и умеренным ростом уровня жизни. России такая модель вряд ли подходит: достаточно вспомнить, что на Российском экономическом форуме в Лондоне в апреле 2006 г. была организована целая секция под красноречивым названием «Роскошь как национальная идея России» и что наше правительство искренне гордится опережающим ростом доходов населения по отношению к приросту ВВП.

Третий урок может быть вынесен из одного только знаменательного факта: в любой из «развивающихся экономик» не было предпринято даже каких-либо попыток сделать основой «стратегии прорыва» новые технологии и научные разработки. Ни одна из этих стран (даже Япония на пике своего успеха в конце 70-х – середине 80-х годов) не могла себе этого позволить: объем продаж японских патентов составлял в то время всего ⅛ от сумм, которые Страна Восходящего солнца тратила на импорт технологических новинок из государств, где солнцу привычнее было заходить[32]. Остальные государства, вполне успешно конкурировавшие с Западом на товарных рынках, и вовсе оказывались в серьезной технологической зависимости от него, но никак не наоборот.

Например, значительную часть производства высокотехнологичных товаров в Китае контролируют европейские и американские компании, использующие страну как сборочный цех. Попытка китайцев внедрить на мировой рынок собственный стандарт DVD-воспроизведения пока не принесла явного результата. Другие страны – такие, например, как Индия – уверенно занимают определенные технологические ниши, но, как ни обидно это признавать, лишь те, которые им сознательно оставляют производители из США и Европы. Причина такого положения дел кроется, на мой взгляд, в самой специфи-

31. Подробнее см.: Иноземцев В. Расколотая цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. – М., 1999. – С. 345–346.

32. См.: Иноземцев В. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. – М., 1998. – С. 522–524.

ке «постиндустриального» хозяйства, которое требует, с одной стороны, широкого рынка, участники которого демонстрируют серьезный спрос на технологии и наукоемкие продукты; с другой – появления «центров средоточения» интеллектуальных кадров, а также высоких стандартов признания и престижности научного труда. Ничего подобного нет в России и наивно ожидать научного ренессанса в стране, не имеющей собственных *массовых* технологичных производств. Рассуждения же о «духовности» и «талантливости» народа, во-первых, не имеют к экономике никакого отношения, а во-вторых, разбиваются о вопрос, почему в социальной элите страны так быстро концентрируются в основном люди черствые и бесталанные.

Тупики российской действительности

Размышляя о возможностях выхода из незавидного положения, в котором оказалась современная Россия, поневоле приходишь к впечатлению о его тупиковом характере.

С одной стороны, в начале и середине 90-х годов страна имела определенные конкурентные преимущества, и среди них – квалифицированную рабочую силу; в целом здоровую систему мотивационных факторов и ценностных ориентиров экономически активного населения; дешевые природные ресурсы; правовую систему, дававшую предпринимателям значительную «свободу маневра»; наконец, либеральное внешнеэкономическое законодательство. Однако эти преимущества использованы не были – прежде всего потому, что непродуманные реформы породили в обществе хаос и дезорганизацию, привели к растрате значительной части производственного потенциала страны и, снизив уровень жизни населения, примитивизировали его возможности и мотивы деятельности. В то же время резко деградировала сфера образования, а система профессионального обучения была практически полностью разрушена. Новые возможности открылись в 1998–1999 гг., когда обвал рубля на время сделал конкурентоспособными отечественные производства, а правительство Е. Примакова задумалось о стратегии промышленного развития страны, но этот период оказался недолгим.

С другой стороны, повышательная тенденция на сырьевых рынках, наметившаяся после 2000 г., к настоящему моменту практически лишила Россию двух важных преимуществ, на которых строили свои стратегии повышения конкурентоспособности все без исключения страны, добившиеся успеха на этом поприще, – дешевых ресурсов и реалистично оцениваемой рабочей силы. Вместе с тем сырьевой бум сопровождался таким ростом доходов среднего класса, который позволил его представителям окончательно отвернуться от отечественной продукции. Таким образом, к середине 2000-х годов узкие уще-

лья, по которым Россия могла бы прорваться к состоянию развитой индустриальной страны, оказались полностью «заваленными».

Сегодня российская экономика практически невосприимчива к деньгам; огромные инвестиционные ресурсы, притекающие в страну в виде платежей по экспортным контрактам, не находят себе применения, «надувая», в основном, спекулятивные пузыри на сырьевом и фондовом рынках, а также завышая стоимость капитальных активов.

Бензин – энергоноситель, цена на который сейчас складывается исключительно под влиянием рыночных факторов, – стоит на внутреннем рынке в четыре раза дороже, чем в том же Китае, который, в отличие от России, нефть импортирует, а не вывозит. Металлоконструкции и некоторые стройматериалы стоят в 2,2–2,5 раза дороже, чем в странах Восточной Европы, бывших союзниках СССР. Но более того, даже подорожавшие ресурсы оказываются дефицитными, и многие предприниматели, выбирая, в какой стране построить новые предприятия, начинают ориентироваться на еще недавно немыслимый в России параметр: на время, которое необходимо затратить на подключение к электрическим сетям. В России средний срок согласований составляет около четырех месяцев, тогда как во Вьетнаме, например, 17 дней, а в Таиланде – 23 дня[33].

Внутренние цены на энергоносители и многие другие производственные факторы составляют сейчас в России не меньше $^{4}/_{5}$ среднемирового показателя, но страна осталась при этом крайне неэффективной как в использовании сырья, так и в производстве электроэнергии. Потребление газа в России (430 млрд. м^3) превышает суммарное его потребление в Японии, Великобритании, Германии, Франции и Италии (ВВП которых больше российского почти в 13 раз!). Объем генерации электроэнергии (около 900 млрд. кВт·ч) всего на четверть больше, чем в Канаде с ее 32-миллионным населением, и в 4,5 раза меньше, чем в США. В таких условиях отказ от инвестирования средств Стабилизационного фонда выглядит наименьшим злом, поскольку в ином случае деньги будут потрачены на производство товаров, рыночная стоимость которых окажется ниже суммарной стоимости израсходованных ресурсов. Так что нефтяные доходы не обеспечат нам промышленного прорыва.

Они могут обеспечить (да, собственно, уже и обеспечили) «пузырь» на рынке капитальных активов и стремительное разбухание административного аппарата. Рост доходов от сырьевого экспорта наполнил российский бюджет и позволил без проблем обслуживать внешние долговые обязательства. Поднял-

33. Подробнее о факторах привлекательности «новых стран» Юго-Восточной Азии для инвесторов см., например: Помонти Ж.-К. Вьетнам: Экономический рост и культурное брожение // Le monde diplomatique (русское издание). – М., 2007. – № 2. – С. 17.

ся суверенный рейтинг страны; на фондовый рынок, «перепроданный» в 1998 г., потекли российские и зарубежные инвестиции. К 2003 г. фондовые индексы достигли рекордных значений 1997 г., а вскоре и превзошли их.

С этого момента новым фетишем российского состоятельного класса стала капитализация крупных компаний, по которой отныне начали оценивать общее состояние экономики. Переключение внимания на этот фактор сыграло, на мой взгляд, критически важную роль в феномене экономического роста 2002–2007 гг.: предприниматели, по сути, закрывали глаза на рост издержек, так как могли рассчитывать на легкую подкредитовку бизнеса под залог активов – вещь немыслимую в 90-е годы. Значительный поток денег, поступавших в страну от экспорта, позволял не задумываться и об ограниченности платежеспособного спроса.

В свою очередь государство, озаботившееся непокорностью свободного бизнеса и его потенциальными политическими амбициями, перешло в 2004 г. от тактики запугивания и разгрома, примененной по отношению к «ЮКОСу», к стратегии «дружественных поглощений» активов, кажущихся ему привлекательными. Как следствие, капитализация крупных промышленных компаний стремительно пошла вверх, но это никого не смутило – «Сибнефть» была куплена «Газпромом» на пике цены, а «Норильский никель», если власти решат приобрести и его, тоже достанется российскому государству по очевидно завышенной стоимости. Это, однако, вполне укладывается в логику действий власти, заранее обеспечивающей свои интересы в приобретаемых компаниях или же перенаправляющей генерируемые ими финансовые потоки в руки лиц, с которыми она тесно сотрудничает.

В результате к началу 2007 г., когда фондовый индекс РТС приблизился к рубежу в 2000 пунктов, втрое превысив показатель 1997 г., капитализация 10 крупнейших сырьевых компаний России составила 650 млрд. долл., или ⅔ ВВП, а стоимость самой большой из них, «Газпрома», достигла 270 млрд. долл., что составляет более четверти ВВП Российской Федерации (для сравнения: рыночная капитализация самой дорогостоящей компании США, ExxonMobil, не превосходит 3,5% американского ВВП, а в Европе соответствующие показатели еще ниже). При этом доля государства в совокупном акционером капитале российских компаний превысила 35%.

Этот «пузырь» имеет весьма отдаленное отношение к реальному благополучию российских фирм, и его «надувание» обусловлено как спецификой ситуации внутри страны, так и усилиями международных спекулянтов. Ощущая себя в полной безопасности «под крылом» власти, крупные государственные компании стали привлекать огромные кредиты, нередко направляемые на финансирование приобретения непрофильных активов, а не на развитие основной деятельности. В результате, если в 2003–2006 гг. государственный долг РФ снизился с 98 до 66 млрд. долл., или на 49%, то долги российских банков

и производственных компаний увеличились с 31 до 167 млрд. долл., или в 5,4 раза! Можно ли предположить, что все эти деньги были реально инвестированы в потенциально прибыльные промышленные проекты? Я не взял бы на себя такую смелость.

Спекулятивная экономика, производственный сектор которой стремительно сокращается, порождает специфическую систему распределения доходов. В условиях, когда производство и экспорт энергоносителей обеспечивают 55–60% поступлений в бюджет, возникает возможность увеличивать расходы по мере роста нефтяных цен. В последнее время так и происходит: расходные статьи бюджета увеличиваются на 25–30% ежегодно. Ввиду того что образование, здравоохранение и даже инвестиционная деятельность не попадают в список приоритетов (так как потребность сырьевого и финансового секторов в них минимальна), основное внимание уделяется тем службам, которые призваны поддерживать status quo. Так из спекулятивной экономики рождается паразитическая.

Хотя экономика России до сих пор не вернулась к показателям 1990 г., над ней нависает тень массы «управленцев» и «контролеров»: численность чиновников достигла 1,45 млн. человек и уже превысила численность бюрократов во всем бывшем СССР. Вооруженные силы, хотя и подверглись сокращению, в 2005 г. насчитывали 1,2 млн. военнослужащих и почти 900 тыс. человек гражданского персонала. В структурах Министерства внутренних дел служат 820 тыс. человек, не считая обслуживающего персонала (еще около 140 тыс.). Состав сотрудников Федеральной службы безопасности не известен даже приблизительно, но вряд ли в ее рядах состоит менее 200 тыс. человек. Прокуратура – это еще 150 тыс. работников. Федеральная служба охраны – не менее 15 тыс. человек. Федеральная миграционная служба – еще 18–20 тыс. (в дополнение формируется еще «миграционная полиция» численностью до 20 тыс. человек). Служба по контролю за оборотом наркотиков имеет в своем штате почти 30 тыс. человек, причем она возбудила в прошлом году расследования по менее чем 20 тыс. правонарушений в данной сфере – на трех «борцов» тут пришлось всего два преступника! В общей сложности в стране «создают» и поддерживают установленный государством порядок почти 5 млн. человек, – а это более 15% (!) мужской рабочей силы, занятой во всем народном хозяйстве страны. «Оборотная сторона» их усилий – 780 тыс. человек в местах лишения свободы или в следственных изоляторах Министерства внутренних дел.

Несмотря на это, преступность растет: в первой половине 2000-х годов ежегодно фиксируется на 10,6% больше убийств, на 38,2% больше разбоев и на 71,7% больше преступлений, связанных с оборотом наркотиков, чем в среднем за 1992–1999 гг. Граждане, способные платить за свою безопасность, делают это гораздо активнее, чем прежде: сегодня в России насчитывается более

3 тыс. частных охранных предприятий, и почти 10 тыс. компаний имеют собственные службы безопасности. В ЧОПах работают 380 тыс. человек, а в корпоративных службах безопасности еще почти 300 тыс., и вряд ли все они создают «истинные ценности».

Сформировавшаяся за последние годы «силовая олигархия» не вносит позитивного вклада в экономику, так как не способна ни создать эффективную систему защиты собственности граждан (да и их жизни), ни организовать работу судебной системы, ни искоренить коррупцию и произвол. В то же время ее содержание обходится стране все дороже: отпускаемые на эти цели бюджетные средства из года в год растут на 20–25% и составляют сегодня 40% всех расходов бюджета (около 7,9% ВВП). С учетом негативного эффекта, который вызван давлением этой пирамиды, ее «цена» для российской экономики может составлять 14–17% ВВП[34].

Есть ли выход из этого глубокого системного кризиса? На мой взгляд, есть. Но он предполагает серьезный пересмотр целей развития страны и общих методов обеспечения ее экономической конкурентоспособности.

Элементы возможной стратегии

Экономическая конкурентоспособность государства отличается от экономической конкурентоспособности предприятий или корпораций. Главным фактором, обусловливающим эти отличия, является геополитическое позиционирование страны – ее масштаб, емкость рынков ее самой и сопредельных стран, динамика собственных трудовых ресурсов и ситуация у соседей, наконец – общая нацеленность внешнеэкономической деятельности и степень интегрированности в региональную и глобальную экономику. Определенное сочетание этих факторов в странах Юго-Восточной Азии и обусловило их возможность быстро занять нишу производителей трудоемких потребительских товаров среднего качества, а наличие отлаженной логистики позволило им сориентироваться на американский рынок.

Американские компании активно переносят свои производства в Китай и другие страны региона и постоянно увеличивают объемы импорта из этой части мира. Соответственно, доллар играет здесь роль основной резервной валюты. В Восточной же Европе посткоммунистические страны, несмотря на явное политическое подражание курсу Вашингтона, пошли на стремительную интеграцию с государствами ЕС-15. В результате всего за 15 лет они фактически стали для Западной Европы тем же, чем Китай для Соединенных Штатов.

34. Подробнее см.: Inozemtsev V. Rusland bouwt in Sovjet-stijl aan kostbare veiligheids-economie // Het Financieele Dagblad. – Amsterdam, 2006. – December 29. – P. 9.

Уже сегодня в новых государствах ЕС производится более трети всей бытовой электротехники Европейского союза, а в 2008 г. они будут преобладать на автомобильном (!) рынке ЕС. Сравнение с отечественным автопромом говорит само за себя.

Существуют и более сложные ситуации. Так, например, Латинская Америка представляет собой континент, геоэкономическая ориентированность которого по крайней мере неоднозначна. Еще недавно можно было уверенно констатировать явное доминирование европейских стандартов и европейского капитала в Бразилии и Аргентине – странах, обращенных к Атлантическому бассейну, и копирование американских практик в Чили, Перу и Колумбии, не говоря уже о странах Центральной Америки. Сегодня эта картина стала еще более сложной в силу «боливарианских» экспериментов Венесуэлы и Боливии. Однако очевидно, что присутствие той или иной мощной экономической державы как основного партнера модернизирующейся страны накладывает отпечаток на все ее развитие.

У России и в этом отношении «все не слава Богу». Она не расположена, подобно Китаю или Бразилии (да отчасти и Индии), в центре какого-либо развивающегося региона, состоящего из менее значимых субъектов. Напротив, она сама находится в «зонах влияния» и «зонах интересов» двух поднимающихся центров: интегрирующейся Европы и Китая, ищущего свое место в мире. ВВП стран Европейского союза превосходит российский показатель в 12–13 раз; население Китая в десять раз больше российского. 3%-ный рост европейской экономики и 10%-ный рост китайской – ежегодно прибавляют к их ВВП, рассчитанным по паритету покупательной способности, в среднем по 400 млрд. долл., что составляет $^{2}/_{5}$ ВВП Российской Федерации. Как бы ни тщились мы удвоить свой ВВП за 7–8 лет, Россия даже при самом благоприятном стечении обстоятельств будет терять свой масштаб на фоне европейского и азиатского экономических колоссов.

В таких условиях России необходимо определиться с выбором союзника, в блоке с которым она собирается конкурировать в мире XXI в. Я считаю, что Китай не может быть таким союзником. Во-первых, потому что он гораздо более конкурентоспособен, чем Россия, и использует именно те преимущества, которые она сама должна бы использовать, если собирается повышать свою конкурентоспособность. Во-вторых, потому что Китай крайне зависим от США в определении ориентиров своей экономической политики. В-третьих, потому что у Китая нет заинтересованности в какой-либо серьезной экономической интеграции с Россией.

Основным партнером России должен стать Европейский союз, так как только для него наша страна является экономически дополняющим субъектом, значимым рынком сбыта, площадкой для дальнейшего перенесения относительно высокотехнологичных производств и потенциальным геополитическим

союзником (во всяком случае, своего рода indispensible nation). Только ориентируясь на Европу и втягиваясь в экономический союз с нею, Россия сможет реализовать свои естественные конкурентные преимущества в наибольшей мере – в этом я глубоко убежден.

Вторым важным шагом в повышении конкурентоспособности страны должен стать радикальный пересмотр всех элементов той политики, которая в последние годы привела к необоснованному, спекулятивному удорожанию факторов производства. Опыт 1998–1999 гг., когда даже в условиях низких цен на энергоресурсы и острых бюджетных проблем российская экономика продемонстрировала уверенный рост, показывает: Россия может быть конкурентоспособной только при серьезном снижении внутренних цен на сырьевые ресурсы, энергоносители, и – что наименее очевидно, но наиболее существенно – на живой труд. Как это ни печально, следует признать, что экономически активное население страны получает сейчас гораздо больше, чем зарабатывает.

Уровень жизни в стране, которая неспособна экспортировать практически ничего, кроме нефти и газа, не может создать собственный автомобиль с автоматической коробкой передач и произвести собственный мобильный телефон, не может быть таким, как сегодня. Для того, чтобы российские товары были конкурентоспособными при нынешней структуре промышленности, ее энергоемкости, упадке инфраструктуры и эффективности государства, средние доходы населения должны быть как минимум вдвое ниже, чем сегодня, цены на энергоносители – в 2,5–3 раза ниже нынешних, а на сырье и металлы – в 3–3,5 раза ниже. Иначе говоря, ***необходимо восстановить те ценовые параметры конкурентоспособности основных факторов производства, которые имели место в середине 90-х годов***. Если признать это невозможным, о какой-либо конкурентоспособности России можно забыть, так как в мире есть сотни миллионов людей и десятки государств, которые готовы работать лучше и за меньшие деньги, чем наши соотечественники, и управлять своим народным хозяйством с учетом глобальной конъюнктуры и в интересах развития страны, а не только в личных интересах. Некачественные товары – а российские и китайские относятся именно к этой категории – могут иметь спрос на рынке только за счет низких цен. И приходится признать, что в этом плане Россия не имеет никаких конкурентных преимуществ – хотя вполне могла бы их иметь и ими пользоваться, учитывая масштаб своих ресурсных богатств и относительную материальную непритязательность значительной части населения.

Третьей мерой, без которой повышение конкурентоспособности России в новом столетии представляется мне невозможным, является всемерное наращивание конкуренции на внутреннем рынке. Во-первых, не следует бояться притока в страну импортных товаров, но при этом необходимо делать их все дешевле и дешевле. Обостряющаяся конкуренция на глобальных рынках само-

го примитивного ширпотреба позволяет сегодня повышать уровень жизни населения не через рост заработной платы, а через снижение расходов на самые необходимые товары. Именно этот метод позволяет Соединенным Штатам добиваться стабильного роста производительности труда в последние годы[35]. Отрасли, которые не смогут бороться с конкуренцией на внутреннем рынке, никогда не станут конкурентоспособны на внешнем. Единственное, что в данном случае необходимо, – это сознательное ограничение конкуренции в ряде социально значимых отраслей, таких как сельское хозяйство; но для разработки соответствующих мер не нужно изобретать велосипед, достаточно ввести в действие в России, пусть и с определенными изменениями, европейские нормы конкуренции на аграрном рынке.

Во-вторых, нужно с максимальной жесткостью бороться с монополиями в сфере ресурсодобычи и производства сырьевых товаров и полуфабрикатов. Сделки, подобные слиянию «РусАл», СУАЛ и Glencore, должны быть отменены, а за полученные незаконные выгоды руководители этих компаний должны быть наказаны не менее жестко, чем владельцы ЮКОСа – за уклонение от уплаты налогов. Институт уполномоченных поставщиков нефти и нефтепродуктов в отдельные регионы должен быть немедленно отменен. Если «Газпром» или РАО ЕЭС не могут обеспечить подключение к газопроводам или энергосетям нуждающихся в этом потребителей, монополии этих компаний на прокладку газовых сетей и строительство электростанций должны быть немедленно отменены. Необходимо немедленно отменить все меры, препятствующие доступу строительных компаний, зарегистрированных в России, на рынки любых городов, включая Москву и Санкт-Петербург. И наконец, нужно снять все ограничения на перемещение по стране рабочей силы, включая систему регистрации и приглашений на работу. ***Без активизации конкуренции на внутреннем рынке говорить о повышении конкурентоспособности страны в масштабах глобальной экономики бессмысленно***.

Четвертым фактором повышения конкурентоспособности я назвал бы применение мер государственной поддержки к тем компаниям, которые ставят своей целью – и при этом достигают ее – выход на мировой рынок. Примеры успеха японской автомобильной промышленности или бразильской авиастроительной корпорации Embraer показывают, что поддержка государства в процессе создания конкурентоспособных компаний крайне важна. Однако основным уроком является то, что ***мера этой поддержки должна обусловливаться успехами фирмы в глобальной, а не локальной конкуренции***. АвтоВАЗ может получать госсубсидии только в том случае, если он начнет расширять сбыт за границей. Создавать компании, конкурентоспособные только в преде-

35. Подробнее о том, как это происходит, см.: Иноземцев В. Купить дефляцию // Ведомости. – М., 2005. – 28 ноября. – С. А4.

лах собственной страны, – значит просто обманывать себя и других в том, что эти фирмы вообще являются конкурентоспособными. Если бы Embraer развивалась как фирма, целью которой было создать самолет для бразильских внутренних линий, можно с уверенностью сказать, что этот самолет производился бы столь же «массово», как «Москвич» марки «Калита», и пользовались бы им лишь бразильские бюрократы, а не 26 авиакомпаний 17 стран мира.

Пятым направлением повышения конкурентоспособности должно было бы стать ***совершенствование государственных и общественных институтов***. В конечном счете, конкурентоспособными бывают не государства или компании, а люди, деятельность которых обусловливает успехи или неудачи тех и других. А конкурентоспособность этих людей должна проверяться и доказываться так же, как и конкурентоспособность корпораций. К сожалению, сегодня конкурентность в подборе персонала на всех уровнях бюрократической иерархии в России гораздо ниже, чем в экономике в целом. За последние годы путинская система управления практически полностью девальвировала меритократический принцип, принятый во всех без исключения эффективных управленческих структурах.

В условиях отсутствия политической конкуренции, ставшей фундаментальной чертой России «эпохи борьбы за укрепление государственности», рекрутирование новых членов чиновничьей касты происходит с учетом способности новоприбывающих подорвать позиции тех, от кого зависит их назначение. Возникает классическая система «отрицательного отбора», в которой отсутствие таланта и умений оказывается не недостатком, а достоинством претендента, делающим его менее опасным для тех, кто уже находится около «кормушки». Поэтому профессионализм принимаемых решений катастрофически снижается, и бюрократический аппарат работает все хуже.

Подспудно мысль о «достоинствах» дилетантизма и пренебрежение к профессиональным качествам навязываются всему обществу как своего рода «новая идеология» современной России. Достаточно посмотреть наиболее популярные шоу на нашем телевидении, чтобы увидеть, что их героями являются циничные молодые люди без определенных занятий, годами не способные достроить свои «дома», недоучившиеся «кадеты» или, на худой конец, безголосые звезды эстрады, решившие вдруг на глазах у миллионной аудитории поерзать по льду вместе с чемпионами мира по фигурному катанию[36]. Страна, девальвирующая ценности знания, не может быть конкурентоспособной в XXI столетии.

---

36. Подробнее о «деинтеллектуализации» России см.: Иноземцев В. Вверх по лестнице, ведущей вниз... // Le Monde diplomatique (русское издание). – М., 2007. – № 2 (февраль). – С. 1, 6–7; Иноземцев В. Природа и перспективы путинского режима // Свободная мысль. – М., 2007. – № 2. – С. 39–58.

* * *

Можно ли надеяться, что в ближайшие годы Россия сможет повысить свою конкурентоспособность? На мой взгляд, такие надежды, к сожалению, беспочвенны. С одной стороны, во многих регионах современного мира созрело понимание, что с интеграцией в мировой рынок та или иная страна получает шанс на то, чтобы стать конкурентоспособной в определенной области. Ниши, в которых Россия могла бы найти себя в мировой экономике, стремительно закрываются. При этом высокие цены на ресурсы способствуют пренебрежению развитием и консервируют крайне отсталый производственный комплекс страны.

С другой стороны, во внутренней политике и в политике, направленной на регулирование национального рынка, явно победили силы, принципиально враждебные конкурентности в любой ее форме, силы, которые не приемлют самого принципа конкуренции. К сожалению, они находят поддержку в обществе и пытаются, причем вполне успешно, представить свои взгляды в качестве «исторически и естественно присущих» России. Широкая поддержка таких взглядов и позиций не дает основания предположить, что нынешний политический курс может быть изменен в ближайшее время.

Наконец, имеет свое значение и такой фактор, как стремление современной России не столько найти свое место в мире, сколько убедить саму себя в том, что это место уникально, что никто и ничто, кроме «высшей силы», не может определять этого места, что Россия – это какой-то необыкновенный «пришелец из иного мира», которому не писаны правила мира окружающего. Это проявляется сегодня практически во всех серьезных действиях российского руководства во внутренней и внешней политике, и нет оснований предполагать, что подобная идеология будет отвергнута прежде, чем полностью обанкротится. Вместе с ней, видимо, в очередной раз обанкротится, а не станет конкурентоспособной, и сама Россия. Но, можно быть уверенным, не ее нынешние руководители.

В.С. Мартьянов

ПОЛИТИЗИРОВАННАЯ ДЕМОГРАФИЯ, ИЛИ СКОЛЬКО НАСЕЛЕНИЯ НУЖНО РОССИИ

Мартьянов Виктор Сергеевич – кандидат политических наук, ученый секретарь Института философии и права Уральского отделения РАН.

Содержание отечественных СМИ и серьезных научных изданий в последние годы переполнено апокалипсическими прогнозами о «вымирании России». Констатации «демографической катастрофы», «вымирания» и возможного в будущем «распада» страны приобрели статус самоочевидного утверждения, не нуждающегося в доказательствах. Меры, призванные увеличить рождаемость, приобрели вид национального проекта, чуть ли не паллиатива искомой всеми политическими лагерями национальной идеи. Любые контраргументы и попытки сменить перспективу взгляда на подобные «самоисполняющиеся пророчества» встречаются в лучшем случае с недоумением, в худшем – как попытка подрыва национальной безопасности.

Рост численности населения России *сам по себе* практически всеми участниками общественных дискуссий о демографии считается безусловным благом. Но так ли это на самом деле?

1. Демографические лимиты Земли

На демографическую динамику влияет множество факторов одновременно и она оказывает совокупное воздействие на благосостояние, экономический рост, качество жизни населения и т.д. Демографические изменения являются многосоставной комплексной проблемой, на которую влияют все аспекты жизни людей, начиная с уровня доходов и здравоохранения, и заканчивая условиями проживания и оценкой гражданами своих перспектив на будущее. Поэтому регулировать ее со стороны государства довольно сложно, если вообще возможно.

Но прежде необходимо ответить на главный вопрос нынешнего государственного «регулирования» – в чем цель увеличения населения России? Демографические показатели во многом зависят от климата, истории, уровня экономического развития, образования населения, культурных обычаев и т.д. Более того, в долгой истории человечества именно рост населения всегда приводил к войнам, обусловленным высоким демографическим давлением, нищете, голоду, эпидемиям, тотальному обесцениванию самой человеческой жизни. Статистика показывает, что демографический прирост снижается там, где растет уровень доходов, образования, здравоохранения[1]. И наоборот, общий рост благосостояния общества и благополучия людей в различных регионах современного мира не в последнюю очередь обусловлен стабилизацией численности населения, когда его прирост не «съедает» с лихвой весь прибавочный продукт на душу населения, полученный той или иной национальной экономикой в результате ее роста.

Во второй половине 1930-х годов известный антрополог Клод Леви-Стросс проницательно писал по поводу хронически перенаселенной Индии: «...если общество становится слишком многочисленным, то каких бы гениальных мыслителей оно ни порождало, оно может существовать только тогда, когда создает неравенство. Когда людям становится слишком тесно в географическом, социальном и духовном пространстве, возникает опасность поддаться искушению простого решения, которое состоит в том, чтобы лишить часть этого общества права называться людьми... С этой точки зрения, те события, театром которых стала Европа последнего двадцатилетия (1910–1930 гг. – Первая мировая война, революция в России, нацизм, фашизм. – *Авт.*), завершающего эпоху удвоения населения, уже не могут казаться мне результатом заблуждения одного народа, одной доктрины или группы людей... систематическое обесценивание человека человеком распространяется все больше; лицемерно и безрассудно пытаться уйти от проблемы с помощью отговорки, что это временная болезнь»[2].

Леви-Стросс, высказывая справедливые предостережения накануне Второй мировой войны, еще не предполагал, что демографический взрыв в конце XX в. пойдет на спад. А Европа, США, СССР и страны, сумевшие с ним справиться раньше других, закрепятся на ведущих позициях в глобальной мироэкономике.

В своей истории человечество пережило два демографических перехода, приведших к скачку численности населения. Первый демографический взрыв связан с переходом человечества от собирательства и охоты к земледельческой

1. Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М., 2004. – С. 37–49.

2. Леви-Стросс К. Печальные тропики. М., 1999. – С. 192.

цивилизации, когда земля казалась «бесконечным» ресурсом: «До распространения земледелия численность человечества, по оценкам, не претендующим на точность, вряд ли менялась в течение целых тысячелетий, и население было очень редким. В древности, с 5000-го года до н.э. до 1 года н.э., население росло в геометрической прогрессии – примерно удваивалось каждую тысячу лет. Очевидно, это было связано с освоением почти неограниченного в то время ресурса – пахотной земли...»[3]. Но уже в Средние века в Европе и Азии вплоть до XIV в. можно было наблюдать относительную демографическую стагнацию, связанную с достижением оптимальной численности населения для традиционного аграрного общества при соответствующем ему уровне технологий, производственных отношений и введении в сельхозоборот всех доступных земель.

Второй демографический скачок обусловлен переходом к капитализму, связанному с формированием рыночного хозяйства, промышленным переворотом, новым технологиям обработки земли, использованием не возобновляемых ископаемых, достижениями медицины и т.п. Этот период формирования постаграрных обществ начался в Европе и Азии в XIV в., охватив мир глобально к XX в. Интенсивность глобализации капитализма обусловила беспрецедентно короткую по предыдущим историческим меркам демографическую революцию. Оказалось, что на новом технологическом этапе Земля вновь может прокормить гораздо больше людей, чем ранее. Поэтому за последние несколько столетий, начиная с XV в., численность человечества увеличивалась каждое столетие примерно в 1,5 раза. В настоящее время темпы демографического прироста в мире замедляются. Очевидно, что человечество в XXI в. не будет расти столь быстро как в XX в., когда оно увеличилось в рекордные 4 раза (см. табл. 1). И вопреки утверждениям алармистов следует отметить, что стабилизировавшееся население стран Европы и России вряд ли станет меньше, чем, например, в 1900 г.

Таблица 1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА[4]

Год	*Численность (млн. человек)*
5 тыс. лет до н.э.	4
1-й г. н.э.	170
500 г. н.э	190
1000 г. н.э.	265
1500 г. н.э.	425
1800 г. н.э.	905
1900 г. н.э.	1630
2000 г. н.э.	6000
2050 г. н.э. (медианный прогноз)	9000

3. Фет А.И. Инстинкт и социальное поведение. Новосибирск. 2005.
4. См.: http://modernproblems.org.ru/capital/instinct/10.htm.

В настоящее время демографический переход к современности-капитализму в большинстве регионов мира завершен, либо близится к концу. Но в одних странах «капиталистический» демографический переход к «низкой рождаемости и высокой продолжительности жизни» уже произошел, в то время как другие только начинают преодолевать период второй демографической революции. Поэтому постиндустриальный мир и слаборазвитые страны находятся в состоянии *демографической неодновременности*, представляя собой разные исторические реальности. Таким образом, некорректно сравнивать развитые страны, уже пережившие свой демографический взрыв, обусловленный переходом от традиционно-аграрного к городскому (индустриальному) образу жизни с всеобщим образованием, современным здравоохранением, высокими среднедушевыми доходами со странами, которые находятся лишь на пороге современности.

Европа пережила свой демографический взрыв в XIX – начале XX в. Развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки и Среднего Востока переживали его во второй половине XX в., вплоть до настоящего времени. Этот всплеск рождаемости объясняется наложением достижений современной медицины на модель воспроизводства традиционного аграрного общества. Но рост среднедушевых доходов, всеобщий охват населения образованием и медициной, глобальное сокращение доли сельского населения неизбежно ведут к стабилизации рождаемости на более низком уровне. Это правило справедливо и для Европы, и для Японии, Кореи, ОАЭ, и для стран Африки.

Нынешние развивающиеся страны переживают демографический переход в более короткие сроки, чем Европа, которой для этого потребовалось больше века. По подсчетам специалистов, «1967 год стал рекордным по темпам роста населения в мире в целом – 2,1% в год. А начиная с 1971 г. они стали постепенно снижаться, достигнув к 1997 г. 1,6%. Последнее десятилетие XX в. оказалось в демографическом плане переломным. Начался процесс *демографического перехода*, когда популяционная стратегия «снижение смертности, темпов рождаемости и темпов прироста населения», которая возобладала в развитых странах еще в XIX в., постепенно становится доминирующей во всем мире».[5] По прогнозам, темпы прироста мирового населения сократятся в 2010 до 1,11%, а в 2030 г. до 0,77%.[6] *Таким образом, исторический пик темпов глобального демографического прироста человечества в результате перехода к капитализму-современности можно считать пройденным.*

---

5. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е. Критическая перенаселенность России // Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. М.: ИНФРА-М, 2005.

6. Фет А.И. Инстинкт и социальное поведение. Новосибирск. 2005.

Особого внимания заслуживает изменение плотности населения в различных частях мира. Согласно положениям структурно-демографической теории Дж. Голдстоуна[7], демографические циклы, связанные с изменением плотности населения, могут оказывать детерминирующее влияние на динамику социальных отношений, вплоть до предпочтения обществом той или иной формы правления. Например, перенаселенность провоцирует автократию и жесткое регулирование распределения дефицитных ресурсов, а свободный доступ населения к избыточным для него ресурсам, прежде всего к земле, – демократические формы самоуправления общества.

Достижение же экстремально высокой плотности населения для конкретного исторического и технологического уровня развития общества чревато социальными катастрофами и революциями. В природе любая популяция, вышедшая на пределы экологической ниши, приводится к оптимальному уровню через «сжатие», т.е. катастрофическое сокращение численности. Отчасти эта аналогия уместна и для человеческих популяций, исчерпавших ресурсы своего развития на данном технологическом, экономическом и социальном уровнях развития.

В таком контенксте хрестоматиен пример Российской империи как аграрного государства, достигшего предельной численности населения к концу XIX в. Страна нуждалась в промышленной модернизации и осуществлении демографического перехода деревня-город, в противном случае демографическое давление деревни вело к неизбежным социальным потрясениям: «В целом, на протяжении второй половины XIX в. потребление балансировало на уровне, близком к минимальной норме и примерно половина населения жила в условиях постоянного недоедания. Случайные воздействия, такие, как войны и большие неурожаи, рано или поздно должны были нарушить это неустойчивое равновесие и привести к кризису. Первый такой кризис имел место в 1892 г., второй – в 1905–1907 годах, третий начался в 1917 г.»[8].

Но мальтузианская теория демографических циклов в чистом виде работает только ретроспективно – на примере аграрных обществ, показывая взаимосвязь дефицита пахотной земли как ключевого ресурса производства и роста населения. Вследствие дефицита пашни и перенаселения происходят закономерные социальные потрясения (эпидемии, голод, войны, революции), следующие из обезземеливания, маргинализации и обнищания растущего на-

7. См. подр.: Goldstone J. Revolution and rebellion in the early Modern World. Berkeley: University of California press, 1991.

8. Нефедов С.А. Заключение // Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005.

селения, которые после всех социальных катаклизмов стабилизируют его численность на более низком, оптимальном уровне.

Например, в средневековой Европе эпидемия чумы, выкосившая треть населения, вместе с тем способствовала, как это ни парадоксально, замене бедного хлебного рациона европейцев на мясной. Поскольку практически некому было обрабатывать поля, а труд наемных рабочих стал баснословно дорог, пашня превратилась в место выпаса скота: «Несомненно, Европа знала с 1350 по 1550 г. период счастливой *индивидуальной* жизни. После катастрофической Черной смерти рабочая сила стала редкой и условия жизни для тех, кто трудился, были хорошие. Никогда *реальная* заработная плата не была такой высокой, как тогда. В 1388 г. норманнские каноники сетовали на то, что не могут найти для обработки земли "человека, который согласился бы работать за плату меньшую, чем зарабатывали в начале века шестеро служителей"... Ухудшение становится более выраженным по мере того, как мы удаляемся от "осени" Средневековья, и сохраняется до самой середины XIX в., а в некоторых областях Восточной Европы, в частности на Балканах, падение продолжалось чуть ли не до самой середины XX века»[9].

В современной глобализированной мироэкономике ситуация усложняется. Предшествующие закономерности на уровне отдельных стран и регионов не работают. Перенаселенность тех или иных регионов (Гонконг, Япония, Южная Корея, Нидерланды и др.), часто не способных самостоятельно обеспечить свою продовольственную безопасность, не ведет к социальным потрясениям в них, как и к снижению качества жизни или уровня потребления. *Поскольку эти страны представляют собой не «целое», а лишь часть глобальной мироэкономики.* Население этих регионов способно произвести огромную прибавочную стоимость в не-аграрных секторах экономики, т. е. предложить глобальному рынку конкурентоспособную продукцию в таких секторах, как индустриальное производство, компьютеры, вооружения, программное обеспечение и т.п.

Более того, в подобных высокомонополизированных отраслях экономики норма прибыли выше, чем в таких общедоступных и немонополизированных в глобальном плане сферах, как сельское хозяйство и добыча полезных ископаемых. Таким образом, потенциальная неспособность перенаселенных стран прокормить себя не приводит к негативному влиянию на социальные и политические процессы в них благодаря легкой конвертации производимой ими продукции в продовольственные товары любой части мира.

Таким образом, в настоящее время высокая плотность населения не означает автоматическое занесение страны в разряд потенциально бедных и политически нестабильных. Тем не менее глобальные пределы роста численности

9. Бродель Ф. Излишнее и обычное: Пища и напитки // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. М., 1986. – С. 211.

населения, соответствующие современным технологиям и резервам, во многом исчерпаны. Прежде всего, в густонаселенных странах. Нынешняя численность населения планеты поддерживается с помощью траты невозобновляемых источников энергии и экологической деградации биосферы Земли. Поддержать рост населения без ущерба качеству жизни можно лишь с появлением принципиально новых технологий и ресурсов, либо путем ограничения роста аппетитов общества потребления и количества потребностей его членов. Иначе придется смириться с глобальным падением уровня жизни. Рожать в данной ситуации больше детей – значит обрекать их на худшие условия жизни, чем у родителей. Поэтому стабилизация численности населения Земли в настоящее время является безусловным благом. Но справедливо ли данное общее утверждение для человечества в отношении частного, т. е. для России?

2. Нужны ли современной России новые люди?

По оценкам историков, еще в начале XVII в., в период Смуты население России составляло не более 8 млн. человек (фигурируют даже цифры порядка 4 млн. человек), в то время как население Речи Посполитой составляло около 11 млн. человек[10]. Поэтому современная ирония относительно реальной военно-политической мощи поляков, захвативших Москву во времена Ивана Сусанина, неоправдана.

Таблица 2

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ[11]

Год переписи (реконструкции)	*Численность населения в современных границах России, млн. человек*
1897	67,5
1914	89,9
1926	92,7
1939	108,4
1959	117,2
1970	129,9
1979	137,4
1989	147
2002	145,2
2006	142,8
2025 (медианный прогноз)	128,2[12]
2050 (медианный прогноз)	107,8[13]

10. *См.: http://nvo.ng.ru/notes/2006-01-13/8_gipotezy.html*
11. *См.: http://www.gks.ru/free_doc/2006/b06_13/04-02.htm*
12. *См.: http://esa.un.org/unpp/*
13. *См.: http://esa.un.org/unpp/*

Исторический опыт показывает, что демографические прогнозы на 50–100 лет обычно не сбываются, но дать представление о вероятных тенденциях и сценариях они вполне способны. Демографические волны никогда долго не текут в одном направлении – снижения или роста численности населения. Инерционный (реалистический) сценарий предполагает, что в 2050 г. в России будет проживать примерно столько же населения, сколько в 1950 г. Вместе с тем прискорбный факт, что в постсоветский период население России сокращается на 0,5–1 млн. человек в год, сам по себе не является для России чем-то фатальным.

Во-первых, обороноспособность страны обеспечивается в современном мире ядерным щитом гораздо надежней, чем массовой непрофессиональной армией. Во-вторых, статистика не подтверждает миф о массовой иммиграции в Россию и размывании ее пресловутого «цивилизационного ядра». Количество русских в России при переписи 1989 г. составляло 80%, а в 2002 г. – 79,5%. В-третьих, логическая и поверхностно очевидная связка «сокращение населения ведет к нехватке рабочих рук» при ближайшем рассмотрении также неоправданна. Более того, она прямо опровергается нынешней структурой российской экономики и данными о занятости и доходах населения. Массовый спрос работодателей в России есть только на низкооплачиваемую работу, т.е. на труд, стоящий меньше, чем минимальные пособия по безработице в Европе, которые ее граждане получают, не делая ничего!

Наконец, технологический прогресс неизбежно ведет к изменению структуры занятости, прежде всего к сокращению классического рабочего класса, уже не являющегося численно доминирующей группой населения в развитых странах. Исторически большинство населения Земли занималось сельскохозяйственным трудом. Сейчас в развитых странах аграрии составляют не более 2–3% населения. Параллельно во всем мире идет процесс «сжатия» численности рабочего класса[14]. Современная экономика *количественно* все менее базируется на сельском хозяйстве и промышленности, где наблюдается устойчивое сокращение занятости, в отличие от расширяющегося сектора услуг и иннова-

14. Развитие креативных технологий, сферы услуг и образования часто является вынужденной стратегией развитых обществ, следствием не самоочевидной постиндустриализации, а вынужденной реиндустриализации и рекапитализации «информационного общества» без «рабочего класса», вследствие неконкурентоспособности в секторе реального производства. Однако лишь немногие экономики центра миросистемы способны на подобную ремодернизацию, переход из реального в «виртуальные сектора», связанные со способностью привлечь на свое развитие с помощью ТНК или прямой господдержки рекордные инвестиции. Это обеспечит в дальнейшем глобальную монополию или олигополию этих секторов национальных экономик и, соответственно, высокие нормы прибыли, поддерживающие уже достигнутый уровень жизни.

ционных технологий. Но и здесь массовая занятость не требуется, так как изобретения и технологии являются результатом деятельности ученых-одиночек и малых трудовых коллективов, чей полученный результат лишь копируется в промышленных масштабах, в неограниченном числе копий.

Таким образом, глобальная трансформация современной индустриальной цивилизации, построенной на ценности прогресса и *сакрализации труда*, влечет серьезные изменения в социальной структуре обществ и их идеологических представлениях о себе. В обществе потребления прогресс начинает зависеть от конструирования все новых целей и потребностей, под которые создаются новые отрасли экономики. Например, в развитых странах новыми целями и потребностями является все то, что относится к экологическому дискурсу (чистый воздух, вода, не измененные генетически и не вскормленные химическими удобрениями продукты и т.п.). Только ради новых ценностей и целей люди готовы повысить свои потребности и стандарты жизни, а значит и мотивацию к труду.

Следовательно, можно было бы поверить многочисленным заклинаниям о существовании демографической проблемы, если бы в России был высокий уровень жизни и нехватка работников в новых отраслях растущей экономики. Но число вакансий трудовых мест выше уровня официально зарегистрированных безработных. Хотя и ниже требований большинства потенциальных работников из числа граждан России. Неудивительно, что непривлекательные рабочие места охотно занимают мигранты из стран СНГ с более тяжелой экономической ситуацией и избытком дешевой рабочей силы. Официальная безработица по данным Госкомстата РФ в апреле 2007 г. составляла 5,2 млн. человек, или 7% экономически активного населения[15]. Вместе с теневой безработицей и неполной занятостью – цифра в два–три раза выше. То есть *каждый седьмой трудоспособный россиянин не работает или работает вполсилы*. Негативный же парадокс заключается в том, что при этом величина минимальной оплаты труда в России остается в среднем в три раза ниже прожиточного минимума.

Технологический прогресс и рост производительности труда во всем мире приводят к сокращению количества рабочих мест в национальных экономиках. Более того, современный экономический рост, несмотря на все контрмеры, происходит на фоне растущей или стабильно высокой безработицы, принимающей уже не циклический, а структурный, т.е. практически неустранимый характер. Различные альтернативы, предоставляемые государством для безработных (пособия, общественные работы, разовая занятость и т.п.), значительно уступают по уровню оплаты и привлекательности потерянной стабильной работе. Поэтому развитые страны *вынужденно* сокращают продолжительность

15. См.: http://www.gks.ru/bgd/free/b07_00/IssWWW.exe/Stg/d04/7-0.htm

рабочего дня, чтобы сохранить имеющиеся рабочие места и предотвратить безработицу. Но прогресс неумолим: «За последние 150 лет валовой продукт в развитых странах вырос более, чем в десять раз, а количество отработанных часов в расчете на человека сократилось наполовину»[16].

Возникает резонный вопрос – зачем России новые люди, если в стране с нынешней примитивной структурой экономики – глобального сырьевого придатка – и так неимоверно много бедных и безработных людей? Чтобы их было еще больше? Чтобы конкуренция между ними толкала их на любые условия труда ради выживания, поскольку увеличение предложения на рынке рабочей силы ведет к падению ее стоимости? Чтобы балласт безработных, которых надо кормить тем, кто работает, был еще выше? Вопросы риторические.

Дефицит трудовых ресурсов в экономике может дать дополнительный стимул к ее развитию, поскольку избыток людей приводит к дешевизне труда и отсутствию потребности в совершенствовании технологий. Но в условиях дефицита людей «...работодатели начинают интересоваться технологиями, позволяющими сокращать трудозатраты; увеличиваются доходы работников; повышается заработная плата тех, кто имеет более выраженные способности и лучшее образование. Доступность же трудовых ресурсов способствует консервации предельно низких доходов, тормозит технологическое развитие и прогресс образования; в то же время низкие доходы работников сковывают возможности развития внутреннего рынка»[17]. Поэтому дешевый труд и призывы к увеличению миграции – не панацея, но средство, которое часто дает негативный эффект для «принимающей» национальной экономики.

Безусловно, дешевая рабочая сила выгодна для работодателей и крупных собственников средств производства, но 90% населения в России (как и в других странах) являются наемными работниками. А их вряд ли прельщает перспектива превращения России в один из сборочных цехов глобальной экономики, наряду с развивающимися странами. Горькая правда состоит в том, что России для обслуживания ее ресурсно-экспортной экономикой достаточно в разы меньшего населения, чем в ней есть сейчас. Новые люди и рабочие руки такой экономике не нужны и поэтому заранее обречены в своем большинстве на очень скромные перспективы. Причем актуальный социально-политический и экономический статус-кво имеет тенденцию к консервации на обозримую перспективу. В такой ситуации новые сектора экономики с достойной оплатой труда не возникнут, а старые не расширятся.

---

16. Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. 2007. – № 3. – С. 47.

17. В. Иноземцев. Малые страны в большой политике // Свободная мысль, 2006. – № 6 (1568). – С. 94.

Более того, в России при сокращающемся населении и росте экономики не происходит закономерного повышения благосостояния бедных, а разрыв доходов богатых и бедных не сокращается. Подавляющее большинство россиян скептически оценивают декларации Правительства РФ об успехах в борьбе с бедностью[18]. Наиболее существенными сегодня граждане России (79% опрошенных ВЦИОМ) считают именно противоречия между бедными и богатыми. На втором месте по значимости – непреодолимые границы между населением и чиновничеством (71% опрошенных россиян). Все остальные противоречия, такие как город-деревня, партийные, религиозные, этнические различия и т.п. волнуют население значительно меньше[19]. Таким образом, экономический рост в России является лишь одной из составляющих комплексного развития страны и сам по себе «не может разрубить "гордиев узел" накопившихся социальных проблем»[20].

3. Кривое зеркало миграционной риторики

Странно было бы предполагать, что в глобальной мировой экономике, в основе которой лежит свобода передвижения капиталов и товаров, не будет столь же естественной для нее свободы передвижения рабочей силы. Закрытые границы прямо противоречат аксиомам капитализма. И пока в развивающихся странах численность населения растет быстрее, чем внутренний рынок труда, создавая избыточное демографическое давление и лишние рабочие руки, отток населения из них будет неизбежен. В таких условиях любые ограничения легальной миграции со стороны стран-реципиентов (предельные квоты, требования к уровню доходов и знанию языка и т.п.) будут с лихвой компенсированы потоками «нелегалов».

Миграция не была для нынешних развитых стран проблемой, когда они поставляли избытки собственного населения вовне. В настоящее время колониальная экспансия европейских стран XVIII–XIX вв. бумерангом миграции возвращает свои плоды в бывшие метрополии, которые оказались к этому просто не готовы. Европа и США с каждым годом ужесточают миграционное законодательство. Недавно сенат США утвердил выделение средств на финансирование постройки сплошной стены протяженностью более 2 тыс. миль вдоль границы с Мексикой. Однако специалисты уверены, что популистское решение требующее миллиардных затрат никак не скажется на количестве

18. См.: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8224.html

19. См.: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/4219.html

20. Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ за 2006/2007 годы / Под общей редакцией проф. С.Н. Бобылева и А.Л. Александровой. – М., 2007. – С. 136.

прибывающих в США «латиносов». В том числе по вполне легальным туристическим визам.

Одним из мифов, связанных с сокращением численности населения является утверждение, что без мигрантов Россия и развитые страны не проживут. На самом деле, развитые страны давно достигли оптимальной численности населения при нынешнем уровне развития производительных сил и технического прогресса. Эти страны могут обойтись без иммигрантов. Тем более, что в Европе с ее высокой безработицей их доля примерно равна доле собственных безработных граждан. Аналогичная ситуация и в России. Проблема, однако, в том, что мигранты обычно занимают самые непривлекательные и низкооплачиваемые ниши на рынке труда, выполняя работы, от которых отказываются собственные граждане. И пока условия и возможности в богатых и бедных странах диаметрально различны, любые ограничения не остановят людей, стремящихся к более достойной жизни. Если рынок труда имеет ниши для мигрантов, их ничто не остановит.

В России ситуация с положительным сальдо миграции аналогична наблюдаемой в развитых странах. Тем не менее воображаемое количество мигрантов, желающих попасть в Россию, чрезвычайно завышено. К настоящему времени Россия фактически исчерпала лимит русскоязычных иммигрантов из стран СНГ. Мифических 25 млн. русских в странах СНГ, которые могут приехать в Россию и улучшить демографию, не существует.

Таким образом, ресурс эффективной, т.е. культурной и по языку близкой иммиграции для противодействия естественной убыли населения является для России исчерпанным. Если в 1998 г. миграция компенсировала 40% естественной убыли населения страны, то за январь–август 2006 г. – лишь 17,8%. Соотечественники, желавшие переехать в Россию, сделали это в течение 10 лет после распада СССР. Остальные обосновались в бывших союзных республиках и не собираются куда-либо переезжать. Поэтому масштабные проекты их привлечения и материального стимулирования для переселения в Россию являются чем-то из разряда политической фантастики. Тем более, что гораздо эффективней вклад бюджетных средств во внутренние резервы собственно российского населения – стимуляцию рождаемости, льготы для переезжающих в малонаселенные и сельские районы, создание свободных экономических зон и т.п.

Общее количество иммигрантов в Россию из стран СНГ падает год от года. *Например, в 2005 г., по официальным данным Госкомстата РФ, положительное сальдо миграции в Россию из стран СНГ и дальнего зарубежья составило всего 107 тыс. человек, что в два раза меньше, чем в 2000 г.*[21] Хотя идеализировать ситуацию, конечно, не стоит. Поскольку легальная миграция,

21. См.: http://www.gks.ru/free_doc/2006/b06_13/04-31.htm

попадающая в статистику, является надводной частью айсберга. По оценкам экспертов, численность нелегальных мигрантов в России, не отраженных статистикой, может достигать 1,5–3 млн. человек[22].

Тем не менее наплыва мигрантов из стран СНГ в Россию не может быть по весьма простой причине. Еще во времена СССР благодаря поголовной грамотности, всеобщему образованию, успехам здравоохранения и форсированной урбанизации произошел демографический переход советских республик к более низкой рождаемости. За последние 50 лет в странах Средней Азии рождаемость снизилась вдвое. Если для простого воспроизводства населения в среднем на одну женщину должно приходиться 2,2 ребенка, то согласно статистике, в большинстве постсоветских государств эти цифры либо балансировали вокруг этой цифры, либо были ненамного ниже или выше (за исключением Таджикистана).

В настоящее время демографической баланс в 11 из 15 республиках бывшего СССР является отрицательным. Поэтому серьезной «экспансии» в Россию мигрантов из СНГ быть не может. А имеющаяся миграция обусловлена вовсе не избыточным демографическим давлением, а, прежде всего, отсутствием возможности трудоустроиться на «малой родине», кризисом постсоветских экономик. Вопреки мнениям собственных граждан, экономически Россия выглядит привлекательной для жителей ряда стран СНГ. Их эмиграция в Россию (часто временная) обусловлена вовсе не избыточным демографическим давлением, а, прежде всего, отсутствием возможности трудоустроиться на родине. Это бегство от нищеты, а не за «длинным рублем». И реально поправить ситуацию в «странах исхода мигрантов» может лишь комплекс мер, в числе важнейших из которых дальнейшее снижение рождаемости, развитие внутреннего рынка слаборазвитых стран, диверсификация экономики, создание новых рабочих мест, экономический рост и повышение жизненных стандартов населения. Именно таким путем Китаю, Индии, Южной Корее, Индонезии, Тайваню удалось в последние десятилетия значительно сократить бедность, рождаемость, создать новые рабочие места, и в итоге даже привлекать обратно на внутренний рынок ранее выехавших специалистов.

Гораздо большее экономическое и политическое значение для России имеет миграция собственного населения внутри страны. Основными трендами внутренних миграций в России является отток населения с пустынного Дальнего Востока в европейскую часть страны, а также отток населения из сельской местности и малых городов в крупные мегаполисы, обусловленный сокращением местного рынка труда и возможностей улучшения и так низкого качества жизни. *Например, в 2002 г. в России изменили место жительства*

22. Тишков В. Страсти по демографии // http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/05/strasti_po_demografii/

2,14 млн. человек, что в 20 раз больше числа мигрантов приехавших в страну извне[23]. Часто альтернативой вынужденной внутренней миграции является социальная деградация, ухудшение жизненных перспектив для переселенцев и их детей. В досоветский период 1800–1917 гг. из европейской части Российской империи в окраинные районы выехали более 12,5 млн. человек. В период СССР из РСФСР (России) на территории ставшие впоследствии государствами СНГ выехали еще около 4 млн. человек. Однако в 1990-е годы ситуация изменилась. Страна превратилась из поставщика эмигрантов и переселенцев в страну-реципиента, что само по себе вряд ли является поводом для морализаций о «судьбах России», поскольку как было показано выше, уровень официальной миграции в Россию в последние годы весьма незначителен.

Итак, глобального роста миграционных потоков в современном мире (в отличие от увеличения объемов международного туризма) не наблюдается. Существует лишь болезненная рефлексия политиков об изменениях направлений этих потоков – от бывших колоний к метрополиям. С точки зрения развитых обществ, занимающих наиболее выгодное положение в капиталистической миросистеме, эта трансформация видится как кризис, способный ухудшить их положение в мире и достигнутый ранее уровень жизни собственных граждан.

Естественно, консервативно настроенные элиты центра миросистемы хотели бы сохранить достигнутый уровень контроля над мировыми процессами, могущества и безопасности, аргументируя происходящие в мире изменения действиями некого собирательного «Доктора Зло», в который входят и нелегальные мигранты, и коммунисты-марксисты, и критики общества потребления, и экологи, и антиглобалисты, и мусульманский фундаментализм и т.п.

Тем самым, фактически оправдывается справедливость деления людей на граждан и «неграждан». Закрываются глаза и на выгоды использования труда нелегалов-иммигрантов крупными ТНК, который столь дешев именно потому, что они являются «гражданами второго сорта». Традиционалисты и консерваторы, апеллируя, с одной стороны, к христианским ценностям, свободному рынку и свободе движения капиталов как к политической иконе, с другой – отказывают в столь же естественной мобильности и свободе перемещения трудовых ресурсов. Возмущаясь, с одной стороны, тем, что женщины начинают конкурировать на рынке труда вместе с мужчинами, перестав быть хранительницами домашнего очага, они в то же время не готовы перераспределить доходы в пользу бедных, что позволило бы женщинам не работать. Стоит ли России присоединяться к подобной политической риторике? Ведь не принадлежа к центру капиталистической миросистемы, Россия автоматически заинтересована в ее более справедливом переустройстве.

---

23. См.: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mig01.php

4. Российская демографическая политика: Логика Левиафана

Особенность глобального капитализма, как обосновала еще Р. Люксембург[24], заключается в том, что он живет за счет эксплуатации некапиталистического окружения. Капитализм, а шире – индустриальная цивилизация, постоянно разрушает почву, из которой он вырос в результате присущего ему асимметричного обмена. Многочисленное и трудолюбивое крестьянство, традиционная культура, средневековая этика, природные ископаемые, экологическая среда и т.д. – это все невосполнимые «ресурсы», из которых капитализм строит свою цивилизацию. Когда, например, дешевые ресурсы рабочей силы истощились в европейской и российской деревне – пришла очередь привлечения иммигрантов. Но сегодня все резервы и ресурсы в глобальном плане близки к исчерпанию. Поэтому необходимо менять как саму логику развития, связанную с эксплуатацией невосполнимого, так и цели развития, связанные с ростом потребления.

В капиталистической логике развития условиями исторических прорывов России к современности, всегда выступали централизация власти и экономики (налоги), а также эксплуатация дешевого крестьянского труда (особенно в ходе индустриализации)[25]. Сегодня ресурс российской деревни исчерпан в пользу города окончательно. Фактически элита пытается опереться на хрестоматийную для российской истории централизацию и исчерпание невосполнимых природных ресурсов. Но централизующие административно-иерархические рецепты, перекачка ресурсов город–деревня, центр–периферия невозможны. Сегодня из-за демографической ситуации просто некем жертвовать. А постоянная перекачка ресурсов из самостоятельных регионов в дотационные мешает развитию как одних, так и других.

Население не воспроизводится, поэтому нет демографического давления, за счет которого совершались революции и исторические рывки. Кроме того, сформировавшийся в советское время массовый тип личности индивидуалиста-потребителя болезненно воспринимает попытки свернуть объем достигнутых личных свобод и потребления в обмен на обязанности гражданина, вменяемые государством. Собственно само российское общество как никогда ранее видится его гражданами как фикция умозрительного порядка вместе со своими общественными нуждами, ценностями, благами, императивами.

---

24. Люксембург Р. Накопление капитала. В 2-х т. – М., 1934. – (5 изд.) Т. 1. – С. 228–258.

25. Дерлугьян Г. Эволюция Российского государства в миросистемной перспективе, 1000–2010 гг. н.э. // http://www.inop.ru/reading/evolution.

Поэтому логика перемен к лучшему должна быть связана с рациональным следованием внятным *институтам и правилам*, зарекомендовавшим свою наибольшую институциональную эффективность и универсальность в практике России и других стран, будь то разделение властей, сменяемость и ротация элит, принцип экономической конкуренции, права человека и т.п. Но в России ценности трактуются как то, что *различает* ее с остальным миром, составляет уникальную *идентичность*. Универсальные ценности-правила и не ищутся, наоборот, в конфликтной модели производится противопоставление одних *заведомо* частных и особенных ценностей другим, приписываемым любым оппонентам. И моральная оценка уже заложена в эти ценности, диалог невозможен, все предопределено и детерминировано. Отсюда возникают псевдопростые логики конфликта, которые трудно назвать иначе как манипуляторскими попытками элит стравить население по признакам свой–чужой. *Но нежелание элит признать экономические и демографические тенденции, наблюдаемые в современной России, эквивалентными и соразмерными ее социально-политическому дизайну, не способно отменить факт их «естественности» и закономерности для сложившегося политического режима*.

В результате делегитимирующий политический режим, разрыв практики и риторики маскируются элитами как негативное воздействие внешних стихийно-природных сил: рыночных законов, проигрыша в «холодной войне», козней злобных внешних и внутренних врагов, климата, олигархов и т.п. В этом же популярном ряду самооправданий власти находится демографическая риторика, создающая правящими элитами нечто вроде алиби. Как объективная причина, снимающая ответственность за социально-политическую деградацию общества с тех, на ком она по праву должна лежать. Мифологема поиска незаконных мигрантов, которых надо прогнать с рынков, чужаков, ответственных за «народные страдания», является удобным способом отвлечь общественное внимание от нерешаемости действительно важных проблем. Элиты представляют деградацию общества, падение качества и продолжительности жизни как результат чего-то вроде инфекционной болезни. А такие болезни излечимы, стоит только найти возбудителя. Соответственно содержание официальных СМИ следует по накатанному пути теории заговоров. Причины бедности, безработицы и отсутствия перспектив они видят в воображаемых толпах мигрантов, «демографической катастрофе», «естественных» этнических конфликтах и т.д. При этом остается не проясненным, как и в силу каких причин по сути своей технический критерий – изменение численности населения в бóльшую сторону – благим образом повлияет на оздоровление общества.

Снижение рождаемости, рост смертности, не уменьшающийся разрыв богатых и бедных, изношенность экономической инфраструктуры, деградация социальных связей, имеющие место в современной России, несмотря на весь не-

гатив подобной ситуации, не дают оснований говорить о «демографической» и иных видах катастроф. Дело в том, что в России население стало подспудно сокращаться из-за низкой рождаемости уже в «благополучные» 70–80-е годы XX в. Распад СССР лишь придал этому процессу обвальный характер. И остановка отрицательного прироста населения уже станет чем-то вроде демографической победы. Но сегодня *повышение рождаемости и численности населения нельзя рассматривать как стратегическую цель общества. Они могут стать только* ***дополнительным эффектом*** *общей стратегии, направленной на улучшение качества жизни населения России в области обеспечения жильем, повышения доходов, улучшения здравоохранения, безопасности, условий отдыха и труда и т.п.*

Переориентация стратегии человечества (и России как его вполне типичной, а вовсе не исключительной части) с «количества» на «качество» детей обусловлена и культурными, и экономическими факторами. По статистике в ходе роста доходов населения во всех странах мира количество детей в семье снижается, но вложения родителей в их образование и здоровье, наоборот, растут[26]. Тем самым, повышается для общества ценность каждого отдельного человека. Поэтому и само общество неизбежно гуманизируется, начиная рассматривать человека не как средство в логике тоталитаризма, но как цель и смысл своего существования.

Изменение численности населения в ту или иную сторону является следствием всего комплекса экономических, демографических, политических, социальных процессов, происходящих в данном обществе. *Рост населения сам по себе не априорное благо, а его сокращение – априорное зло.* И усилия органов власти по стимуляции роста населения, его закреплению на «малонаселенных территориях», создание «универсальной» для всех территорий страны модели развития, искусственное стимулирование рождаемости – взятые в отрыве от всех иных проблем – могут лишь ухудшить сложившийся статус-кво. Рост населения для России, как и любой другой страны в современном мире, вовсе не *безусловное благо.* Актуальные меры, связанные со стимулированием рождаемости самой по себе, технически могут дать положительный «скачок», связанный с реализацией населением «сегодня» своих демографических планов «на завтра». Но эффект подобных мер по естественным причинам будет нивелирован в последующие годы.

Вопрос о том, сколько населения нужно для «идеальной» России, это, прежде всего, вопрос о том, какое количество населения при нынешнем уровне экономического, социального, духовного развития страны могут надеяться на достойные и качественные условия проживания в ней.

---

26. Демографическая модернизация России в XX веке // Общественные науки и современность. 2007. – № 3. – С. 134–135.

На сегодняшний день общепризнанным показателем развития общества и качества жизни является суммарный «Индекс человеческого развития» (ИЧР). В отличие от субъективных и ангажированных замеров уровней «политической свободы», свободы СМИ, прав и свобод человека, основанных на мнениях экспертов, ИЧР ориентирован на статистические параметры, такие как уровень грамотности и образования граждан, ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни. В 1990 г. СССР занимал 25-е место из 130 стран мира, находясь в группе стран «с высоким уровнем развития ИЧР».[27] В 1998 г. Россия опустилась на 62-е место из 174 обследованных стран[28]. Через 8 лет, в 2006 г., несмотря на провозглашенные правящими элитами успехи «эпохи Путина» и почти «удвоенный ВВП», Россия опустилась уже на 65-ю позицию среди 177 стран мира, входя в группу со «средним уровнем развития ИЧР»[29]. В то же время в 2006 г. Куба заняла 50-ю строчку индекса ИЧР, Латвия, Литва, Эстония – 45-е, 41-е, 40-е места. Португалия, которую Кремль одно время ставил целью догнать по ВВП на душу населения, занимает недосягаемую 28-ю позицию в рейтинге.

Место России совершенно не отвечает тому научному, производственному, географическому, интеллектуальному потенциалу, которым обладает страна. Представляется, что переломить эти негативные тренды может лишь долгосрочный план по изменению структуры российского общества, и его места в миросистеме, в сложившемся глобальном разделении труда. Инфраструктурные направления развития достаточно очевидны и являются скорее не теоретической, а практической проблемой. К ним относятся создание новых привлекательных рабочих мест в экономике страны, инфраструктурные реформы, соблюдение единых правил игры в политике и экономике (вне зависимости от эффективности этих правил), снижение экономического неравенства регионов, богатых и бедных, демонополизация политической и экономической сфер общества, реальный допуск оппозиции к принятию политических решений и коллективной ответственности за них, последовательное разделение привычной для России «властесобственности» и т.д.

Эффективного универсального решения для развития всех регионов, отраслей экономики и социальных групп населения России выработать нельзя. Возможны лишь общие цели, ценности, приоритеты и законодательные правила игры. Сама по себе политика развития может иметь только стимулирующий, а не директивный характер: «Это означает, что акцент делается на развитии институциональной среды, повышении качества государственного и общественного управления; во внимание принимается и распространяется опыт

27. См.: http://hdr.undp.org/reports/global/1990/en/pdf/hdr_1990_technotes.pdf
28. См.: http://hdr.undp.org/reports/global/2000/en/pdf/hdr_2000_back1.pdf
29. См.: http://hdr.undp.org/hdr2006

успешных инноваций, зарекомендовавших себя на почве собственной страны»[30].

Подобная стратегия разнообразия оправдана в условиях, когда экономическое, географическое, информационное неравенство социальных слоев и отдельных регионов России сопоставимо с неравенством постиндустриальных и слаборазвитых стран. И эти неравенства становятся все сильней, являясь источником усиления социальной напряженности, исторической неодновременности и экономической неравномерности страны. Сглаживание этих разрывов приведет в качестве неизбежного следствия и к улучшению демографической ситуации, которая ложно сводится к количественному, всеобще безликому «больше-меньше» населения. Но количественная демография – это заведомо ущербная логика гоббсового Левиафана. Зацикленность многих обществоведов и политиков на динамике соотношении населения России и других стран является скорее следствием замещающего утерянную причастность к сверхдержаве СССР *комплекса имперской неполноценности России*, сформировавшегося у части россиян, нежели озабоченности реальной судьбой населяющих ее граждан. Но империи не появляются сами по себе. Более того, стремление надорваться, но стать сверхдержавой, пусть даже «энергетической», производятся в полном отрыве от просчета возможной цены этого скачка для населения. Жертвы людьми во имя новой империи часто представляются возможными и априорными, пока не произведен отрезвляющий просчет цены планируемых достижений.

По сути, демографическая успешность того или иного общества и человечества в целом может заключаться только в качестве жизни составляющих его людей – продолжительности жизни, уровне доходов, образования, безопасности, работы, отдыха и т.п. И эти принципиальные и долгосрочные цели и приоритеты демографической политики имеют весьма опосредованное отношение к *количеству* граждан страны и его колебаниям.

Предвосхищая возможные возражения, заметим, что это вовсе не плоская мещанская логика, ложно ставящая деторождение в зависимость от уровня материального благополучия (которое к тому же «должно» обеспечить внешнее для семьи государство). Общеизвестно, что именно в наиболее благополучных обществах Европы наименьший уровень рождаемости, в то время как в наиболее бедных странах мировой периферии наблюдается демографический бум.

Таким образом, для воспроизводства здорового общества чрезвычайно важны не только экономические, но и культурные и психологические факторы

30. Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ за 2006/2007 годы / Под общей редакцией проф. С.Н. Бобылева и А.Л. Александровой – М., 2007. – С. 138.

и условия, связанные с наличием в обществе интегрирующих целей, смыслов, ценностей, рождающие у граждан чувство взаимного доверия, уверенности в послезавтрашнем дне, ощущение справедливого устройства общества. Всего того, что утеряно в постсоветский период. Например, академик РАМН Б.Т. Величковский в своих работах доказывает, что в современной России сверхсмертность людей в трудоспособном возрасте во многом обусловлена субъективными факторами: потерей смысла жизни, «социальным стрессом» и сломом привычного динамического стереотипа, ведущего к росту самоубийств, рискованному и самоуничтожительному образу жизни[31]. Можно утверждать, что в постсоветском обществе в силу комплекса негативных факторов включилась программа своего рода «**социоптоза**»[32] – заложенной в нем деградации и уничтожения вследствие неблагоприятных внешних условий, невозможности к ним адекватно адаптироваться.

Соответственно любые призывы власти к росту населения России оправданы лишь на фоне ее усилий по созданию новых рабочих мест в российской экономике с достойной оплатой труда, обеспечению достойных условий жизни, включая пенсии, бесплатные образование и здравоохранение, доступные большинству жилье, качественный отдых и т.п. К сожалению, в данном случае мы можем наблюдать лишь классическое расхождение публичной риторики и реальной политики. Когда призыв к повышению рождаемости происходит на фоне свертывания либо затруднения доступа для большинства населения к тем условиям, возможностям и благам, которые способны позитивно повлиять на демографические процессы в России.

31. Величковский Б.Т. О стратегии охраны здоровья населения России // Вестник УрО РАН. Наука. Общество. Человек. № 4 (6). 2003. – С. 141–146; Величковский, Б.Т. Социальный стресс, трудовая мотивация и здоровье. НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2005. – 35 с.

32. Аналогия апоптоза – запрограммированной смерти клеток.

Я. Корнаи

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ: РАЗМЕЖЕВАНИЕ ИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ?

Янош Корнаи – профессор Гарвардского университета и «Коллегиум Будапешт».

Хотел бы начать с рассказа о двух недавних эпизодах. В 2000–2002 гг. мы с профессором Йельского университета Сьюзан-Роуз Аккерман формировали и возглавляли исследовательскую группу по проблеме «Честность и доверие в свете постсоциалистической трансформации»[1]. Эти исследования проводились под эгидой Института высших исследований в «Коллегиум Будапешт». В состав группы входили представители различных профессий, включая юристов, экономистов, социологов, политологов, специалистов по политической философии и историков. Мы собирались на еженедельные семинары и отчитывались на них о ходе работы. Всех нас озадачило то обстоятельство, что у нас возникли трудности во взаимопонимании. Каждая дисциплина основана на своих (четко сформулированных или негласных) аксиомах и базовых предпосылках. Каждая оперирует своим языком и набором терминов. Представители каждой из дисциплин называют те или иные публикации «классическими», полагая при этом, что труд, который они считают «классическим», должен быть известен всем другим. Среди дисциплин имеется большое разнообразие с точки зрения таких моментов, как известность современных произведений и злободневность «сюжетов». Несмотря на это представители каждой из профессий ожидали, что представители других осведомлены о литературе, выходившей в их сфере.

Междисциплинарный характер исследовательской группы требовал определенного уровня самодисциплины участников. Они должны были выступать на семинарах так, чтобы было понятно другим. Мы учились друг у друга и

1. Статьи, разработанные в рамках исследовательского проекта, содержатся в двух томах: Корнаи и Роуз-Аккерман (2004) и Корнаи, Роштейн и Роуз-Аккерман (2004).

старались быть открытыми идеям, предлагаемым представителями других дисциплин.

В начале 2005 г. я совершил путешествие в Китай. Готовясь к лекции, которую мне предстояло там прочесть, я постарался ознакомиться с последними публикациями о происходящих в Китае реформах. Я прочитал целый ряд публикаций лучших экономистов в этой области и был удивлен, что, несмотря на затронутые в них политические аспекты реформ, там не содержалось ни одной ссылки на статьи из политологических журналов. В то же время я читал публикации ведущих политологов, специализировавшихся в этой сфере, и заметил их некоторую односторонность – хотя экономические реформы были упомянуты несколько раз, ни одной ссылки на экономические журналы сделано не было. Как представляется, едва ли между этими двумя группами ученых-синологов когда-либо происходило интеллектуальное общение.

В связи с этим я решил более пристально приглядеться к отношениям между различными дисциплинами социальных наук. В этой работе мне помогал студент-экономист Ноэми Питер (Noemi Peter). Свое внимание мы сосредоточили на четырех дисциплинах: экономике, политологии, социологии и праве. Были выбраны пять ведущих журналов по каждой из дисциплин и проанализированы все комплекты за 2004 г.

Мы добавили несколько ссылок и классифицировали их несколькими способами (способ исчисления, принципы классификации и основные результаты приводятся в приложении). В экономических журналах обнаружены 316 статей, к которым можно было применить наш подход. Из 4885 ссылок, содержащихся в этих статьях, 88,9% были ссылками на экономические журналы, 6,6% – на междисциплинарные журналы по социальным наукам, 2,2% – журналы по политическим наукам, 1,2% – журналы из области права, 1,0% – журналы по социологии. Безоговорочно главным источником специализированных знаний по экономике, следовательно, являются труды по данной дисциплине, т.е. работы, публикуемые другими экономистами в экономических журналах. Эта дисциплина ориентирована на развитие за счет внутренних факторов и редко признает работы в областях других социальных наук. Аналогичная ситуация наблюдается и в других рассматриваемых дисциплинах (см. приложение).

Мне не хотелось бы переоценивать значение количественных результатов нашего анализа. Мы бы, очевидно, получили более точные и достоверные данные, если бы просмотрели несколько томов этих журналов, изданных в разные годы, и вообще включили бы в наш реестр больше дисциплин и журналов. Кроме того, мы исключили из обобщения те случаи, когда точное установление дисциплины, послужившей источником, представлялось затруднительным. Более точные вычисления потребовали бы значительной работы, и надеюсь, что найдется человек, который сможет ее осуществить. Вывод из этого не-

большого исследования, однако, очевиден: интеллектуальные связи между социальными науками очень слабы.

Как мы относимся в настоящее время к отделению и сотрудничеству социальных наук? Что можно сделать, чтобы эти дисциплины стали ближе друг другу, чтобы они обеспечивали комплексный многосторонний подход к проблемам, с которыми сталкивается каждая из них по отдельности? Я постараюсь дать частичный и предварительный ответ на данный вопрос, главным образом, чтобы побудить читателя задуматься над ним. Более глубокое понимание этих проблем требует тщательного и широкого исследования.

Пять обнадеживающих примеров междисциплинарных подходов

Общая картина междисциплинарного взаимодействия несколько более благоприятна, чем обрисованная выше. Я привожу здесь пять примеров интеллектуальных поисков научных позиций и методов, которые вышли за рамки традиционных дисциплин и способствовали конвергенции и сотрудничеству между ними. Убежден, что можно было найти немало других примеров.

Теория рационального выбора

Теория рационального выбора составляет основу неоклассической экономики. Научная дискуссия по ней восходит к Вальрасу; ее подробно разрабатывали Эрроу и Дебре. Хотя эта теория развивалась в рамках экономики, она стала широко использоваться также и в других дисциплинах. Одним из первых, поставивших задачу расширить границы экономической науки, был Гари Беккер, получивший Нобелевскую премию в этой сфере в 1992 г. По утверждению Беккера, во многих случаях мотивы, лежащие в основе человеческого поведения, можно описать, если исходить из предположения, что специалист, принимающий решения на основе альтернативного выбора, выберет альтернативу, которая обеспечивает наиболее благоприятное соотношение преимуществ и недостатков. Тот, кто отвечает за принятие решений, считается лицом, чьи предпочтения соответствуют определенным логическим требованиям и обеспечивающим максимальную реализацию служебных функций: он или она старается на основе альтернатив сделать оптимальный выбор.

Применение модели рационального выбора позволяет нам проанализировать не только экономические решения (такие, как выбор производителя между различными технологиями или выбор потребителя между двумя товарами), но и широкий круг других проблем, например преступности, самоубийств, размера семьи, выборов.

В моей книге *«Anti-Equilibrium»* (1971) подробно обсуждалась критика теории рационального выбора. Разумеется, я не являюсь безоговорочным сторонником этой теории и понимаю пределы ее применения. Однако отказ от нее был бы большой ошибкой. Не стоит также сводить проблему к конфликту между дисциплинами или субдисциплинами, заявляя, что «нам, социологам (политологам, правоведам), не нравится теория рационального выбора, а вы – экономисты – желаете навязать ее нам». Дело совершенно в другом. Недостаточно сказать, что есть социологи, а есть экономисты. Есть несколько типов социологов и несколько типов экономистов. Среди экономистов встречаются люди, которые, как и я, критически относятся к этой теории, но знают, что она обладает значительной объяснительной силой и, следовательно, должна быть использована и применена. Однако нам следует понимать как пределы ее действенности, так и ее преимущества.

Те, кто неудачно применяют теорию рационального выбора (а таковых много) полагают, что она является ключом к пониманию всех явлений, что нет такого человеческого поведения, которое нельзя было бы описать (возможно, с некоторой натяжкой) с помощью этой модели. Напротив, применяющие эту теорию трезво и рассудительно (а таких также много) знают, что она способна дать объяснение каким-то определенным явлениям, но не другим. Они также знают, что объяснение может иметь только частичное обоснование даже в тех случаях, в которых оно имеет объяснительную силу. Оно может выявить определенные важные элементы, но неспособно пролить свет на все явление. Поэтому я очень осторожно и только в определенных рамках использую теорию рационального выбора. Когда сталкиваешься с явлением, нуждающимся в пояснениях, в особенности если это сложное социальное явление, полагаю, что стоит задаться вопросом, какими мотивами и целями руководствовались лица, ответственные за принятие решений, и были ли их интересы достаточно ясными (это могут быть нефинансовые интересы – такие как стремление к власти или эмоциональные мотивы). Стоит проанализировать, что побуждает индивидуумов к действию, поскольку это позволяет нам понять причины события, происходящего в результате их выбора и как сознательных, так и бессознательных решений.

Я против «империализма» теории рационального выбора, ее агрессивного распространения и практики навязывания ее исследователям. Однако, полагаю, что очень важно и желательно каждый раз думать о ней и применять ее там, где это возможно. К настоящему времени ни одна из дисциплин социальных наук не способна избавиться от влияния этой теории.

Теория игр

В случае рационального выбора, функциональное предположение (что лицо, ответственное за принятие решений, делает оптимальный выбор) вышло за

рамки дисциплинарных границ экономики. В случае теории игр форма и возможная методика описания ситуаций вышли за пределы дисциплины.

Первыми наглядными примерами, к которым, казалось, применима теория игр, были социальные игры, однако, через какое-то время к экономическим явлениям стали применять классические труды Науманна и Моргенштерна (1944). Вскоре стало ясно, что эту теорию можно использовать для анализа любого социального явления. В частности, она применима к любой ситуации, которая предполагает взаимодействие (сотрудничество, конфликт, гармонизацию поведения, действия против других акторов), либо в которой может возникнуть взаимодействие. Люди связаны между собой самыми разнообразными социальными связями. Если между ними существует хоть какая-то связь, то большинство случаев их взаимодействия можно описать с помощью теории игр, позволяющей сделать интересные выводы. Явления, которые можно проанализировать с точки зрения теории игр, относятся к сфере политики, семейной жизни, военной сфере и множеству прочих контекстов.

Большинство ученых, разрабатывающих теорию игр, работают на кафедрах экономики. Но теория игр вышла за рамки экономики, чтобы стать общеаналитическим методом, применяемым в социальных науках.

Многовариантный анализ большого ряда национальной статистики

Обилие данных и ускорение вычислений приводят к сближению самых различных областей социальных наук. В 1960-х годах Республика Корея, Бразилия и ряд других стран добились динамичного экономического роста. В то время исследователи отмечали, что всеми этими странами управляли деспотичные диктаторские режимы, из чего некоторые сделали вывод, что диктатура благоприятствует росту, создавая гораздо более благоприятные условия для экономического развития, чем демократические системы. Типичным аргументом была ссылка на быстроразвивающиеся страны, и на основании опыта одной или двух таких стран делалась попытка обобщенного заключения.

За десятилетия, прошедшие с тех пор, многое изменилось. Во-первых, были созданы мощные базы данных с рядами статистики по 100–150 странам на протяжении длительных периодов. Некоторые из этих рядов включают экономические данные (к примеру, ВВП), другие – неэкономические явления.

Другим значительным изменением за последние три десятилетия стало развитие крайне эффективных компьютеров, позволяющих быстро решать гигантские системы уравнений, производить многовариантные регрессионные исчисления, а также иные виды математического и статистического анализа. Эти компьютеры способны решать задачи, требующие 100 000 операций в одном ряду.

Многие проекты используют новые возможности, предлагаемые большими банками данных и быстродействующими компьютерами. Среди первопроходцев был Роберт Барро (Robert Barro) (см., к примеру, его исследование 1991 г.) За последние 15 лет анализ такого рода стал направлением, в котором работают сотни исследователей[2].

Как правило, применяется следующая процедура. Например, исследователь хотел бы объяснить какое-либо экономическое (скажем, рост доходов или неравномерность в распределении доходов) или неэкономическое явление (насколько высок уровень неграмотности). Он может рассматривать самые разнообразные объяснительные переменные, начиная от количественных экономико-статистических данных, таких как уровень инвестиций или открытость страны внешней торговле, до различных качественных социальных характеристик, включая уровень демократии или диктатуры в политической системе. Исследователь может дать свои пояснения о правовой системе страны (англосаксонской или германской). Он может исследовать масштабы коррупции или выявить преобладающую в стране форму религии.

В случае, если в набор объяснительных переменных включены несколько видов явлений, исследователь может сосредоточиться на нескольких произвольно выбранных факторах, которые влияют на рост исследуемого явления. Подробный анализ этого типа вычислений со многими параметрами (переменными) не всегда может привести к четким и непротиворечивым ответам или окончательным результатам. Но независимо от результата, в нашем образовании мы сделали большой шаг вперед. С помощью статистики социальные науки в целом, а не только экономика могут изучать простые связи между разнообразными экономическими и неэкономическими явлениями.

Этот подход связан со многими методологическими трудностями. Во многих случаях его применение вызывает беспокойство. Исследователи нередко злоупотребляют методологией, коротко описанной выше, и делают безответственные выводы на основании анализа. Но, несмотря на эти проблемы, существует метод, который, если применять его осторожно, может оказаться бесценным при понимании сложных взаимосвязей.

Позвольте выразить предупреждение в связи с данным методом. Современные компьютеры работают так быстро, что исследователи могут проводить эксперименты вразброс, как говорится в ироничной статье «Я всего лишь решил два миллиона регрессионных уравнений» Сала-и-Мартина (1997). Любые параметры можно отнести как на правую, так и на левую сторону баланса; регрессионные уравнения могут основываться на миллионах расчетов и может быть найдено подходящее уравнение. Предупреждение Тьяллинга Купманса

2. Обсуждение его работ см.: Дьянков и др. (2003) и Нэк и Кифер (1995).

остается в силе: любые значимые измерения и разъясняющий анализ могут основываться на теории, положенной в их основу (Купманс, 1947).

Использование «мягких» данных

Два или три десятилетия назад экономисты всерьез воспринимали только эмпирический анализ, основанный на фактических статистических данных. Они бы не согласились с тем, что серьезный экономический анализ может быть основан на интервью, полагая что исследования такого рода годятся лишь для маркетологов или социологов, но уж никак не респектабельных экономистов. На сегодняшний день дело обстоит совсем иначе.

Профессионалы понимают, что имеют значение именно те явления, которые происходят в умах людей. Экономистам следует понимать ожидания, надежды и восприятие людей, им приходится определять, как ценности влияют на человеческое мышление, а также на уровень оптимизма или пессимизма. Благосостояние всегда было в числе ценностей, которые экономисты считали важными, но, как правило, его степень измерялась объемом потребления. Обычным делом стало пытаться измерять уровень человеческого счастья, задавая людям вопрос о том, насколько они счастливы (см.: Фрей и Штутцер, 2002).

Многие исследования в настоящее время проводятся на основе методов, прежде не применявшихся экономистами, но регулярно использовавшихся социологами. Данные такого типа могут быть получены из целого ряда источников, включая опросы общественного мнения, интервью, а также ответы на письменные и устные вопросы. Оценка исследовательского проекта должна основываться не на том, являются ли «мягкими» или «твердыми» лежащие в его основе данные, а на репрезентативности данных и тщательности проведенных исследований.

«Системная парадигма»

Надеюсь, не покажусь нескромным, если в качестве последнего положения упомяну отличительный подход, используемый мною в работе – а именно «системную парадигму» (Корнаи, 2000). Рассмотрим исторический период, в течение которого бывший Советский Союз и Восточная Европа находились под гнетом коммунистической диктатуры. Описание исключительно политического режима (политической монополии коммунистической партии) могло бы создать одностороннее представление о регионе и эпохе. С другой стороны, если характеризовать экономику, отмечая только уничтожение частной собственности на средства производства, национализацию производственных активов, вытеснение рынка и центральное управление экономическими процесса-

ми, то получилась бы еще одна односторонняя картина. Чтобы отразить оба аспекта, а также идеологию, господство марксистско-ленинских идеалов, преследование инакомыслящих, риторику и пропаганду коммунистического режима, требуется более масштабное полотно.

Единственный способ понять реальность этого региона до 1990 г. – попытаться исследовать систему в целом. Нам следует понять все сферы и измерения системы одновременно, взаимовлияние различных элементов, а также механизмы формирования взаимозависимости.

Системная парадигма имеет богатые интеллектуальные традиции. С моей точки зрения, ее первооткрывателем был Карл Маркс. К числу других замечательных ученых, участвовавших в ее создании, следует отнести Карла Полани, Фридриха Хайека и Йозефа Шумпетера.

Применение системной парадигмы необходимо не только для исследования социализма, но также для понимания капиталистической системы в целом, а не только тех или иных ее сфер. Этот системный подход стал особенно важен сейчас, в период, когда в посткоммунистических странах происходят перемены – или, как сказал Карл Полани, «Великие Трансформации». Те, кто в последние 15 лет специализировались на исследовании перемен в бывшем Советском Союзе, Центральной и Восточной Европе, Китае и Вьетнаме (так называемые «транзитологи»), включая экспертов Всемирного банка, Международного валютного фонда и Европейского банка реконструкции и развития, правильно понимают эти проблемы. Даже в том случае, если они не используют термин «системная парадигма», характер работы заставляет их применить этот подход.

«Системная парадигма» не может быть использована в узких рамках одной или нескольких социальных наук. Суть этого подхода состоит в его междисциплинарном характере.

Желательные направления

Каковы желательные направления изменений? Я не предлагаю разрушать границы, разделяющие дисциплины. Я не предлагаю, чтобы факультеты экономики, социологии и политологии объединились в единый факультет социальных наук. Я не маньяк слияния и не только в силу тактических соображений (т.е., чтобы предотвратить борьбу за власть, которая обычно следует за слияниями).

Отдельные дисциплины богаты своими ценными традициями, методологиями и подходами. Представители каждой профессии имеют четкие знания определенного блока из комплекса литературы по всем социальным наукам. Было бы большой ошибкой, если бы в будущем только «универсалисты» проводили исследования и учили студентов в области социальных наук. Однако у

меня есть три предложения по объединению знаний между дисциплинами. Они достаточно скромные и, возможно, имеют больше шансов быть принятыми.

Предложение 1. Получение, по крайней мере, минимальных знаний по другим дисциплинам.

Независимо от того, что является вашей специальной дисциплиной, получите минимальные знания по другим дисциплинам социальных наук. Макс Вебер не единственный исследователь неэкономических проблем, с трудами которого должны быть хорошо знакомы экономисты. Чтобы получить докторскую степень по экономике, требуется минимальный уровень знаний по математике и статистике, но следует также установить минимальные требования знаний социальных наук и истории. Как взрослым исследователям, нам следует учиться самостоятельно. Нам следует читать гораздо больше трудов, которые публикуются в других социальных науках, и следить за последними достижениями и дискуссиями в них.

Следует ли устанавливать минимальные требования для студентов или довольствоваться рекомендациями университетам поощрять более широкое образование и присваивать баллы за курсы, избираемые студентами вне рамок основной дисциплины? Я не уверен, каков правильный ответ, следовало бы продолжить эту дискуссию. Но это не самое важное. Самое важное – это атмосфера, доминирующая в университете и взаимные ожидания сверстников. Среди венгерской интеллигенции распространено понятие «профессионал-варвар». Оно относится к лицам, которые являются специалистами в узкой области, но ничего другого не умеют делать. Нам следует создать атмосферу, в которой профессионалам-варварам было бы совестно чувствовать свое невежество, независимо от того, насколько хорошими специалистами они являются в своей области знаний.

Предложение 2. Поощрять междисциплинарные исследования и сотрудничество экспертов из различных областей.

Междисциплинарные исследования в настоящее время стали более популярны, чем несколько лет назад, но тем не менее пока не получили широкого распространения. Было бы желательно, чтобы в университетах внедрялись междисциплинарные исследовательские проекты и было больше междисциплинарных курсов.

Понятие «междисциплинарный ученый» сегодня не внушает большого уважения. Сомнительная похвала – услышать «она лучший философ среди экономистов». Эту оценку следует изменить.

Несколько журналов посвящены двум смежным дисциплинам (к примеру, экономике и социологии или экономике и праву). Однако нет ни одного престижного англоязычного академического журнала, который бы охватывал весь спектр социальных наук. Когда я писал статью о системной парадигме, мне не удалось найти ни одного журнала, профилю которого она бы подошла. Я рад, что моя статья войдет в том, публикуемый Всемирным банком. Она на самом деле не подходит ни одному специализированному журналу, и сможет достичь своей цели только в том случае, если будет опубликована одновременно в журналах по различным дисциплинам. Однако издательская политика препятствует этой практике, соблюдая право первой публикации. Журнал, который гордится своей репутацией, ни за что не согласится стать «повторным издателем». Я говорю об этом только в ироническом ключе и для описания текущей ситуации, в которой, несмотря на изобилие журналов, нет ни одного профильного журнального форума, в котором бы печатались солидные материалы, охватывающие все общественные дисциплины. Если бы я был моложе, я бы основал всеобъемлющий журнал социальных наук.

Предложение 3. Содействовать формированию нового типа междисциплинарного ученого.

Нам следует содействовать появлению определенного типа «социального ученого» в академической сфере. Большинство ученых предпочитают оставаться эконометристами, экспериментальными психологами или социальными антропологами-эмпириками. Однако требуется небольшая группа исследователей и преподавателей, которая старалась бы развить более комплексный подход к проблемам. Люди с таким универсальным типом мышления нужны не только для того, чтобы стать новыми Хайеками и Шумпетерами, но для удовлетворения более скромных потребностей.

Президентам и премьер-министрам требуются советники, обладающие более глобальным мышлением, чем нынешние «советники на один раз» (которые нередко имеют узконаправленное образование), специалисты по широкому кругу дисциплин, люди, глубоко знающие историю, политические науки, экономику, социологию и социальную психологию. Необязательно, чтобы они были специалистами в этой сфере, важно, чтобы они умели ориентироваться в этих дисциплинах и знали, какие книги читать. Формирование ученого такого типа позволит политикам получать более квалифицированные консультации, чем раньше.

В качестве заключения, позвольте еще раз отметить, что готовых рецептов для решения проблем, описанных в данной статье, нет. Однако она может быть полезной, чтобы привлечь внимание к сложной проблеме, не получившей надлежащего рассмотрения.

Приложение. Методология и количественные сведения, полученные по результатам исследования ссылок по различным дисциплинам.

Были избраны пять соответствующих журналов по экономике, праву, политологии и социологии (табл. 1) и произведен анализ всех статей этих 20 журналов за 2004 г. Выбор журналов по экономике был основан на различных обзорах «ведущих журналов». Журналы по праву, политологии и социологии выбирали специалисты из соответствующих профильных областей. Хотя большинство из этих журналов опубликовано в Соединенных Штатах, в их число входит, по крайней мере, один неамериканский журнал по каждой дисциплине. В конечном счете, выбор был довольно произвольным, хотя, как представляется, каждый из избранных журналов входил в число 10–15 ведущих изданий по данным дисциплинам. Учитывались ссылки в каждой статье на статьи, опубликованные в периодических номерах других журналов (табл. 2). Иногда включались статьи, выпущенные в специальных номерах. К примеру, анализировались выпуски «Papers and Proceedings» журнала «American Economic Review», «Conference Papers», которые издают «Economic Journal», а также «Symposium» и «Supreme Court 2003 Term», публикуемые журналом «Harvard Law Review».

Таблица 1

ЖУРНАЛЫ, ВЫБРАННЫЕ ПО КАЖДОЙ ОБЛАСТИ ЗНАНИЙ (2004 г.)

Экономика	*Право*	*Политология*	*Социология*
American Economic Review	American Journal of Internationsl Law	American Piolitical Science Review	American Journal of Sociology
Economic Journal	Columbia Law Review	Comparative Politics	American Sociological Review
Journal of Economic Perspectives	Harvard Law Review	European Journal of Political Research	Annual Review of Sociology
Journal of Political Economy	Rabel's Zeitshrift	Jounal of Democracy	Social Forces
Review of Economic Studies	Yale Law Journal	World Politics	Sociology

Таблица 2

КОЛИЧЕСТВО ПРОАНАЛИЗИРОВАННЫХ НОМЕРОВ, СТАТЕЙ И ССЫЛОК

Предмет	*Экономика*	*Право*	*Политика*	*Социология*	*Итого*
Номера	27	32	18	22	99
Статьи	316	65	164	176	721
Ссылки	8637	9952	6567	12 827	37 983

Источник: Вычисления автора при содействии Ноэми Питера.

Отдельные ссылки были даны по одной из следующих категорий: экономика, право, политология, социология, междисциплинарные исследования, прочее. Статьи по международным делам и международным отношениям относились к категории статей по политологии, статьи по гендерным проблемам характеризовались как публикации по социологии, статьи по криминологии относились к категории «право», а по экономике, организации предприятия, финансам, промышленным отношениям, бизнесу и политэкономии шли по разделу «экономика».

Для установления междисциплинарного характера издания использовалась следующая методика. В некоторых случаях заглавие журнала недвусмысленно указывает на дисциплины, к которым он относится (например, «The Journal of Law & Economics»). В других случаях для определения междисциплинарной принадлежности требовался анализ.

Если журнал дает ссылку, то соответствующие категории обычно ясны. В случаях, когда ссылки было трудно классифицировать, они группировались в категорию «прочее». К этой категории относились все книги, рабочие отчеты, веб-сайты, журнальные статьи, газетные статьи и прочие публикации, не подпадавшие в число указанных пяти категорий.

Как показывают таблицы 3 и 4, доля ссылок на профильную дисциплину велика, если рассматривать ссылки, классифицированные по пяти категориям (в статьях, опубликованных в экономических журналах, она больше, чем в журналах по всем прочим дисциплинам). Процентные показатели по диагонали свидетельствуют о высокой степени ориентации на узкую направленность в рамках каждой из дисциплин. Самые высокие значения были получены по экономике (88,9%) и праву (84,0 %), а минимальные по политологии и социологии (65,8% по обеим дисциплинам) (табл. 3 и 4).

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ССЫЛОК

	Тип журнала, в котором появилась ссылка				
Тип публикации, в которой впервые была помещена ссылка	*Экономика*	*Право*	*Политика*	*Социология*	*Итого*
1. Экономика	4344	256	341	625	5566
2. Право	60	3428	70	190	3748
3. Политика	109	84	1379	286	1858
4. Социология	50	15	110	3077	3252
5. Междисциплинарный	322	296	197	497	1312
6. Подитог: количество ссылок, которые идентифицируются как возникшие в рамках какой-то определенной дисциплины или междисциплинарной категории (пункты 1–5)	4885	4079	2097	4675	15 736
7. Прочее	3752	5873	4470	8152	22 247
8. Общий итог	8637	9952	6657	12 827	37 983

Источник: Расчеты автора при содействии Ноэми Питера.

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ССЫЛОК, ИДЕНТИФИЦИРУЕМЫХ ПО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДИСЦИПЛИНЕ (В %)

	Тип журнала, в котором появилась ссылка				
Тип издания, в котором впервые была опубликована ссылка	*Экономика*	*Право*	*Политология*	*Социология*	*Итого*
Журнал по экономике	88,9	6,3	316,3	13,4	35,4
Журнал по праву	1,2	84,0	3,3	4,0	23,8
Журнал по политологии	2,2	2,0	65,8	6,1	11,8
Журнал по социологии	1,0	0,4	5,3	65,8	8,3
Журнал междисциплинарного характера	6,6	7,3	9,4	10,6	100,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Расчеты автора при содействии Наоми Питера.

Примечание: Цифры 100% в последней строке относятся к подитогу всех ссылок, указанных в строке 6 табл. 3. К примеру, в ссылке на статьи по эко-

номике, установленные 4885 ссылок составляют 100%, указанные внизу таблицы. 88,9% из этих 4885 ссылок относится к статьям в экономических журналах.

В более подробном исследовании можно было бы распределить ссылки, подпадающие под категорию «прочее». В нашем случае это было сделано только для экономики. Результаты эксперимента, нацеленного на дифференциацию категории «прочее» см. в табл. 5: как явствует из нее, ссылки на дисциплины, выбранные здесь для более внимательного анализа, большей частью игнорируются в статьях по экономике.

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ «ПРОЧИХ» ДИСЦИПЛИН, НА КОТОРЫЕ ИМЕЮТСЯ ССЫЛКИ В СТАТЬЯХ ПО ЭКОНОМИКЕ (%)

	Публикации	*%*
Всего по категории «Прочее»	3752	100
Из них указанные как происходящие из определенных дисциплин:		
1. История	4	0,1
2. Математика, статистика	87	2,3
3. Психология	103	2,8
4. Философия	10	0,3
5. Антропология	3	0,1
6. Подитог: установленные ссылки 1 до 5	207	5,5
7. Ссылки, оставшиеся неидентифицированными, всего	3545	94,5

Источник: Расчеты автора, с помощью Ноэми Питера.

Категория «прочее» интересна с учетом объяснительной силы этого анализа. Нам удалось классифицировать 57% всех ссылок по экономике, но только 41% ссылок по праву, 37% – по социологии и 32% – по политологии.

Литература

1. *Barro, Robert J.* 1991. «Economic Growth in a Cross Section of Countries». – *Quarterly Journal of Economics* 106 (2): 407–443.

2. *Becker, Gary S.* 1993. «Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior». – *Journal of Political Economy* 101 (3): 385–409.

3. *Djankov, Simeon, Edward Glaeser, Rafael La Porta, Florencio-de-Silanes, and Andrei Shleifer.* 2003. – «The New Comparative Economics». *Journal of Comparative Economics* 31 (4): 595–619.

4. *Frey, Bruno S., and Alois Stutzer.* 2002. «What Can Economists Learn from Happiness Research?» – *Journal of Economic Literature* 40 (2): 402–435.

5. *Hayek, Friedrich von*, ed. 1935. Collectivist Economic Planning. Amsterdam: North-Holland. – 1944. The Road to Serfdom. Chicago: University of Chicago Press.

6. *Knack, Stephen*, and *Philip Keefer*. 1995. «Institutions and Economic Performance: Cross-Country Tests Using Alternative Institutional Measures». – *Economics and Politics* 7 (3): 207–228.

7. *Koopmans, Tjalling Charles*. 1947. «Measurement without Theory». – *Review of Economics and Statistics* 29 (3): 161–172.

8. *Kornai, Janos*. 1971. Anti-Equilibrium. Amsterdam: North-Holland. – 2000. «The System Paradigm». – In Paradigms of Social Change: Modernization, Development, Transformation, Evolution, Waltraud Schekle, Wolf-Hagen Krauth, Martin Kohli, and Georg Elwert, eds., 111–133. Frankfurt: Campurs Verlag. New York: St. Martin's.

9. *Kornai, Janos*, and *Susan Rose-Ackerman*, eds. 2004. Building a Trustworthy State in Post-Socialist Transition. New York: Palgrave Macmillan.

10. *Kornai, Janos, Bo Rothstein*. and *Susan Rose-Ackerman,* eds. 2004. Creating Social Trust in Post-Socialist Transition. New York: Palgrave Macmillan.

11. *Marx, Karl*. 1867–1894 (1978). Capital. London: Penguin.

12. *Marx, Karl*, and *Friedrich Engels*. 1848 (1962). «The Manifesto of the Communist Party». In The Essential Left, ed. Karl Marx, Friedrich Engels and Vladimir Ilich Lenin, London: Unwin Books.

13. *Neumann, John von*, and *Morgenstern, Oskar*, 1944. Theory of Games and Economic Behavior. Princeton, NJ: Princeton University Press.

14. *Polanyi, Karl*. 1944 (1962). The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston: Beacon Paperback.

15. *Sala-i-Martin, Xavier*. 1997. «I Just Ran Two Million Regressions» – *American Economic Review* 87 (2): 178–183.

16. *Schumpeter, Joseph*. 1942. Capitalism, Socialism and Democracy. New York: Harper and Brothers.

ОБРАЗ РОССИИ В МИРЕ

Л.С. Лыкошина

ОБРАЗ РОССИИ В ПОЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ. (Исторический аспект)*

Лыкошина Лариса Семеновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Россия, польско-российские отношения в самых разных аспектах на протяжении веков занимали постоянную и существенную нишу в историческом и национальном сознании поляков. Обращаясь к осмыслению образа России, польская общественная мысль по сути изначально сосредоточивается на представлении этого образа как чего-то чужого, враждебного и вместе с тем чем-то притягательного, заставляющего думать о себе. Понятие «русские» функционировало как слово-символ и вызывало эмоционально окрашенный комплекс представлений. Польский философ А. Шафф отмечал в свое время, что «характерный синдром поляков» связан с аллергией по отношению к России и русским (1).

Первый письменный источник, содержащий сведения об отношении польской общественной мысли к русским землям и народу их заселяющему – Польская хроника Анонима Галла, написанная в 1112–1116 гг. В этом произведении фигурируют благородные польские рыцари, воюющие с дикими и не знающими рыцарских законов русинами. В хрониках Анонима Галла говорится также (часто без комментариев) о династических союзах благородных поляков с русскими княжнами. Общий негативный тон в описании русских земель явился отражением неприязненного отношения католиков и западноевропейцев того периода к православию вообще.

Подобный неприязненный тон сохраняется и в хронике Винцента Кадлубека (XII – начало XIII в.). И здесь восточные соседи Польши предстают как люди дикие, необразованные, неблагородные, да к тому же еще поддерживаю-

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 06-01-02020а.*

щие тесные контакты с язычниками – печенегами и половцами. Источники последующего периода – хроника Янки из Чарнкова, знаменитая История Яна Длугоша, хроника Кромера – также содержат не слишком привлекательные сведения о русской земле.

В XVI в., по мысли В. Мочаловой, «концепт загадочного, варварского, полумифического восточного соседа, установившего у себя тираническую систему правления, был составной частью польской картины мира, как бы оттеняя гуманистические ценности шляхетского общества, контрастно подсвечивая национальный автопортрет» (2). Именно такой, дикой, варварской страной с тиранническим правлением предстает Россия в «Трактате о двух Сарматиях» Мацея из Мехова (XVI в.), в произведениях Я. Кохановского, в описаниях польских политиков и дипломатов XVI–XVII вв. Ст. Жулкевского, Ст. Немоевского и др.

Особый интерес к России, ее особое место в польской общественной мысли явно обозначились с конца XVIII в., с периода разделов. Национально-освободительные восстания XIX в. определили специфику отношения к России. Философ В. Ледницкий писал: «Дым 1831, а потом и 1863 г. заставлял слезиться наши глаза и надолго лишил нас способности трезвого и реалистического видения России» (3).

В период польского романтизма (XIX в.) сложились многие предубеждения и стереотипы отношения к России, которые живы и по сей день. Романтизм – это эпоха, которая в значительной степени по-прежнему определяет польскую идентичность и культурную «запрограммированность». Это касается, полагает М. Бохун, и польско-российских отношений (4).

В социальном романтизме, как известно, на первом плане идея народа, его миссии, предназначения. Польский народ, его самосознание формируются на фоне противостояния врагу – России как воплощению всякого зла. Реальные поражения компенсировались в общественной мысли представлениями об извечной борьбе добра (Польши) со злом (Россией). Поражения Польши воспринимались как наказание за грехи. Народ, потерпевший поражение, мстил победителю, не оставляя ему не только никаких достоинств, но и просто человеческих черт. Классик польского романтизма А. Мицкевич создал канон образа России. «Польский романтизм, – пишет В. Хорев, – перенял, дополнил и “романтизировал” существовавший ранее в польской культуре негативный образ России, который в упрощенной, экспрессивной и стереотипной форме, определивший ее живучесть и распространенность, вошел в историческую память следующих поколений» (5).

В произведениях Мицкевича строки, посвященные России, рисуют ее как огромную, неприветливую, промерзшую страну, где все подчинено воле царя-деспота. Народ покорен и пассивен. Эта тема холода, замороженности России

повторяется и в произведениях других польских поэтов – Ю. Словацкого, К. Норвида.

Вместе с тем романтизм (в соответствии с самой сутью концепции) разделял деспотов, угнетателей и порабощенный, страдающий народ. Но если классик романтизма А. Мицкевич иногда жалел «братьев-славян», то многие польские мыслители отказывали России в праве причислять себя к славянским народам. После восстания 1830–1831 гг. один из активных участников его М. Мохнацкий в своих сочинениях отводил России место в Азии как народу азиатскому. Там на бескрайних и диких азиатских просторах и должна, по мысли Мохнацкого, Россия обрести свое истинное место, в чем ей призвана «помочь» Европа (в отличие от Польши недостаточно четко осознающая опасность, исходящую со стороны России (6).

В работах философа Б. Трентовского (1808–1869), историка и философа Х. Каменьского (1813–1866) Россия представлена как страна варваров, страна, принадлежащая к иной, нелатинской, незападной цивилизации.

В середине XIX в. на смену характерному для романтизма мышлению о России в категориях духовных, религиозных, цивилизационных приходит мышление в категориях биологических, расовых, геополитических (7). Ф. Духиньский, его последователь В. Лютославский идентифицируют Россию с туранским племенем, заселявшим некогда азиатские степи, а затем прорвавшимся в Европу. Ф. Духиньский считал предками русских уральские, алтайские, угро-финские племена лишь после XII в. отчасти славянизированные киевскими князьями.

Идея «туранской цивилизации», к которой якобы принадлежит Россия, становится в Польше XIX в. весьма популярной и благополучно перекочевывает в X в. Внимание польских мыслителей в значительной мере концентрируется вокруг решения проблемы, поставленной впервые еще С. Герберштейном, посетившим Московию в XVI в.: варварство ли народа требует тиранического правления или тирания делает народ варварским и жестоким? Сам же факт варварства и тирании не подлежит никакому сомнению (8).

На рубеже XIX–XX вв. исследование российской проблематики велось главным образом историками львовской школы (именно во Львове, входившем в состав Австро-Венгрии, можно было работать, не опасаясь российской цензуры). Глава этой школы Ш. Аскенази и его ученики С. Кутшеба, В. Смоленьский, В. Собеский, А. Краусхар, занимаясь главным образом историей XVIII–XIX вв. создают в своих трудах образ России чуждой западной, а значит и польской цивилизации, страны грубой, варварской, деспотичной. Достаточно активно занимаясь проблемами религии и церкви, польские историки того периода много пишут о преследовании русским правительством униатов и католиков, слиянии православия и самодержавия.

Такого рода позиции были преобладающими, но не единственными. Так, известный исследователь российской литературы А. Брюкнер выступал против постулата о принадлежности России к Востоку; сторонниками поиска компромисса с Россией на основе общеславянских корней были К. Василевский, Х. Лисицкий. Но их идеи не были популярны в польском обществе, болезненно переживавшем политику русификации проводимой царским правительством.

В **независимой Польше (1918–1939)** отношение к советской России не стало более благожелательным. Одним из наиболее значимых и интересных исследователей, писавших о России в межвоенной Польше, был М. Здзеховский (1861–1938) – философ, историк культуры, профессор Краковского, а затем Виленского университетов, знаток русской литературы и философии, основатель Славянского клуба в Кракове и журнала «Славянский мир». Он учился в России, был лично знаком со многими представителями российской интеллигенции, публиковал свои статьи в российской периодике, был лидером галицийских славянофилов. М. Здзеховский относился к России эмоционально и неравнодушно, причем в этом отношении, как полагает Г. Котлярский, можно выделить два периода – до 1914 г. и после (9).

Первый период связан с постижением Здзеховским русской души посредством изучения литературы, которую он высоко ценил, особо выделяя Л. Толстого. Однако события 1914–1920 гг. заставили польского философа изменить свое отношение к России, которая становится для него теперь воплощением абсолютного, вселенского зла.

Предостерегая поляков от российского влияния (отнюдь не внешнего, политического, а гораздо более опасного – духовного), М. Здзеховский самой значимой, определяющей чертой русской души считал максимализм, размах которого зачаровал Польшу. «Максимализм, – писал М. Здзеховский, – каждый вопрос сводит к дилемме: либо все, либо ничего. Отсюда в сфере морали – абсолютное совершенство, в сфере социальной – абсолютное счастье рая на земле, который каждому человеку обеспечит возможность широко пользоваться всеми благами жизни; наконец, в сфере политической – универсализм абсолютного господства над миром. Но так как достижение абсолюта невозможно в этом мире, максимум естественно перерастает в отрицание действительности, в слепое и жестокое в своей решительности разрушение во всех сферах морали, социальной и государственной жизни» (10).

Максимализм русских, продолжает Здзеховский, приводит к антиномичности стиля их жизни, отсутствию равновесия, склонности к крайностям. С одной стороны, анархия, с другой – культ деспотического государства; с одной – мечта о свободе, братстве всех людей, с другой – национализм и неуважение к другим национальностям. Русским свойственно безумие самообожест-

вления, неуважение к другим народам, стремление всем навязать свое представление о мире.

Анархистские склонности, соединяясь с «монгольским фатализмом», подогреваются, по мнению Здзеховского, еще одной особенностью русских – склонностью к пьянству.

Усматривая в максимализме ключ к русской истории, к аномалиям ее развития, М. Здзеховский полагает, что максимализм является ключом и к разгадке «русской души», эксцентричности России и русских и особенностей их мировосприятия. «Особенность русского ума, – пишет философ, – состоит в склонности к затемнению любой простой и ясной вещи с помощью мистической фразы и возвышения ее таким образом до какой-то туманной высоты. Мистическая фраза у русских делает подчас черное – белым, зло – добром, подлость – геройством» (11). Таким образом, максимализм приводит к сознанию бессмысленности всех усилий по улучшению жизни: ведь если совершенство недостижимо, то и разница между добром и злом ничтожна, неважна.

Русские отличаются отсутствием чувства собственного достоинства, презрением к добродетели, неуважением к традициям. Специфична, по мысли М. Здзеховского, и религиозность русских: они ищут небесный Иерусалим здесь на земле, а не в эсхатологической, трансцендентной перспективе, проявляя при этом максимализм мышления. Не находя религиозной правды в ее абсолюте, душа русского человека не может успокоиться, ища идеал.

М. Здзеховский подчеркивал роль православия как определяющего фактора истории России. Именно принятие христианства из Византии, по его мнению, оторвало Россию от Запада и сблизило ее с Востоком. Из Византии пришла на Русь идея царя – помазанника Божия. «Россияне называют свою религию православной, но основной догмат этой религии можно сформулировать в словах: “царь от Бога”, то есть православие по сути своей является цареславием» (12).

Слабость православия, его связь с властью сделали возможным триумф большевизма. Влияние таких религиозных мыслителей, как В. Соловьёв, Е. Трубецкой, Л. Толстой, с которыми был близок М. Здзеховский, оказалось ничтожным. Возобладали другие представители интеллигенции, заменившие религию антирелигией, религией антихриста, большевизмом, ставшим новой верой. Большевизм абсолютно чужд Европе, он уничтожает все, что есть человеческого в человеке, но вполне соответствует специфике русского мировосприятия. Эта специфика включает в себя идеи мессианства, в чем русские близки к полякам.

Сходство проявляется в глубокой мистической вере в высшее призвание и России, и Польши морально исцелить погибающую от материализма Европу. Философ говорит о польском «мистическом патриотизме» и русском «патриотическом мистицизме» (13).

В межвоенной Польше российской проблематикой занимались многие крупные историки, такие как В. Токаж, Ю. Фельдман, М. Хандельсман. Но вряд ли кто-то может сравниться по степени влияния на формирование исторического сознания с творчеством Я. Кухажевского (1876–1952), политического деятеля, историка и публициста. Его семитомное сочинение «От белого до красного царизма», изданное в 1923–1935 гг., было известно всем образованным полякам того времени. Примечательно, что сочинения Л. Кухажевского неоднократно переиздавались и в 90-е годы XX в.

Главная идея работы Л. Кухажевского – преемственность самодержавия и большевизма, перерастание мессианства славянофильского в мессианство коммунистическое. По мнению Л. Кухажевского, в России даже добро служит злу. Л. Кухажевский сурово оценивает Россию, в отличие от М. Здзеховского не тратя время на размышления о загадочной русской душе. Он усматривает в России «огромное историческое недоразумение, огромную мистификацию», населенную народом без образования и культуры, без чувства закона, без уважения к женской чести, даже без привязанности к своему углу и деревне...». Русские – это народ «чрезвычайно легко оставляющий отцовское гнездо и уходящий туда, где, возможно, лучше жить, пребывающий в неком переходном периоде между кочевым и оседлым образом жизни; ненавидящий государство, как воплощение вечного насилия...» (14).

Причем весь народ от просвещенных верхов до самих низов проникнут одной низменной страстью – жаждой захвата чужого. Именно захвата чужого, а несохранения своего. Религия неспособна облагородить русский народ, ибо православие – не настоящее христианство. До татар христианство не успело утвердиться, а после татар, хотя и строились на Руси многочисленные церкви, соблюдались строгие посты и бились многочисленные поклоны, русские оставались во власти обряда, а не духа христианства. «На фоне обособленности, темноты расцветала ксенофобия и утвердилась идея о том..., что только на русско-московских землях сохранилась истинная вера» (15).

Представление об избранности переходит из сферы религиозной в сферу политическую, порождает национализм и мессианство. Избранный народ – носитель высшей правды и другие народы должны ему подчиниться. Я. Кухажевский полагает, что эта идея характерна для русского сознания от монаха Филофея (с его концепцией «Москва – Третий Рим») до Ф. Достоевского. Идеи Шатова, по мысли, Я. Кухажевского – это идеи самого автора «Бесов».

Обращаясь к польской общественной и исторической мысли межвоенного периода, невозможно обойти вниманием работы профессора Виленского университета Ф. Конечного (1862–1949). Будучи теоретиком цивилизационного развития, Ф. Конечный выделял семь главных цивилизаций в истории человечества: европейскую, браминскую, туранскую, латинскую, византийскую,

китайскую и арабскую. Сам ученый был апологетом латинской цивилизации, выступая при этом противником цивилизационного синтеза. Решительно не приемля идею Польши как моста между Западом и Востоком, Ф. Конечный писал в своей работе «Польша между Востоком и Западом»: «Синтез Запада и Востока я считаю лишь фразой. Что же касается очевидной ныне в Польше цивилизационной мешанины, то она, по-моему, является свидетельством упадка цивилизации. Цивилизация может быть чистой или не быть вообще; нельзя принадлежать к двум цивилизациям. Польша пала потому что, ища, синтез Запада и Востока, превратилась в цивилизационную карикатуру...» (16).

Ф. Конечный решительно осуждал византийское влияние, дух византинизма, суть которого он усматривал в абсолютном подчинении государству всех элементов общественной жизни, в том числе и церкви. «Совершенно противоположны, – полагает Ф. Конечный, – пути развития латинской, западноевропейской цивилизации: все ее развитие, все гражданские свободы и готовность общества к решению публичных проблем сформировались благодаря независимости церковной власти от светской» (17).

Поляки в свое время успешно противостояли византинизму, русские же оказались его адептами. Поляки сумели также противостоять и нашествию туранской цивилизации в лице монголо-татар. (Под туранской цивилизацией Ф. Конечный понимает сформировавшуюся в азиатских степях цивилизацию, основанную на гегемонии государства.) Русь в полной мере подверглась туранскому влиянию, которое, впрочем, проявилось еще до монголо-татар, в период борьбы Руси с печенегами и половцами.

Со временем, к несчастью Польши, страна поддалась влиянию туранской цивилизации, которая постепенно разрушила, подорвала силу цивилизации латинской. Тлетворное влияние Востока привело к гибели Польши. Это влияние было не всегда простым и явным. Происходила скрытая «русификация интеллекта». Такие русские писатели, как Толстой и Достоевский, нарушали строй польской души. «Именно на рубеже XIX и XX вв. в Польше стал появляться новый тип: поляк с горячим польским сердцем, готовый на жертвы, даже на мученичество ради Польши, но обладающий... русифицированным мозгом. В польской литературе можно найти очень известные имена авторов, которые не только восприняли от русских литературный стиль, но распространяли русские “настроения”, а подчас и откровенно русские представления о частной и общественной жизни – ненавидя Россию всей душой! Пропитанные русскими методами мышления, они старались применить их... во имя польского дела. Результат, конечно же, был противоположен намерениям» (18).

Не только в литературу, но и в общественную жизнь, и в быт, и даже в революционное движение проникли русская ментальность, русский нигилизм, что привело к самым пагубным последствиям для Польши.

Географически, замечает Ф. Конечный, Польша всегда будет между Востоком и Западом. Но в синтезе этих двух феноменов таится погибель для Польши. Ее место на Западе (19).

В межвоенной Польше интерес к происходящему в России, попытки осмыслить последствия событий 1917 г. предпринимали ученые, работающие в Люблинском католическом университете – А. Шиманьский, Е. Пастушка, И. Чума, Е. Урбан и ряд других исследователей. Анализируя суть большевизма, его генезис И. Чума усматривал истоки такового в разрыве цивилизационно-культурных связей России и Запада. Это как бы отрезало Россию от возможностей использования достижения западноевропейской науки, общественной и религиозной мысли. «Религиозный русский человек анормативен, аформален, склонен к мистицизму, но не в понимании западной церкви, а скорее в понимании восточном, он умеет верить, но не может определить свою жизненную позицию. Изоляция Москвы от средневекового Запада... привела к превращению России в оплот ритуала и литургики, причем огромные религиозные силы русского народа остались ниже уровня умственного развития эпохи» (20).

Когда при Петре I Россия открылась для Запада, она восприняла отнюдь не лучшие его достижения. Идеи просвещения, атеизма, морально-философский упадок человека Запада и породили, как полагает И. Чума, большевизм.

Такого рода взгляды господствовали в католической мысли того периода. Большевизм расценивался именно как порождение Запада, нашедшее для себя благоприятную почву в России (21).

Естественно, католических исследователей занимали проблемы атеизма в Советской России. Пишущий об этом Е. Урбан подчеркивал весьма невысокий научный уровень антирелигиозной пропаганды, отмечал, что русская мысль вообще не склонна к глубоким и сложным философским размышлениям. Она прямолинейна и вполне удовлетворяется брошюрой, утверждающей, что ничего кроме материи в мире не существует, а мысль и «духовная жизнь» – это продукт жизнедеятельности мозга (22).

Католическая мысль отрицала научность марксизма, решительно отвергала атеизм, настойчиво утверждала идею о том, что не только теория, но и вся политическая и общественная практика большевизма построена на лжи. Интересно, как оценивали большевиков в прессе межвоенной Польши. Одна из первых информаций о них появилась на страницах еженедельника «Пяст» и была окрашена в весьма тревожные тона. «За небольшими исключениями, – пишет Х. Лисяк, – большевистская революция на страницах польской прессы изображалась как гомерический хаос, господство огня и меча, едва ли не апокалипсис» (23).

Конечно, в коммунистической прессе акценты расставлялись по-иному, но не они определяли общественное мнение.

Оценивая большевизм как кровавый хаос, польские журналисты и публицисты того периода усматривали его истоки в истории России, в периоде татаро-монгольского нашествия. Отрицательное отношение к большевикам особенно усилилось после обретения Польшей независимости и в связи с соперничеством Польши и России за территории Украины и Белоруссии. В прессе (особенно в эндецкой)[1] активно муссировалась тема еврейского происхождения многих большевиков. Тем более что во Временном революционном комитете в Белостоке, созданном по инициативе Москвы, преобладали евреи. Помимо эндецкой, католическая печать также подчеркивала засилье евреев в русской революции и видела в этом самые пагубные последствия и для Польши, и для Европы.

Большевики и красноармейцы изображались как дикие, полуазиатские орды (именно азиатские черты придавали польские художники большевикам в своих карикатурах) вечно голодных насильников и грабителей, плохо одетых, босых, небритых, не умеющих воевать солдат. Польские же солдаты выглядели как элегантно одетые рыцари, исполненные благородства и достоинства. Большевики несли с собой насилие, дикость, бесправие, поругание религии. Именно в эти первые послереволюционные годы в сознании многих поляков утвердился образ большевика, который, как утверждает Х. Лисяк, «просуществовал много лет, а среди старшего поколения поляков живуч и по сей день» (24).

* * *

Если попытаться в самом общем виде определить, по каким параметрам польская общественная мысль (главным образом XIX – первой половины XX в.) оценивает Россию, русских и их роль в истории Польши, достаточно явно обозначаются несколько моментов. Прежде всего, речь идет о цивилизационном различии, противостоянии западной цивилизации, к которой относится Польша, и восточной (иногда называемой «туранской»), к которой принадлежит Россия. В известной мере, отсюда проистекает противостояние религиозное. Католическая Польша – средоточие истинного христианства, а православная Россия – схизматическая, где нет духа христианства, а есть лишь обряд, форма. Цивилизационные различия порождают и различия политические, разные способы организации общественного бытия. Поляки склонны

1. Эндеция – Национально-демократическая партия, возглавляемая Р. Дмовским. Партия отличалась националистическими и антисемитскими взглядами.

к демократии, индивидуализму, уважению прав личности. Русские же – к тирании, деспотии, коллективизму, соборности.

Это различие поляков и русских не смягчается в представлении многих представителей польской общественной мысли даже общим славянским происхождением. Просто потому, что русские – это не славяне, или не совсем славяне. Мотив «азиатскости» России достаточно четко прослеживается в польской общественной мысли. Процесс «деславянизации» (по выражению М. Бохуна) русских, начавшийся в первой половине XIX в., продолжился и в дальнейшем, найдя свое воплощение в работах Ф. Духиньского, Ф. Конечного, Б. Трентовского, З. Красиньского, Х. Каменьского. Неевропейская, нехристианская, деспотическая Россия населена варварским, пассивным, готовым к подчинению народом. Мотивы варварства русских встречаются у абсолютного большинства польских мыслителей XIX – первой половины XX в. Особенно яростно достижения русской культуры отрицали польские исследователи XIX в.; М. Мохнацкий, Х. Каменьский, З. Красиньский вообще решительно отказывали России в причастности к культуре. По их мнению, если и были какие-то проблески, то это лишь поверхностное и неудачное подражание Западу. Такой позиции придерживался даже А. Мицкевич. Хотя в своих парижских лекциях он и пытался отметить некоторые достижения русской культуры, но подвергался за это решительному осуждению соотечественников.

XX век внес известные коррективы в такого рода позиции. При всем своем пренебрежительном отношении к русскому народу М. Здзеховский высоко оценивал творчество Л. Толстого, В. Соловьёва, Е. Трубецкого и многих других русских писателей и философов.

Претерпевает изменения трактовка российского деспотизма, столь горячо обличавшегося польскими мыслителями XIX в., носителями деспотизма объявляются большевики. Типичной можно считать позицию одного из крупнейших польских философов, основателя польской социологии Ф. Знанецкого, писавшего: «Большевистское государство стало типичной восточной “деспотией”, с той лишь разницей, что власть “сатрапов” осуществляется не во имя монарха, а во имя народа. Но это только разница в символах... большевизм официально правит Россией во имя выражения интересов широких народных масс и уничтожения раз и навсегда привилегий прежних господствующих классов, что не меняет его восточного характера, ибо деспотические правительства не раз делали то же самое. История России дает прекрасные примеры такой политики в период правления Ивана Грозного. В связи с тем, что эта патологическая личность стала одним из идеализированных персонажей народной традиции, ясно, что система, символом которой был Иван Грозный, прекрасно соответствует психологии русского народа» (25).

Пассивность, апатия и варварство во многом связываются с огромными пространствами России. Ф. Конечный, Я. Парандовский, Я. Кухажевский и другие польские авторы отмечают эту взаимосвязь.

«Огромность России, – пишет современный польский исследователь М. Бохун, – вызывала не удивление, а скорее раздражение, тем более, что, по меньшей мере, отчасти она была результатом подчинения Польши. Политическая география превращалась в географию духовную... Подчеркивалось, что величина территории, которую Россия занимает в пространстве, обратно пропорциональна ее месту в истории и культурном наследии человечества» (26).

Таким образом, можно констатировать целостность, устойчивость и несомненную негативную окрашенность образа России в представлении польской общественной мысли, начиная со Средневековья и по сути до Второй мировой войны.

* * *

После Второй мировой войны, вплоть до 80-х годов, образ России в польской общественной мысли вписывался в схемы, предлагаемые Москвой. Сложные моменты в польско-российских отношениях, «белые пятна» в истории обходятся, замалчиваются (во всяком случае, в официальных изданиях). Достаточно заглянуть в школьные учебники той поры, чтобы убедиться, что образ России официальными средствами формировался во вполне официальном духе. Заметим, что в Народной Польше, согласно школьной программе 1946 г., конечной датой изучения всеобщей истории был 1919 г., а программа 1958 г. предусматривала изложение исторических событий только до 1918 г. В 1954 г. конечным рубежом стал 1945 г. Конечно, лучшим способом избежать оценки сложных моментов польско-российских отношений было умолчание о них. Но если что-то и говорилось, то весьма тенденциозно и в духе официальной концепции. После 1956 г. веяния оттепели коснулись и истории, но к 70-м годам наметившиеся было тенденции сошли на нет. В средней школе часы преподавания истории были сокращены, а из программ средних специальных учебных заведений история исчезла вообще (27).

В учебниках 1970-х годов (написанных известными польскими историками) история России излагается вполне в духе официальной советской историографии. Как замечает Т. Мареш, «в учебниках трудно найти что-либо такое, к чему могла бы выразить претензии Россия. Это было обусловлено политическими причинами. Только по отношению к царской России, царским генералам, ограничивающим национальную независимость поляков, авторы решились на критические замечания. Польско-советские отношения, как правило, представлены либо в положительном ключе, либо замалчиваются...» (28).

Гораздо более свободной в выражении своего отношения к России вообще и к России советской, в частности, была польская общественная мысль в эмиграции. В эмигрантской публицистике (независимо от политической ориентации) господствовало убеждение в преемственности царской России и СССР (теория континуитета). Соответственно польско-советские отношения рассматривались как продолжение польско-российских со всеми их проблемами и осложнениями. Советская политика по отношению к Польше расценивалась как политика агрессивная, основанная на насилии, территориальной экспансии, неуважении к польскому суверенитету (29).

Подтверждение этой мысли усматривалось в событиях 17 сентября 1944 г. (Варшавское восстание), катынском расстреле, преследовании солдат и офицеров Армии Крайовой после окончания войны.

Польские эмигрантские издания неоднократно высказывали идеи о том, что истоки советских политических устоев следует искать в российских традициях. Так, один из авторов «Белого орла» (1947) замечает, что «большевизм по сути российское явление и потому он так легко утвердился в России». Ю. Понятовский на страницах «Польского ежедневника» (1956) утверждает, что советский строй и советское мировоззрение – это ипостась российского менталитета, В. Збышевский в «Культуре» (1955) всю ответственность за большевизм возлагает на русский народ (30).

В редакционной статье, опубликованной в издающемся в Нью-Йорке «Тыгоднике польском» (1945 г.) говорилось о том, что «Советская Россия не только является детищем Ивана Грозного, Екатерины и Суворова, – но и гордится этим... Сталинизм – это вовсе не коммунизм, он не имеет ничего общего с левицей. Это порождение азиатчины, пожравшее тело социальной революции. Это красный фашизм, красный нацизм, опаснейшая, самая темная, милитаристская форма русского империализма» (31).

Конечно, в социалистической Польше увидеть нечто подобное на страницах подцензурной печати было невозможно. Но в 80-е годы ситуация изменилась весьма серьезно. В польской публицистике, в научной печати все чаще стали говорить о кризисе исторической науки, о «вторичной исторической неграмотности», порождаемой школой. Молодежь, да и общество в целом перестали верить официальной версии истории. Прежде всего речь шла о польско-российских и польско-советских отношениях. Война 1920 г., деятельность Армии Крайовой, Катынь, Варшавское восстание – все эти «белые пятна» волновали общество, ищущее правду не в учебниках и официальных изданиях, а в продукции подпольных издательств: «Нова», «Кронг», «Ритм» и целого ряда других. Появились многочисленные подпольные журналы, кассеты, радиопередачи – казалось, прорвалась какая-то плотина, и поток информации (как и прежде, не всегда объективной, но с совершенно противоположным прежнему содержанием) хлынул на польское общество. СССР рассматривает-

ся как страна, оккупировавшая Польшу, Сталин – как тиран, подчинивший своей власти Центральную и Восточную Европу, Россия и СССР – как извечные угнетатели Польши; в русской истории и культуре не усматривалось ничего ценного.

Не вписывались в эту схему работы очень немногих авторов. Прежде всего следует назвать А. Валицкого, исследователя российской общественной мысли, для которого русская интеллектуальная традиция – интегральная часть европейской. Он отрицал постулат «анормальности» России. А. Валицкий возлагал на себя великую миссию: раскрыть истинную ценность русской мысли, вернуть понимание этой ценности и самим русским, которые утратили это понимание в советское время. «Я хотел бы, – пишет А. Валицкий в своем письме к Ч. Милошу, – посмотреть на русскую мысль с точки зрения общих у нас с русскими испытаний – они не могут этого сделать, я могу... За действительное духовное возрождение России я готов поплатиться "внутренней русификацией всех поляков"... Те, кто поворачивается спиной к России, вместо того, чтобы повернуться к ней лицом, вовсе не националисты – это абстрактные "западники" с пренебрежением относящиеся к родному "захолустью"» (32).

Философ не соглашается с позицией, согласно которой в Польше все ненавидят русских. Он приводит тираду одного из авторов и идеологов парижской «Культуры» Ю. Мерошевского: «Русских ненавидят в Польше больше, чем англичан в Индии или французов в Алжире. Ненавидят их одинаково католики и коммунисты, крестьяне и рабочие, интеллигенция – словом все. Эта ненависть безгранична, никакие слова не дают представления о ней» (33). А. Валицкий же полагает, что «... мы не должны ненавидеть русских... больше всего страданий они причинили себе сами, ... из иррациональной веры, что из этих страданий вырастет нечто великое для всего мира» (34).

Из общего хора выбивался и голос историка Б. Зентары, усматривавшего в традициях Великого Новгорода и земских соборов стремление к защите прав личности и ограничению самодержавия (35).

* * *

Насколько холодной, варварской, грубой и неприветливой предстает Россия в средневековых польских хрониках, настолько же определенно этот мотив холода и грубости проходит через века и знакомо повторяется в работах польских авторов 80-х – начала 90-х годов.

Именно такой виделась Россия известнейшему польскому публицисту (недавно скончавшемуся) Р. Капусциньскому. Его знают и читают в Польше, его произведения входят в обязательную школьную программу. В книге «Империя» автор делится своими впечатлениями о нашей стране в период с 1939

по 1993 г. Капусциньский родился и провел детство в Полесье, на территории нынешней Белоруссии. Его первые впечатления о СССР – аресты, голод, бессмысленная пальба красноармейцев по костелу. На протяжении жизни Капусциньский еще не раз сталкивался с «Империей» и путешествовал по ней. Он увлекается и восхищается многим из увиденного в разных уголках «Империи»: в Грузии, Азербайджане, Средней Азии. Но в самой России лишь холод, колючая проволока, лагеря, неприветливые, грубые люди. Пространства России угнетают его, ассоциируются со смертью, они слишком бескрайни для человека, они таят в себе небытие, уничтожение, они отнимают все силы, от величия пространства захватывает дух и дышать человек не может (36).

Человека давит не только пространство, но и деспотическая власть. «Царь считался Богом в полном смысле слова. В течение столетий, на протяжении всей истории России. Только в XIX в. был издан царский указ о том, чтобы из церквей убрать портреты царя... Если цари – наместники Бога, то Ленин и Сталин – наместники мирового коммунизма...» (37). И народ это приемлет, он носитель «цивилизации, которая не задает вопросов... цивилизации остановившейся, парализованной, неподвижной» (38). Этим людям многого не надо: «начальство лучше знает». Суть же русской философии жизни, как полагает Р. Капусциньский, лучше всего выразила одна сибирячка, обитающая в убогом, грязном домишке на окраине Иркутска и ответившая на вопрос о том, как она живет, такими словами: «Как живем?... Дышим» (39).

* * *

Выдающийся польский поэт, эссеист, историк литературы, лауреат Нобелевской премии (1980) Ч. Милош, родившийся в Литве, большую часть жизни проведший в США и Западной Европе и считающийся знатоком не только польского менталитета, но и русской культуры, в одном из своих произведений, написанных в 1959 г., пытался разобраться в причинах польско-русского антагонизма и неприязни. В том, что таковые существуют, Милош не сомневается. В чем же причина? «Не исключено, – пишет М. Милош, – что поляки знают о русских то, что русские сами о себе знают, но не хотят в этом признаться и наоборот... Похоже, каждое столкновение с русскими полякам неприятно, заставляет их защищаться, ибо раскрывает что-то в них самих» (40).

Вряд ли, полагает Милош, причины неприязни можно свести к политическим событиям XIX–XX вв. Корни гораздо глубже. В XVI–XVII вв. Россия – варварская периферия Европы, не очень-то поляков интересующая. Все, что тогда ценилось – ремесло, наука, искусство – шло с Запада. Восточное влияние – одежда, оружие, некоторые обычаи – перенимались не из России, а из Турции. Разделы, зависимость от России были восприняты поляками как варварское, татарское нашествие, наказание за грехи.

Поляки, сталкиваясь с русскими всегда чувствовали свое превосходство благодаря своему католицизму, своим традициям, своей принадлежности к Западу. Русским же польская подчеркнутая вежливость, улыбки, любезность казались ненужными и фальшивыми.

В польской литературе нет таких героев, как Алеша Карамазов или князь Мышкин, у поляков нет этого характерного для русских стремления к абсолютному добру, к уверенности, что уж если оно не достижимо, то не все ли равно как жить.

Милош признается в своей симпатии к русским, в понимании их сути, в определенной близости к ним. Очень похожи и мысли популярного польского писателя Т. Конвицкого, пишущего о «зараженных» Россией. Именно они, полагает Т. Конвицкий, «играли в нашей интеллектуальной жизни положительную роль. У них были открыты глаза, их взгляд не был замутнен провинциальным национализмом... Кто знает, не обусловлено ли наше восхищение Россией тем, что, по сути, мы очень похожи на них, а они на нас? Что наши грехи в них вырастают стократ, а их высокие достоинства в нас странным образом мельчают.

Однако же эта духовная близость может оказаться для нас роковой. И не спустя столетия, а в не слишком отдаленном будущем. Мы исторгли из себя советскую Россию, чтобы припасть к России мессианской и загадочной.

Я тоже заражен Россией, то есть трагическим, сакрализованным злом» (41).

* * *

Можно констатировать, очевидно, что в польской общественной мысли, рассматриваемой в исторической перспективе, преобладает негативный образ России как политического противника Польши, страны, из которой исходило много зла для поляков. Но этот негативный образ грубой, холодной, деспотической страны не монолитен. Есть в Польше интеллектуалы (пусть их и немного), улавливающие в этом образе некую особую, важную для всех людей (русские они или поляки) черту, которая отнюдь не всегда проявляется в государственных или политических отношениях, но от этого не перестает быть позитивно значимой, противостоящей обособленности и разъединению людей.

Примечания

1. Schaff A. Stereotyp: Definicja i teoria // Kultura i spoleczenstwo. – W-wa, 1978. – T. 22, N 3. – S. 56.

2. Мочалова В. Представления о России и их верификация в Польше XVI–XVII вв. // Россия – Польша: Образы и стереотипы в литературе и культуре. – М., 2002. – С. 44.
3. Цит по: Bohun M. Oblicza obsesji – negatywny obraz Rosji w mysli polskiej // Katalog wzajemnych uprzedzen polakow i rosjan. – W-wa, 2006. – S. 211.
4. Ibid. – S. 213.
5. Хореев В. Мицкевич и польский стереотип отношения к России // Польша и поляки глазами русских литераторов. – М., 2005. – С. 77.
6. Mochnacki M. Pisma krytyczne i polityczne. – Krakow, 1996. – T. 2. – S. 116.
7. Bohun M. Op. cit. – S. 278.
8. Stolecki R. Rosja i rosjanie w polskiej mysli historycznej XIX i XX ww. // Katalog wzajemnych uprzedzen polakow i rosjan. – W-wa, 2006. – S. 162.
9. Kotlarski G. Miedzy rusofilia a rusofobia // Oblicza wschodu w kulturze polskiej. – Poznan, 1999. – S. 189.
10. Zdziechowski M. Wplywy rosyjskie na dusze polska // Duzsa polska i rosyjska: Antologia. – W-wa, 2002. – S. 152.
11. Цит. по: Kotlarski G. Op. cit. – S. 206.
12. Цит. по: Bohum M. Op. cit. – S. 241.
13. Разьны А. Россия в глазах Марианна Здзеховского // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание. – М., 2000. – С. 158.
14. Kuchazrewski J. Od bialego caratu do czerwonego // Duzsa polska i rosyjska : Antologia. – W-wa, 2002. – S. 343.
15. Ibid. – S. 347.
16. Konieczny F. Polska miedzy wschodem a zachodem // Ibid. – S. 236.
17. Konieczny F. Op. cit. – S. 237.
19. Konieczny F. Op. cit. – S. 231.
20. Czuma J. Filozoficzne punkty styczne Zachodu i bolszewizmu. – Lublin, 1930. – S. 20, 21.
21. Jelinski E.Idee bolszewizmu w katolickiej mysli filozoficznej // Oblicza wschodu w kulturze polskiej. – Poznan, 1999. – S. 234.
22. Ibid. – S. 244.
23. Lisak H. Obraz bolzsewika w oczach polakow w pierwzsych latach odradzajacej sie II Rzeczypospolitej (1918–1920) // Oblicza wschodu w kulturze polskiej. – Poznan, 1999. – S. 384.
24. Ibid. – S. 387.
25. Znaniecki F. Pisma filozoficzne. – W-wa, 1991. – T. 2. – S. 1081.
26. Bohun M. Op. cit. – S. 295.
27. Maternicki J. Nauczanie historii najnowszej // Wiadomosci hist. – W-wa, 1987. – N 1. – S. 16–18.
28. Marezs T. Rosjanin w polskich podrecznikach szkolnych do historji. – Lodz, 2006. – S. 188.
29. Habielski R.Zycie spoleczne i kulturalne emigracji. – W-wa, 1999. – S 244.
30. Tokarz T. Sowiety czyli Rosja.Teza kontynuacyjna w publictyce polskiego wychodzstwa // Przeglad humanistyczny. – W-wa, 2007. – R. LI, N 4. – S. 110.
31. Цит. по: Ibid. – S. 111
32. Валицкий А. Россия // Вопросы философии. – М., 1990. – № 12. – С. 84.
33. Цит. по: Валицкий А. Указ. соч. – С. 82.
34. Там же.

35. Zientara B. Dawna Rosja: Despotyzm i demokracja. – W-wa, 1995.
36. Kapuscinski R. Imperium. – W-wa, 2007 – S. 39, 43.
37. Ibid. – S. 91.
38. Ibid. – S. 151.
39. Ibid. – S. 189.
40. Milosz Cz. Rodzinna Europa // Duzsa polska i rosyjska: Antologia. – W-wa, 2002. – S. 392.
41. Анкета «Новой Польши» // Новая Польша – Варшава, 2003. – № 2. – С. 3–4.

Н.И. Бухарин

РОССИЙСКОЕ И ПОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ДРУГ О ДРУГЕ

Бухарин Николай Иванович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

В современном сознании поляков вследствие негативного исторического опыта Россия и русские по-прежнему занимают особое место. Польское общество и его элита очень чувствительны к тому, что происходит в современной Российской Федерации, к ее внешней политике. Стремление польского политического класса быть экспертом ЕС и НАТО по России также подогревает этот интерес.

В российском же обществе после начала перемен и ликвидации «социалистического содружества» отношение к Польше заметно изменилось. После того, как Россия открылась миру, Польша стала для нее одной из многих, обычной соседней страной. Вместе с тем до конца 1990-х годов в РФ сохранялся большой интерес к польскому опыту преобразований, особенно в экономической сфере. По словам С.Б. Станкевича, Польша для России была предметом для подражания, примером «настоящего реформаторства»[1]. Однако трудности в развитии польской экономики в 2000–2002 гг. ослабили этот интерес.

К тому же с развитием процесса перемен в самой России польский опыт терял свою значимость, и возобладало спокойное и даже безразличное отношение к Польше. В частности, русский писатель В. Ерофеев еще в 1995 г. писал, что беспокойство поляков по поводу сохранения политической самостоятельности Польши вызывает у русских ироническую гримасу: «Зачем вы нам нужны?»[2]. В. Ерофееву вторила главный редактор журнала «Октябрь»

1. Коммерсант-Власть. 1999, 30 ноября.

2. Ерофеев В. Будь я поляком // Русский курьер Варшавы. 2004, № 4.

И. Барметова, которая заявляла: «...В России действительно нет никакого отношения к Польше. Она нам спокойно безразлична»[3].

В этот период стойкий интерес к Польше проявляла часть интеллигенции в Москве и некоторых крупных городах. Важную роль в поддержании этого интереса играли Польский культурный центр в Москве (Instytut Polski w Moskwie) как структура Министерства культуры РП, а также некоторые западные фонды.

С начала нового века среди определенной части высшей бюрократии, политологов и журналистов проявилась тенденция усиления внимания к Польше. Интерес к ней возрос в 2002–2004 гг. в связи с благоприятным политическим климатом в российско-польских отношениях и в 2005–2006 гг., как ни парадоксально, в связи с охлаждением взаимных политических отношений.

На возрождающиеся, обновляющиеся и частично складывавшиеся заново межнациональные и межгосударственные отношения повлиял и развернувшийся в вихре глубинных перемен кризис общественного сознания в обеих странах.

С возрождением новой России в определенной степени возродилась и историческая память, восходящая к Российской империи. Для этой памяти, не прошедшей достаточно глубокого и основательного очищения в советский период[4], характерно во многом негативное отношение к Польше и полякам, к католичеству. Вырос интерес к периоду «русской смуты»» XVII в. Отчасти возвращается давняя негативная оценка польских национально-освободительных восстаний против царизма в 1794, 1830–1831, 1863–1864 гг. за их антироссийскую направленность. История российско-польских отношений вновь начинает восприниматься как соперничество между странами за влияние в Восточной Европе – в Украине, Белоруссии, Литве и Латвии.

С конца 2004 г. на дрожжах отрицательного восприятия частью российской элиты активной роли РП в президентских выборах в Украине частью российской элиты Польша стала трактоваться как региональный геополитический соперник России, возросло отторжение от нее.

Современное восприятие друг друга. Сохранение и изменение стереотипов

Польское общество в 90-е годы относилось к русским и России снисходительно, с налетом превосходства. В его представлении именно «Солидарность»

3. Научиться жить с предрассудками. Польско-русская дискуссия «Близкие – далекие» // Новая Польша. – 2004. – № 7–8. – С. 38.

4. См.: Jażborowska I. Rosyjska myśl polityczna o Polsce i Polakach // Dzieje Najnowsze. 1997. – N 1.

нанесла главный удар по тоталитарному режиму, а следовательно, по СССР, что привело к распаду последнего и в итоге, по мнению немалой части населения, к ослаблению многовекового врага Польши. Новая Россия воспринималось как слабое и раздираемое внутренними противоречиями государство, как источник нестабильности и хаоса. Вместе с тем основная часть польской элиты не испытывала иллюзий на счет того, что Россия станет демократическим государством, а польско-российские отношения сложатся в благоприятном для Польши ключе.

Польское общественное сознание, со своей стороны, апеллирует к национальной идее отстаивания свободы и суверенности страны. Польское общество, как правило, традиционно видит в России главную виновницу всех исторических несчастий Польши и наэлектризованно реагирует на российскую политику, с готовностью впитывая негативный образ России, создаваемый в польских СМИ. С начала 90-х годов Россия воспринимается в польском обществе, прежде всего в молодежной среде, через призму «советской оккупации» и навязывания советской модели развития, сталинских репрессий – Катыни, ГУЛАГа, тюрем и т.п.

Как пишет польский исследователь С. Белань, историческое восприятие поляками России носит характер деформированного веками восприятия. Представления о ней формировались на базе символическо-романтической культуры, важной для сохранения польской национальной идентичности в XIX–XX вв. При сохранении элементов такого подхода Россия воспринимается как источник зла[5]. Это имеет множество проявлений в повседневной жизни. Например, после распада СССР часть русских, проживающих в РП, боялись признаться в своей национальной принадлежности. Многие из них вспоминают, что поляки относились к ним с усиленным, как историческими обидами, так и успешными преобразованиями, чувством превосходства, унижали и оскорбляли. Такая ситуация сохранялась все 90-е годы, и лишь в начале нового века отношение к русским в Польше стало меняться.

Экономическая стагнация в 2000–2002 гг. в Польше и быстрый выход России из финансового кризиса ударили по самолюбию поляков и ослабили их чувство превосходства над русскими. После официального визита В.В. Путина в Польшу в январе 2002 г. отношение поляков к России стало меняться к лучшему.

Однако после вступления РП в Евросоюз и охлаждения политических отношений, содействия Польши в обеспечении победы В. Ющенко на президентских выборах в Украине отношение к официальной России в польском обществе снова резко ухудшилось. В адрес РФ посыпались новые претензии.

---

5. Bieleń S. Oczekiwania Polski wobec Rosji // Polska-Rosja czas przewartościowań. – Warszawa, 1995. – S. 32–33.

Недоверие к России достигло пика за всю новейшую историю польско-российских отношений. В сознании польской элиты, Москва, в отличие от Запада, неверно интерпретирует значение членства в НАТО и ЕС для Польши, недооценивает ее превращение в региональную державу и серьезные успехи в социально-экономическом развитии и развитии демократии, не признает Польшу равным себе партнером и не считается с ней. К тому же Кремль не проявляет ожидаемого понимания необходимости снять негативные исторические наслоения в двусторонних отношениях, сопротивляется удовлетворению ряда исторических претензий соседей, не демонстрируя должного такта. В нынешнем восприятии поляков Россия – это страна, которая не хочет до конца признать сталинские преступления против Польши, решительно и последовательно осудить их. Антироссийская компонента исторического сознания польского общества вновь усилилась, и эта ситуация создает определенные проблемы для России.

Однако одновременно в 2005–2006 гг. в польском обществе появилось и новое явление. Часть творческой интеллигенции и бизнес-элиты стала открыто выражать недовольство польскими политиками, разжигающими вражду с Россией, и выступать против деградации культурных и торговых связей с РФ в связи с охлаждением политических отношений. Что-то похожее стало проявляться и в России.

Как мы уже отмечали, в Польше на протяжении всего истекшего пятнадцатилетия сохранялся достаточно большой интерес к нашей стране. Среди польской элиты идет постоянный процесс осмысления, каким государством является современная Россия, каково ее будущее, какую роль она играет в Европе и мире, как формируется российская политика в отношении Польши, каково в этой связи состояние и перспективы польско-российских отношений. Связанные с Россией проблемы активно используются различными силами в политической борьбе. Особенно это проявилось в ходе парламентской и президентской избирательных кампаний в 2005 г.

Весьма интересно проследить работу польской общественной мысли в этом направлении. Большинство польской элиты считает, что Россия все еще не самоопределилась в отношении своего будущего и мировой роли. По мнению А. Квасьневского, существуют три варианта такого самоопределения: быть частью Европы, мостом между Европой и Азией или особым субъектом, полноправным участником группы G8[6]. По мнению А. Михника, внутренняя неопределенность российской политики (азиатский или европейский вектор, диктатура или демократия) обусловлена не раскодированной до конца собст-

6. Dwie kadencje i starczy // Rzeczpospolita. 22.12.2005.

венной историей, непониманием своей национальной идентичности. Вектор Россия – не европейский, но и не азиатский[7].

Польский журналист С. Поповский подчеркивает, что в результате расширения ЕС за счет стран бывшего советского блока произошло «фундаментальное изменение геополитического положения России. Впервые за несколько столетий у ее границ вырос мощный политический актор, который блокирует ее экспансию. Россия еще никогда не стояла перед лицом объединенной Европы»[8].

Польская элита хотела бы, чтобы новая Россия стала последовательно демократическим государством. Одновременно она понимает, что к настоящей демократии российское общество еще не готово, и обеспокоена усилением авторитарных тенденций в путинской России. «Я не боюсь России демократической, – говорит А. Михник. – Но Россия без демократии – это Советский Союз, только с другим названием. И если Россия действительно возвращается к этому, то это будет страшно и для всего мира, и для самой страны. Это не только мой страх, так думают, наверное, большинство поляков»[9].

Польское общество пугает новое возрождение России как империи. Оно хотело бы, чтобы РФ стала национальным государством. Польский россиевед В. Марчиняк считает, что в современном польском образе России преобладает страх перед возрождающейся империей, которая одновременно переживает цивилизационный кризис[10]. Этот страх выразился и в достаточно широком распространении нового стереотипа «неизменной России». Суть его в том, что любые попытки РФ ускорить процесс экономической интеграции на постсоветском пространстве сразу же вызывают в Польше подозрение в неоимперских устремлениях.

Директор Института россиеведения Ягеллонского университета Л. Суханек выступает категорически против такого подхода к новой России: «Нельзя на нынешнее российское государство – Российскую Федерацию накладывать клише, приложимые к царской России или Советскому Союзу, – пишет он. – Сегодняшняя Россия является другой, чем ее прежние ипостаси»[11].

---

7. Польша – Россия – Украина в «новой исторической политике» Адама Михника // Зеркало недели. 2006, 9 сентября.

8. Popowski S. Nie zamykać drzwi. Rzeczpospolita. 28.06.2005.

9. Адам Михник. Без демократии Россия – это Советский Союз // Новая газета. 2004, 5 апреля.

10. Marciniak W. Zrozumieć Rosję // III Rzeczpospolita w trzydziestu odsłonach. Nadzieje i rozczarowania po 1989 roku. – Warszawa, 2004. – S. 518.

11. Suchanek L. Rosja i Polska wiedza i emocje // Arcana. 2005. – N 64–65. – S. 101.

Вместе с тем польская элита не считает, что РФ пытается воссоздать государство как единую империю. Речь идет о восстановлении политического и экономического влияния в странах СНГ. Так, бывший руководитель польских спецслужб З. Сементковский заявляет, что целью России является не ограничение их суверенитета, включение этих государств в состав РФ, но влияние на политику этих государств. Сегодня политическая сила в значительной степени зависит от экономической силы. Россия имеет на руках большой козырь – газ и нефть[12].

Бывший министр иностранных дел РП А. Ротфельд полагает, что Россия не примирилась с потерей имперских позиций в отношении республик, входивших в состав Советского Союза. Однако она намерена восстанавливать свое господство на этой территории не военными, а экономическими и политическими средствами[13].

Бывший советник А. Квасьневского, ныне председатель Польско-российской торгово-промышленной палаты С. Чосек не верит в «азиатское направление будущего России»[14]. Вообще часть польской элиты не возражала бы, чтобы Россия стала какой-то составной частью Запада, – но не членом НАТО и ЕС.

Все больше представителей польской элиты осознают, что период смуты в России остался позади, что наша страна укрепляется и остается великой державой[15]. Рассуждая о будущем России, левый деятель М. Раковский считает, что путем модернизации государства и экономики она будет стремиться занять одно из первых мест среди ведущих государств мира[16]. В свою очередь, живущий в Париже польский философ К. Помян пишет: «Сегодняшняя Россия лишена какой-либо привлекательной силы, ничем не может импонировать и ничего не может предложить. Однако это состояние не будет длиться вечно. История России уже несколько раз показывала, что она в состоянии найти в себе силы коренным образом измениться и вновь превратиться в центр воздействия на страны, связанные с нею общей историей»[17].

По мнению польского политолога А. Подольского, взгляды польской элиты на Россию еще долго будут «взрывной мешаниной комплексов, страхов, превосходства и своеобразной исторической миссии»[18].

---

12. Rosyjska ofensywa – rozmowa ze Zbigniewem Siemiątkowskim // www.gazeta.pl (21.11.2004).

13. Papierowy niedwiedź? // Polityka. 2004. – N 51.

14. Gdy niedźwiedź klapie paszczę // Puls biznesu. 9.12. 2005.

15. Hall A. Polityka zagraniczna na cenzurowanym // Rzeczpospolita. 17.08.2006.

16. Rakowski M. Antyrosyjskie obsesje // Trybuna. 29.08.2005.

17. Pomian. Czy pasujemy do Europy // Polityka. 2000. – N 31.

18. Podolski A. Polityka wschodnia czy antyrosyjska? // www.gazeta.pl (29.11.2004).

В большей части российского общества Польша воспринимается как страна, близкая к России географически, связанная с нею историей и традициями. Часть российской интеллигенции традиционно не безразлична к Польше, симпатизирует ей, ищет сама и вместе с польскими коллегами общий язык между россиянами и поляками, нащупывает пути нового сближения России и Польши. Российский полонист А.В. Липатов пишет, что нынешние русские и поляки должны преодолеть разделяющую их духовно и интеллектуально полосу отчуждения, понять друг друга. Понять – значит не только простить, но также и уважать, ценить, сочувствовать. А это уже порождает взаимность. Без нее нет межнационального сотрудничества[19]. Другой известный полонист В.А. Хорев подчеркивает, что восприятие Польши в России вовсе не детерминировано раз и навсегда прошлым, что надо «решительно противодействовать попыткам вновь навязать России образ Польши-врага, образ поляка – носителя смуты»[20].

В самое последнее время в России также начался процесс осмысления роли и места Польши в Европе. Такими центрами осмысления стали российский еженедельник «Эксперт» и сайт «kreml.org» в Интернете. Российскими журналистами Польша воспринимается, с одной стороны, как член Евросоюза, находящийся в германской зоне экономического доминирования и ближайший союзник США в континентальной Европе, а с другой – как периферийная по отношению к Западной Европе страна, которая стремится сдвинуться в центр Европы, навязав восточным соседям роль регионального лидера. На практике Польша все еще обречена на зависимость от политики ведущих держав Европы и США, она остается заложником большой игры западных стран и России. И еще не до конца ясно, какое место Польша займет и какую роль будет играть в Европе в будущем[21].

Политолог Ф. Лукьянов справедливо считает, что Польша – «это крупное и амбициозное государство», которое претендует на «значимую роль» в Европе[22]. Журналист М. Леонтьев подчеркивает, что Польша всегда была субъектом истории и как большая страна в состоянии проводить свою собственную политику[23]. Геополитик А.Г. Дугин рассматривает Польшу как «территорию соперничества континентальных и атлантических сил». По его мнению, про-

---

19. Липатов А.В. Россия и Польша: «Домашний спор» славян или противостояние менталитетов // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. – С. 17–18.

20. Хорев В.А. О живучести стереотипов – Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. – С. 26.

21. Политика без красных // Эксперт. 2005, 31 октября; Зачем нужна Украина // Там же. – 2004, 6 декабря.

22. Лукьянов Ф. С опорой на обиды // www.gazeta.ru (2005, 12 мая).

23. Zderzenie kompleksyw // Newsweek Polska. – 2005. – N 32.

американская ориентация делает Польшу русофобской страной[24]. Это явно упрощенный подход, не учитывающий исторических реалий.

Полонофобы пугают российское общество восстановлением Первой Речи Посполитой, что, прямо скажем, невероятно и попахивает заведомым и злонамеренным анахронизмом. «Помесь Польши и Литвы с добавкой Украины дает Речь Посполитую, – пишет газета "Дуэль". – Причем для воскрешения этого образования "из тьмы веков" у Запада есть веские основания... Новая Речь Посполитая будет... генетически враждебна России»[25].

Тем временем среди элит обеих стран идет не лишенный противоречий, но в целом конструктивный процесс переосмысления заново сходств и различий между русскими и поляками, места Польши в российском сознании и места России в польском сознании. В связи с этим представители польской и российской интеллигенции указывают на важность поиска взаимопонимания между поляками и русскими, Польшей и Россией.

Представители польской элиты теперь более склонны анализировать и подчеркивать различия, чем сходства между поляками и русскими. Польский кинорежиссер К. Занусси отмечает: «Мы не понимаем друг друга, а, следовательно, боимся. Мы должны осознать, что Польша и Россия не так уж похожи, как нам всегда внушали. Поняв, в чем наши различия, мы сможем найти точки соприкосновения»[26]. В другом интервью он дальше развивает свою мысль так: «Мы слишком сильно отличаемся друг от друга. Но общие этнические связи, схожесть языков – все это сбивает нас, заставляет думать, что мы одинаковые. У русских и поляков разные основы мышления. Поляки более рациональны, чем русские. Россия слишком нерациональна»[27].

Одновременно политики в последнее время поднимают опять, на новом витке развития отношений, вопрос об этническом, культурном и историческом сходстве россиян и поляков. Об этом, в частности, говорили в январе-феврале 2006 г. президент РФ В.В. Путин и бывший министр иностранных дел РП С. Меллер.

Однако большинство поляков не любят, когда русские пытаются чрезмерно подчеркивать общие славянские корни двух народов. Поляки видят в этом утрированную традицию панславизма, его модернизацию. Как отмечает К. Занусси, «"славянин" по-польски – ругательное слово... Не любим мы этого слова. Знаете, когда нам говорят "славянин", то за этим слышится: наша сто-

24. Czy Ameryka jest prawdziwym sojusznikiem Polski? // Dziennik. Europa. – 2006. – N 37. – S. 8.

25. Смирнов В.М. Украину кладут под Польшу // Дуэль. 2004, 14 декабря.

26. Режиссер Кшиштоф Занусси: «Россия и Польша не так похожи, как нам внушили» // Известия. 2005, 5 марта.

27. Режиссер Кшиштоф Занусси: «Я обожаю Михалкова. Но его сила меня пугает» // Известия. 2005, 7 сентября.

лица уж не то что не в Варшаве, но даже и не в Петербурге, а в Москве. А это нам не нравится»[28].

В Польше чаще подчеркивались и подчеркиваются, прежде всего цивилизационные различия между двумя народами и странами, разные традиции. Для большинства польской элиты Россия воплощает прежде всего византийскую, а Польша – латинскую традиции; Россия – это Азия, в лучшем случае – Евразия, Польша же – Европа. Польский ученый М. Доброчиньский отмечает исключительность России, ее интегрированную евроазиатскую сущность[29]. Встречаются и такие польские авторы, которые считают, что россиян и поляков объединяет принадлежность к единой европейской цивилизации, основанной на универсальных ценностях христианства.

Российский исследователь А. Сергеева объясняет историческое противостояние русских и поляков, их взаимное недопонимание разницей в менталитете. Менталитет поляков – западный[30]. В свою очередь, А. Липатов подчеркивает, что разность менталитетов обусловлена принадлежностью к разным кругам культуры, разным типам конфессий и разным системам государственного устройства[31].

Противостояние русских и поляков всегда строилось и в значительной степени продолжает строиться на противостоянии религий – православия и католицизма. Кинорежиссер А. Кончаловский отмечает: «...Между поляками и русскими значительно больше различий, чем сходств. Когда-то говорилось о железном занавесе, отделявшем социалистические страны от остальной части Европы. Но такой же занавес всегда существовал между Польшей и Россией, и он останется. Это вопрос культуры и религии. Религия делает поляков людьми Запада, религия русских объединяет их с Востоком[32].

В России некоторые продолжают воспринимать Польшу как источник проблем для собственного внутреннего развития. В частности, А.В. Митрофанов, один из лидеров ЛДПР, утверждает: «Для России всегда из Польши шли проблемы... Польша всегда была и всегда останется источником противоречий в России»[33]. Специфический характер современных российско-польских отношений кинорежиссер Н. Михалков определяет так: «Польша для

---

28. Кшиштоф Занусси: «В XXI веке Россия выразит себя лучше» // Политический журнал. 2004. – № 45.

29. Skomplikowane stosunki Polakуw i Rosjan. – Toruń, 2005. – S. 9–10.

30. Сергеева А. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М., 2004.

31. Липатов А.В. Россия и Польша... – С. 26.

32. Bez strachu nie ma moralności // Rzeczpospolita. 10.01.2006.

33. Отказ Путина от поездки в Варшаву на саммит Совета Европы на фоне осложнившихся российско-польских отношений // www.svoboda.org (2005, 12 мая).

России, как и Россия для Польши, – это тот чемодан без ручки, который и нести тяжело, и выбросить жалко»[34].

Недостаточное знание друг о друге порождает новые мифы о России и Польше – например, о «бандитском» характере российского капитала, о поляках как самых ненадежных партнерах в Европе и т.п.[35]. Польский предприниматель, владелец компании «Бартимпекс» А. Гудзоватый рассуждает о польско-российских отношениях куда компетентнее и более зрело, чем польские политики и эксперты: «Нас и Россию должно обязывать равновесие отношений и забота о взаимных интересах, а это означает конструктивное партнерство. Сотрудничество – это компромисс и взаимное уважение... Россия всегда была и останется для Польши рынком больших возможностей»[36].

А. Михник утверждает, что польско-российские отношения на 80% зависят от России, которая «прекрасно без нас справится, а Польша без России – вряд ли»[37].

Российские демократы всегда выступали за хорошие отношения с Польшей и остаются их сторонниками. А.Н. Яковлев в специально написанной статье, опубликованной уже после его смерти в польской газете «Факт», искренне, хотя и не без иллюзий, написал, что отношения между Польшей и Россией должны строиться «на основе дружбы и взаимопонимания», что страны должны «сотрудничать и взаимно поддерживать друг друга». Что касается тяжелого исторического наследия, обременяющего взаимные отношения, то А.Н. Яковлев считал, что россияне и поляки «должны смириться с тем, что было» и оставить вопросы прошлого историкам[38].

Российские демократы, как правило, видят в Польше союзника демократической России. Б.Е. Немцов в интервью польской газете «Жечпосполита» признал: «Польша как демократическая страна никогда не одобрит авторитарной России. И Польша должна говорить громко, что авторитарная Россия является проблемой для всей Европы»[39].

«Яблоко» – единственная политическая партия в России, которая в августе 2005 г. официально осудила нападения на польских дипломатов в Москве. 26 августа 2005 г. в Санкт-Петербурге у здания Генконсульства прошел митинг в поддержку дружеских отношений между РФ и РП. 15 представителей демократического движения «Оборона» собрались, чтобы сказать «нет» нагне-

---

34. Режиссер Кшиштоф Занусси: «Россия и Польша не так похожи, как нам внушили».

35. Иванов В. Пароль – «Доверие» // Финансовый контроль. 2003, № 9. – С. 90.

36. Biznes to sprawa firm? A nie rządyw // Puls Biznesu. – 29.11.2005.

37. Пепел и алмаз // Российская газета. – 2003, 12 ноября.

38. Jakowlew A. Do przyyaciył Polakow // Europa. 9.11.2005.

39. Putin raczej do was nie przyjedzie // Rzeczpospolita. 3.11.2005.

танию напряженности между русскими и поляками. Митингующие вручили и.о. генерального консула Польши Э. Дженаровской-Грончевской большую стилизованную открытку с декларацией о российско-польской дружбе и осуждением нападений как на детей российских дипломатов в Варшаве, так и на сотрудников посольства Польши в Москве.

Между представителями российской и польской интеллигенции существует много профессиональных, творческих и дружеских контактов. Например, широко известна дружба между Н. Михалковым и Д. Ольбрыхским. Польский актер считает, что творческую интеллигенцию двух стран объединяет «общая восприимчивость. А она выше историко-политических разделительных линий»[40]. Однако понятно, что ситуация отнюдь не однозначна, не лишена противоречий. Российский кинорежиссер А. Сокуров в интервью польской газете «Жечпосполита» обмолвился: «Я как художник встретился в Польше с очень хорошим приемом, но когда я выхожу на улицу, вижу, как агрессивно люди реагируют на русскую речь»[41].

Среди польской элиты и общества в целом преобладает мнение, что в ближайшей перспективе Россия не может угрожать независимости и интегральной целостности Польши. Наряду с членством в НАТО и ЕС в число факторов национальной безопасности своей страны поляки включают существование независимых Украины, Белоруссии и Литвы. В Польше осознают, что в ближайшие десятилетия Польша и Россия будут продолжать стремиться к реализации близких (хотя и не идентичных) цивилизационных целей.

Корни и возрождение взаимных фобий

В 1990-е годы в Польше и в России появились силы, которые стремятся к возрождению противостояния двух стран и народов в новых условиях. В РП это русофобы, а в РФ – полонофобы. Корни этих двух явлений кроются в истории. Что касается русофобии, то, они прежде всего – в политике Российской империи и Советского Союза в отношении Польши. Это реакция на прошлое, на зависимость поляков от России в XIX–XX вв., на их унижение и угнетение, на преступления, совершенные И. Сталиным и его режимом против польского народа накануне и в годы Второй мировой войны, на жесткое навязывание Польше советского строя после войны.

Польский исследователь Я. Боркович пишет, что сила напластованных поколениями предубеждений очень велика. Их источником является комплекс превосходства, соединенный с комплексом реванша. Предубеждениям поддаются политики, телевидение, радио и пресса. В нынешней ситуации, когда уже

40. Putin zna historię wybiórczo, albo wcale // Życie Warszawy.4.11.2005.
41. Kamera nie dla wszystkich // Rzeczpospolita. 14.01.2006.

не существует российского господства, это – сублимированный страх[42]. Поляки – гордый и свободолюбивый народ, который хотел бы сам определять свою судьбу, жить так, как он сам хочет, ни от кого не зависеть.

Носителями русофобии является часть польских политиков, экспертов, историков и журналистов. Ее эпицентры – некоторые ведущие периодические издания с большими тиражами, ряд радиостанций и сайтов в Интернете.

В 90-е годы, особенно в первые годы после ликвидации социалистического блока и обретения суверенитета, русофобия в Польше была эмоциональной реакцией на обнародование замалчиваемых в ПНР и СССР исторических фактов. Тогда она была понятна и обоснованна. Так как в ПНР история фальсифицировалась, всем известные негативные явления прошлого замалчивались, а антироссийские чувства и настроения долгое время «загонялись вглубь», то в условиях свободы слова они выплеснулись наружу. Людям необходимо было выговориться, рассказать и услышать всю правду о прошлом, поделиться своей обидой и ненавистью, указать пальцем на государство, причинившее полякам столько горестей и бед, получить от него морально-политическую сатисфакцию. Польша стремилась освободиться от комплекса жертвы в отношениях с Россией.

В середине 90-х годов казалось, что русофобия – явление временное и по мере снятия исторических наслоений в польско-российских отношениях она исчезнет. Однако русофобия постепенно стала превращаться в устойчивое отношение к современной России. Она приобрела ярко выраженную форму отчуждения, дистанцирования от нашей страны. Русофобия преследует цель усилить процесс самоутверждения поляков в новых условиях.

Польские русофобы стали представлять нашу страну в СМИ как угрозу Польше, как ее исконного, вечного врага, считая, что в политике новой России в отношении Польши ничто не изменилось. Современная Россия рассматривается ими как «царско-советский гибрид». Профессор Варшавского университета П. Вечоркевич утверждает, что «российская политика от Ленина до Путина в своей основе остается неизменной»: она всегда преследует одну цель – экспансию на Запад[43]. Еженедельник «Впрост» написал просто чушь: «Нынешняя Россия – это ученики Молотова»[44]. Один из польских журналистов сделал следующий вывод из исторического опыта поляков: никогда вместе с Россией, как можно дальше от нее, а если по-другому нельзя, то против нее[45].

---

42. Borkowicz J. Ambiwalencja sąsiedztwa. Rosjanie w polskich oczach – perspektywa historyczna // Polacy i Rosjanie. 100 kluczowych pojęć. – Warszawa, 2002. – S. 74, 75.

43. W rocznicę cudu // Gazeta Olsztyńska. 12.08.2005.

44. Moskiewskie biesy // Wprost. – 12.08 2005.

45. Czabański K. Polski imperatyw: jak najdalej od Rosji // III Rzeczpospolita w trzydziestu odsłonach. S. 500.

Демонизация современной России – это любимый прием польских русофобов. Для них Россия – это варварская, азиатская страна, чужая, и в цивилизационном отношении неполноценная. Их подход однозначен: чем Россия слабее, тем лучше для Польши. Для них главное в польской восточной политике – не конструктивное содержание, а стремление поквитаться с Россией, отплатить за прошлое, насолить, создать проблемы для России, унизить ее. Русофобы изображают Польшу болевой точкой России в Европе, само наличие которой наносило и может в будущем наносить нашей стране значительный ущерб[46]. Современные русофобы рассматривают Россию как потенциального врага. Они хотели бы превратить Польшу в страну, нагнетающую противоборство между Западом и Россией.

Ощутимые волны русофобии прокатились в связи с событиями в Беслане, с работой специальной комиссии сейма по расследованию дела польской нефтяной кампании «Орлен» (PKN Orlen), которое целенаправленно было превращено в антироссийское шоу, с упомянутыми выше президентскими выборами в Украине, с празднованием 60-й годовщины победы над фашистской Германией, инцидентами в Варшаве и Москве в 2005 г. Ряд политиков и журналистов стали обвинять «путинскую Россию» в неоимперских устремлениях и отходе от демократии. Они вошли в роль щита Запада, защитников демократии и свободы на постсоветском европейском пространстве от авторитарных поползновений России.

Проявления русофобии из риторики, медийного факта стали эволюционировать в реальную политику, все больше становиться идеологией польской восточной политики. Все чаще российские предприниматели и ученые, участвующие в двусторонних и международных конференциях в Польше, сталкиваются с открытым проявлением польской русофобии, оценивая ее как примитивную и основанную на невежестве[47]. Существующий в России потенциал симпатий к Польше явственно уменьшается[48]. Часть российских экспертов и публицистов начинают трактовать Польшу как типично недружественную страну.

Россиянам самое время понять, что не следует излишне эмоционально реагировать на проявления польской русофобии, им необходимо понять ее причины и подходить к ней достаточно спокойно как к неизбежному явлению, преодоление которого требует такта и времени. Ведь среди польской элиты и

---

46. Od imperium do imperium // Gazeta Polska. 2.1.2004.

47. Радиоинтервью заместителя председателя Комитета ученых за глобальную безопасность Александра Пикаева об отношениях России и Запада // site.securities.com (2004.14.12).

48. Między Niemcami a Rosją. Strategiczne cele Polski // www.com.pl (2004.31.08).

общества в целом есть много ценителей русской культуры и науки, сторонников хороших отношений с Россией, прилагающих усилия к их нормализации.

Корни полонофобии связаны с историческим соперничеством двух стран, они обусловлены противостоянием православия и католичества, уходят во времена «русской смуты» XVII в.

В отличие от польской русофобии, которая носит массовый характер, носителями российской полонофобии являются несколько десятков или сотен человек – ряд журналистов, писателей, в меньшей степени научных работников. Они сосредоточены вокруг нескольких второстепенных периодических изданий с низкими тиражами, крайне правых, националистических и маргинальных православных сайтов в Интернете. В современном российском обществе, где все еще сохраняются симптомы кризиса общественного сознания, полонофобия далеко отстает от кавказофобии, американофобии и антисемитизма. По сути, это маргинальное явление, не имеющее существенного влияния на массовое сознание.

На рубеже двух веков в России были лишь два заметных факта проявления российской полонофобии. Это – книги Ю. Мухина «Катынский детектив» (М., 1995) и С. Куняева «Шляхта и мы» (М., 2005, издание третье), которые вышли несколькими изданиями и относительно большими тиражами. Они, особенно первая, пронизаны злобным презрением к Польше и ее истории.

Российские полонофобы полагают, что путем мифотворчества они защищают Россию от враждебного ей Запада. Они изображают историю как тысячелетнюю войну на границе между Западом и Востоком, непрерывный натиск «католическо-протестанского Запада и его авангарда – Польши – на Восток». Этот натиск осуществлялся для наживы и был направлен на порабощение «иноверцев-схизматиков».[49]. Анализ подобных публикаций показывает, что русофобы и полонофобы – близнецы-братья. История нужна им не для урегулирования отношений и достижения взаимопонимания, а для обоснования тезиса о многовековой вражде россиян и поляков.

Полонофобы стараются убедить читателей, что после краха СССР и ПНР Россия и Польша вернулись к той традиционной политике, которую они проводили на протяжении почти всей своей истории. «По мере того, как будет усиливаться натовская Польша и по мере того, как будет восстанавливаться Россия, старый спор и старая ненависть, которые, как иногда кажется, и делают поляков поляками, будет возвращаться вновь, – можно прочитать на российском православно-аналитическом сайте “правая. Ру”. – И будет развиваться русский ответ, который делает русских более жесткими и непримиримы-

49. Польша (к 60-летию со дня возвращения западных земель в состав Белоруссии) // Дуэль. 1999, 12 октября.

ми»[50]. Те же нотки звучат и в интернет-журнале «Новая политика»: «Чтобы наш “бронхит”, на который нам любезно указывает варшавский термометр, не перешел в “воспаление легких”, ноги надо держать в тепле, голову – в холоде, а Польшу – за дверью. Я не говорю, что нам нужно стремиться к тому, чтобы опять поделить Польшу с кем-то из европейских грандов. Это, как показывает история, ничего кроме неприятностей России не приносит. Но вполне можно редуцировать роль Польши в Европе до ее естественных масштабов. Масштабов этнографической провинции Европейского союза»[51].

Не приходится сомневаться, что распространению полонофобских идей в России, а русофобских – в Польше способствует унаследованный от предшествующих десятилетий низкий, поверхностный уровень знаний о Польше в России и о России в Польше. Эту лакуну еще не скоро удастся заполнить достаточно основательно. Но основания для оптимизма есть.

Результаты социологических опросов

Теперь остановимся на результатах социологических опросов, которые позволяют представить более массовые представления поляков и россиян друг о друге, о состоянии взаимных отношений. Как вытекает из этих опросов, в 90-е годы и в начале XXI в. отношение простых поляков к россиянам существенно не изменилось, хотя периодически, с колебаниями межгосударственных отношений, менялись и настроения в обществе. В 1993–2004 гг., как следует из опросов правительственного Центра исследования общественного мнения, процент респондентов, декларирующих свои симпатии к россиянам, колебался в границах 16–21%, неприязнь – 53–59%, безразличие выражали от 1/5 до ¼ опрошенных. Меньше всего симпатии к нам поляки испытывали в 1994 г. – 16%, больше всего в 2001–2002 гг. – 23 и 24%. Затем симпатия к россиянам стала вновь уменьшаться: в 2003 г. она составила 22%, в 2004 г. – 18%[52].

Как вытекает из социологических опросов Фонда общественного мнения (ФОМ) в 2001 г. и в августе 2005 г., хотя число россиян, симпатизирующих полякам, за эти годы уменьшилось, в 2,8 раза больше россиян испытывают симпатию к полякам, чем поляков к русским. Антипатия к полякам осталась

50. Ежегодный политобзор Егора Холмогорова // www.pravaya.ru (2004. 4 августа).

51. Ефстафьев Д. Полонез Квасьневского // www. novpol (2005, 14 апреля).

52. Strzeszewski M. Stosunek do innych narodów //Centrum Badania Opinii Społecznej. Serwis Informacyjny. Styczeń 2005. – S 57; Dzwończyk J., Jakimowicz R. Stereotypy w stosunkach polsko-rosyjskich // Zeszyty naukowe Akademii Ekonomicznej w Krakowie. 2002. – N 61. – S. 111.

практически неизменной (в 2005 г. она составляла 14%), но доля испытывавших к ним симпатию россиян сократилась с 64 до 51%[53].

Массовые представления поляков о России и россиян о Польше в основном унаследованы от социалистических времен. Россия ассоциируется у поляков в первую очередь с простыми символами – матрешкой, водкой, классическим балетом, варшавским дворцом культуры и науки, икрой, советскими мультфильмами, собакой Лайкой. У россиян преобладают ассоциации с телесериалом «Четыре танкиста и собака», с краковской колбасой и магазинами фирмы «Польская мода». Только 4% граждан России ассоциируют Польшу с «Солидарностью».

Впечатления россиян от Польши носят преимущественно положительный характер. У поляков же Россия ассоциируется с Катынью, пактом Риббентропа-Молотова, польско-советской войной 1919–1920 гг. Для поляков 1989 год был, прежде всего, годом освобождения от советского доминирования.

Что касается исторических лиц, с которыми у поляков ассоциируется Россия, то это В. Путин (67,9%), И. Сталин (44%), В. Ленин (32%). Только 4,7% назвали Л. Толстого, 3,6 – Ф. Достоевского, 2,1 вспомнили В. Высоцкого, 1% – Б. Окуджаву, 0,9 – А. Чехова, 0,5% – М. Булгакова. «Газета Выборча» оценила эти цифры как проявление глубокого регресса во взаимных культурных отношениях[54].

В ряду имен, которые олицетворяют Польшу в России, первые две позиции с большим отрывом от остальных заняли весьма популярные в российском обществе певицы Анна Герман и Эдита Пьеха (47 и 45% опрошенных). Дальше следуют имеющие непосредственное отношение к культуре и науке – Барбара Брыльска, Фредерик Шопен и Николай Коперник (их назвали 19–22% респондентов). Еще 16% ответили, что Польша ассоциируется у них с фигурой папы римского Иоанна Павла II. Современные политические лидеры, такие как Л. Валенса, В. Ярузельский и А. Квасьневский, упоминаются россиянами реже (8–14%)[55].

Из социологического опроса августа 2005 г. вытекает, что в массе своей россияне больше любят поляков, чем поляки россиян. 49% россиян заявили, что россиян и поляков большее объединяет, чем разделяет. Подавляющее же большинство поляков (52,4% и 67,1%) считают, что поляков и россиян, Польшу и Россию большее разделяет, чем объединяет[56].

---

53. Россия и Польша: Тенденции и инциденты // www.fom.ru (2005, 25 августа).

54. Rosjanie lubią nas bardziej niż my ich // Gazeta Wyborcza. 29.08.2005.

55. ВЦИОМ: Мнения россиян о Польше разделились почти поровну // www.rosbalt.ru (2005, 23 августа).

56. Ibid.

Согласно социологическим опросам конца 2001 г., русским в поляках не нравятся высокомерие – 23%, ненадежность в партнерстве – 16, капризность – 10%, зато нравятся следующие черты: энергичность и деловитость – 18%, чувство собственного достоинства – 13, патриотизм – 10, уважение к женщине – 31%.

Российский актер А. Домогаров, который несколько лет играл в «Старом театре» в Кракове, отмечает, что ему «близко и очень симпатично у поляков их национальное чувство собственного достоинства. Ненависть ко всякой официальщине, казенщине, военной силе у этого народа, что называется, в крови»[57].

В свою очередь, полякам в русских не нравятся: склонность к алкоголю – 29,9%, отсутствие личной культуры, невоспитанность – 11,9, экспансионизм, великодержавные настроения – 9,9, слабохарактерность (леность, неряшливость, враждебность) – 30,9%. Нравятся же полякам в русских доброжелательное отношение к людям (гостеприимство, радушие) – 56,9%, сильный характер (стойкость, упорство, решительность) – 24,1, достижения национальной культуры, исторические памятники, искусство – 19,9%[58].

Польские центры опросов общественного мнения очень внимательно следят за оценками в польском обществе состояния польско-российских отношений. Вот результаты их исследований.

В 2000 г. на вопрос, возможны ли между Польшей и Россией дружественные и партнерские отношения, 9% опрошенных ответили «конечно, да» и около 60% – «скорее да», т.е. почти 70% были «за» такие отношения. В 2002 г. общая сумма этих ответов составила уже 81%, причем 15% были полностью убеждены в этом[59]. В 2002–2003 гг., после визита В. Путина, надежды поляков на улучшение взаимных отношений выросли. В 2003–2006 гг. процент опрошенных, которые отметили на возможность дружественных и партнерских отношений между Польшей и Россией, уменьшился с 77 до 69%[60].

По другим данным, в апреле 2000 г. польско-российские отношения как хорошие оценивали 2% опрошенных, в феврале 2002 г. – 19, в апреле 2005 г. – 6%, как плохие – соответственно 40%, 9 и 31%; как ни хорошие, ни плохие – 47%, 66 и 55%[61]. Восприятие взаимных отношений существенно ухудшилось в мае-июне 2005 г. в связи с празднованием 60-й годовщины победы над фашистской Германией. Впервые, когда начались опросы на эту тему, 57% рес-

57. Любовь – это моя частная собственность // Трибуна. 2005, 29 января.

58. Россия – Польша: Ваше мнение? Январь 2002 // www.ewm1.pl.

59. www.rosbalt.ru (2003, 18.02).

60. Opinie o stosunkach z Rosją, Niemcami i Ukrainą. Na kim Polacy mogą polegać, a kogo obawiać. – Warszawa, czerwiec 2006 // www.cbos.pl

61. Opinie o udziale Prezydenta RP w uroczystościach 9 maja w Moskwie i stosunkach polsko-rosyjskich. Komunikat z badań (kwiecień 2005) // www.cbos. pl

пондентов оценивали их как плохие, 3% – как хорошие и 33% – как ни хорошие, ни плохие[62]. Данные опроса за декабрь 2005 г. мало отличались от данных июня. Отношения плохими считали 51% опрошенных, хорошими – 3%, ни плохими, ни хорошими – 41%. В 2006 г. настроения пессимизма в отношении перспектив польско-российских отношений усилились: в июне 35% опрошенных считали, что при братьях Качиньских плохие отношения не изменятся к лучшему, а 25% пришли к выводу, что они могут ухудшиться[63].

Вместе с тем, несмотря на охлаждение российско-польских политических отношений, поляки теперь при контактах не демонстрируют враждебности к россиянам. Более того, они, как правило, уверяют, что политика определяется «где-то наверху», а простые люди не имеют к ней отношения.

Что касается России, если в самом начале XXI в. россияне в отношении поляков не испытывали особых предубеждений и антипатий, то опросы 2004–2005 гг. показали, что отношение россиян к полякам и Польше ухудшается. Как показал проведенный в августе 2005 г. социологический опрос ВЦИОМ, из 30% опрошенных, чье мнение о Польше поменялось, 25% заявили, что оно ухудшилось, 25% опрошенных считают Польшу стратегическим и экономическим партнером России и столько же видят в ней экономического и политического соперника.

Дружественным и союзническим государством Польшу в 2005 г. считали 18% респондентов (в 2001 г. – 57%), враждебным – 13% (соответственно 25%). Это означает, что все больше россиян уже не считают Польшу дружественным государством, но еще не относят к числу враждебных. Наибольшая доля негативных оценок отмечается среди высоко обеспеченных граждан и тех, кто проживает в Москве и Санкт-Петербурге[64]. Согласно опросам Аналитического центра Ю. Левады, если в 2005 г. только 4% россиян считали Польшу недружественным государством (врагом), в 2006 г. – уже 7%. Польша занимает 10-е место в их перечне врагов России[65].

Поляки, как правило, подтверждают, что в России они никогда не сталкивались с неприязнью со стороны русских. «Я являюсь живым примером того, что россияне любят поляков. По крайней мере, известных», – говорит Д. Ольбрыхский. То же самое заявляет и профессор Варшавского университе-

---

62. Opinie polakyw o stosunkach z sąsiednimi krajami. Komunikat z badań. – Warszawa, czerwiec 2005 // www.cbos.pl

63. Oczekiwania wobec koalicji PiS – Samooborona – LPR. Warszawa, czerwiec 2006 // www.cbos.pl

64. ВЦИОМ: Мнения россиян о Польше разделились почти поровну; Россияне о Польше и ее политике: Итоги опроса// www. regions.ru (2005, 23 августа).

65. Россияне назвали своих врагов и друзей // Комсомольская правда. 2006, 7 июня.

та Я. Малицкий: «Я сам никогда не встречался с неприязнью русских. А ведь я неоднократно бывал в Москве»[66].

Несмотря на то, что в 90-х годах контакты между россиянами и поляками перестали быть массовыми, интерес друг к другу сохраняется. Среди элиты двух обществ, особенно интеллигенции, идет поиск путей преодоления взаимонепонимания и новой платформы согласия. В целом с 90-х годов межчеловеческие отношения граждан двух стран складываются значительно лучше, чем отношения между официальной Россией и официальной Польшей. Это означает, что у российско-польских отношений есть потенциал улучшения в будущем.

66. *Rosjanie nas lubią // Życie Warszawy. 12.08.2005.*

РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА. POST FESTUM

И.И. Глебова

РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ОТРИЦАНИЕ ПРОШЛОГО И РАЗРЫВ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук, доцент, руководитель Центра россиеведческих исследований ИНИОН РАН.

Один из хрестоматийных вопросов, которые ставила в связи с 1917 г. «старая» (советская и «соцлагеревская») школа: каковы причины и последствия Великой Октябрьской социалистической революции? Я тоже попытаюсь ответить на этот вопрос, сосредоточившись на ментальных, социопсихологических и социокультурных аспектах революции. Взяв в фокус эту проблематику, мы выйдем на единую логическую цепочку: Февраль – Октябрь 1917 г. – Гражданская война – «социалистические преобразования» 20-х и 30-х годов. Главная тема, формирующая это единство, – отношение к традициям, памяти, культуре прошлого.

Мой основной тезис таков: в ходе революций 1917 г. произошли тотальное уничтожение прошлого (прежде всего на символическом уровне), масштабный сброс исторической памяти. Разрыв с прошлым, аннигиляция всех преемственных связей послужили радикализации социальной ситуации, «революционизации» масс и, в конечном счете, сделали возможным рождение в России принципиально новой (по отношению к той, что складывалась с начала 1860-х до конца 1910-х годов) социальности.

Необходимо подчеркнуть: речь в русских революциях шла о полной и окончательной победе нового строя за счет безжалостного, тотального уничтожения «старого мира» (это очевидно в отношении Октября, но и Февраль, сметя царизм, инициировал системный сброс памяти). Такого разрыва преемственности не было ни в одной из прежних европейских революций, поэтому сравнивать с ними нашу Смуту начала XX в. бессмысленно. Аналоги бескомпромиссной войны с прошлым – во имя построения светлого будущего – можно найти, скорее, в национальной истории. Это, конечно, эксперименты

любимого императора всех русских реформаторов Петра I, которого М. Волошин не случайно назвал «первым большевиком». Они отозвались и «восстали» в социальном катаклизме начала прошлого века.

Та катастрофа, пожалуй, впервые с такой очевидностью продемонстрировала: алгоритм нашего социального развития предполагает утверждение в революционные, «перестроечные» эпохи чего-то принципиально нового, не имеющего традиции, не вырастающего из русской почвы. В России, в отличии от запада, не удается апелляцией к прошлому уравновесить бурное вторжение современности в реальную жизнь. В каком-то смысле русское развитие ни в чем не имеет корней, ничего не наследует, не продолжает. Здесь главная причина «исторической амнезии» русского политического мировоззрения, о которой много пишут западные исследователи. В моменты преобразований у нас всегда готов запуститься механизм тотального уничтожения – всего, что есть, что составляет в настоящий момент русскую жизнь, ее символически поддерживает и обеспечивает.

Этот алгоритм – поступательное движение без преемственности, – видимо, в крови русских. Наследие (культура, историческая память) мешает развитию, так как предполагает накопление сложностей, с которыми русская система не в состоянии справиться. Как только объем сложностей (памяти, культурного богатства, социальных проблем и конфликтов) превышает критический уровень, происходит сбой. И сложности сбрасываются; проблемы не перерабатываются и изживаются, уходя в прошлое, а «забываются» – в том числе путем перевода в небытие целых социальных слоев, с которыми они связаны. В результате страдает память социальной системы, снижаются ее креативные возможности; кроме того, обнажается ядро системы, ее традиционные структуры. Наступает эпоха культурного «отката»; движение во времени приобретает возвратно-поступательный характер.

Русские революции – это особый тип «миропреобразования»: попытка изменить всё разом, совершить внешний разрыв с пагубным прошлым оборачивается освобождением от «пут» цивилизованности и культуры. По существу это отказ от «улучшения», проявление неспособности к сложной внутренней эволюции. Склонность к разрывам, отрицанию прошлого, стремительным рывкам в новое (а затем столь же стремительным «откатам», связанным с нагнетанием «нужных» образов прошлого) свидетельствует «об определенной, многократно опробованной культурой защитной реакции против усложнения социума» (В.К. Кантор). А значит, и о примитивности, низком цивилизационном потенциале нашего социального организма.

Вот в этом смысле в русском историческом процессе есть преемственность. Она проявляется в отказе от сознательного критического наследования, накопления и преумножения наследства, в прерывании и уничтожении культурных традиций, а также в последовательном забвении тех периодов, в кото-

рые возникали надежды на цивилизованное развитие, гуманизацию социального пространства, реализацию властью идеи «народосбережения». Такие тенденции русской историей отторгаются, зато на ее пиках, переломах побеждают наименее благоприятные, примитивизирующие социальные сценарии.

* * *

Мне представляется точной характеристика произошедшего в начале XX в. как сложного взаимодействия нескольких революций (Ю.С. Пивоваров). Однако эта идея нуждается, как мне кажется, в дополнении. Одним из факторов, связующих разные по природе социальные процессы в некое (внутренне конфликтное и неустойчивое) единство, была революция в информационно-символическом пространстве. Ее основной смысл – уничтожение прошлого, разрыв преемственных связей, сброс памяти старой системы.

В феврале 1917 г. инициировали системный сброс, выступив застрельщиками в войне с прошлым, лучшие представители этой системы. Они могли бы стать ее надеждой, «инструментом» улучшения, адаптации к современным вызовам, но сыграли роль могильщиков. Не последнее место в их революционной деятельности занимала информационная политика, целью которой была дискредитация правительства и верховной власти. Сейчас мало вспоминают о том, что Февральской революции предшествовали (готовили ее) публичная информационная критика, начатая задолго до его краха «общественниками», и разоблачение «николаевского самодержавия» как отжившего, нежизнеспособного, готового к падению.

Благодаря «разоблачительству» (информационному провокаторству, родственному полицейскому провокаторству власти), запущенному властно-общественными элементами, режим казался обреченным еще задолго до своего падения. Большинство обывателей, настроенных либерально (а именно: антиниколаевски, антиалександровски, антираспутински, т.е. вообще анти- – против всего раздражающего, непонятного, тяготящего, пугающего во власти и в жизни[1]), обрекли самодержавие на гибель, сочтя его нежизнеспособным,

1. Осталась очень точная характеристика происходившего, данная генерал-адъютантом В.Н. Воейковым: «Массовый психоз проявился во внедрении убеждения о необходимости сломать и уничтожить нечто, тяготившее людей и не дававшее им жить» (цит. по: Пайпс Р. Русская революция. – Ч. I. – М., 1994. – С. 288). «Нечто» находилось вне общества, стояло над ним, тяготило его своими опекой, силой, надзором. В России этим «нечто» была Власть. «Накануне краха» она создавала слишком много проблем для всех, слишком многого требовала – служить, обеспечивать, терпеть лишения, умирать. При этом сама явно была не на высоте положения. Поэтому ее «списали», предварительно списав на нее (в буквальном смысле слова) всё «тяготившее людей и не дававшее им жить».

«прогнившим», «разложившимся» и находящимся «накануне краха». Это большинство было твердо уверено в том, что случится после: власть перейдет к «ответственному министерству», составленному общественниками; оно обеспечит снабжение тыла и фронта, доведет войну до победного конца; свободная Россия распорядится, чем ей быть – конституционной монархией или республикой. Характерное наблюдение находим в секретном докладе Петроградского отделения по охранению общественной безопасности и порядка: «Либеральная буржуазия верит, что... правительственная власть должна будет пойти на уступки и передаст всю полноту своих функций в руки кадетов в лице лидируемого ими Прогрессивного блока, и тогда на Руси "всё образуется"»[2]. Собственно, вся интеллигентско-образованная Россия (либералы, правые, левые, буржуазия, чиновничество, офицерство, даже нравственная опора монархии – церковь) верила, что жизнь в политическом отношении окончательно и бесповоротно устроится на европейский лад; с «азиатчиной», которую видели только во власти, будет покончено. Вера в чудесное завтра, образы светлого – свободного, демократического – будущего были источником и обеспечением (залогом) либеральной революции.

Лидеры общественников еще с осени 1904–1905 гг. снабжали общество этими образами, прочувственными, продуманными, тысячекратно проговоренными, а потому ставшими как бы реальностью – второй, параллельной той, в которой оно жило. Поэтому культурная, обеспеченная Россия так легко и даже радостно приняла Февраль: мечта из сказки стала былью; ситуация сверхнапряженного ожидания, наконец, разрешилась. Выражаясь метафорически, монархия пала усилием десятков (возможно, сотен) воль и попустительством (не безразличием, а со-чувствием и тем уже со-участием) сотен тысяч образованных умов. Они еще не подозревали, чем это обернется на деле для них самих. Как только показалось, что самая верхушка системы качнулась, практически все «верхи» «сработали» по принципу: падающего – подтолкни. И продолжили критику режима – уже не как действующего, но как бывшего. Теперь она служила источником легитимации Свершившейся Великой Революции.

Справедливости ради, заметим: февральские политики, в общем-то, не предполагали критикой режима обрушить всю систему. Их более всего занимал вопрос о власти (как потом большевиков)[3]; причем, здесь они стремились

---

2. Последние дни императорской власти / По неизд. док. сост. А. Блок. – Минск, 1991. – С. 16.

3. В одном из секретных полицейских докладов (конец января 1917 г.) сообщается: «Передовые и руководящие круги либеральной оппозиции уже думают о том, кому и какой именно из ответственных портфелей удастся захватить в свои руки», «как разделить шкуру медведя» (Последние дни императорской власти... С. 19). О разделе власти оппозиционные лидеры думали и гораздо раньше; очень откровенные свидетельства на этот счет есть у П.Н. Милюкова (См.: Милюков П.Н. Воспоминания. – Т. 2. – М., 1990. – С. 233–236).

обойтись верхушечным заговором и сменой лиц «наверху», чтобы минимизировать потрясение и соблюсти формально-правовую преемственность. Об этом много говорил впоследствии один из главных заговорщиков А.И. Гучков («допустить до развития анархии, до смены власти революционным порядком нельзя, нужно ответственным государственным элементам взять эти задачи на себя, потому что иначе это очень плохо будет выполнено улицей и стихией» и т.п.)[4].

Однако то, как общественники (и кадеты, и социалисты, буржуазные деятели и военное командование, либеральная бюрократия и даже дворцовая фронда) мыслили себе новое «устройство» и как шли к «устроению», свидетельствует: они «работали» на обрушение самодержавной системы. Стремясь «устроить» нечто принципиально новое (пускай по европейским образцам, но у нас невиданное и с народом – это они понимали, отсюда бессознательный страх перед уличной стихией – несоразмерное) и разрушая «старый (“омертвевший”, “отживший”) порядок», они ликвидировали порядок как таковой. И вовсе не под напором толпы, но следуя собственной логике, рожденной исторической логикой русской интеллигенции. Эта логика была нигилистической, антиисторической и манихейской (какой-то первобытной, неокультуренной) в своей основе.

* * *

Прежде всего она проявилась в отношении к старой власти, «ненавистному» самодержавию. Ему была назначена роль «зла» («темных сил»), той единственной скрепы «царства лжи и тьмы», уничтожив которую, можно прорваться в «царство правды и света». Падение самодержавия, т.е. ликвидация его персонификатора, толковалось как условие спасения России. Самодержец превращался в неизбежную жертву, приносившуюся «верхами» на алтарь национального спасения. Февральские политики это не просто не скрывали – это было основным тезисом их предреволюционной пропаганды.

Вопрос о власти демонстрирует, как близки были «строй» мыслей и действий революционной интеллигенции и революционного народа (крестьянско-солдатско-рабочей России). Насилие над устоями старого мира служило для них гарантией полного и окончательного социального переворота, построения мира нового. Показательно, что и у «верхов», и у «низов» встречается образ «похорон монархии», убийства власти. В переписке кадетских лидеров звучала уверенность, что «к Новому 1917 г. будут торжественные похороны самодержавия. Похороните где-нибудь на Волковом кладбище, только подальше от

4. А.И. Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. – М., 1993. – С. 17.

Литераторских мостков»[5] (последнее замечание тоже символично: «позор» России не должен был находиться рядом с тем, что составляло ее славу). В народной интерпретации все выглядело гораздо проще, но предельно ясно. Весной 1917 г. на одном из «праздников свободы» в Липецке находившийся там пехотный полк устроил «торжественные похороны старого строя». Под звуки «Марсельезы» при большом стечении народа был сожжен специально изготовленный черный гроб с надписью «Вечное проклятье дому Романовых». Затем полк в сопровождении колонн штатских участников церемонии с музыкой, красными флагами и плакатами прошел через весь город[6]. Навязчивый образ гибели романовского самодержавия сопровождал Февраль; Октябрь его материализовал, физически уничтожив монархию.

В общем-то, логика деятелей Февраля исторически верна. Разрушение властецентричного социального порядка было возможно лишь путем уничтожения власти. Общественники шли к этому со времени первой революции. Смирившись с ее поражением (с их точки зрения, она не выполнила своих основных задач, завершившись «победой самодержавия»), они отдались публичной политике. Затем, воспользовавшись ситуацией затяжной войны, вышли за пределы публичного политического и правового пространства и повели там свою игру, противопоставив ее непубличной деятельности власти. Если учесть, что власть в России традиционно непубличная и окружена тайной (отсюда – вечные образы «темных сил», закулисных влияний, семейственности «наверху»), можно сказать, что общественники стали играть на том поле, которое раньше было монополизировано властью. И закономерно победили именно как теневые игроки, а не публичные политики.

Благодаря их усилиям в информационном пространстве (как «теневом», сформированном слухами, «информационными утечками», сам- и тамиздатом, так и публичном) власть была отделена и от общества, и от народа, противопоставлена им. Оставаться с ней – значило идти к гибели России и собственной, сбросить ее – означало спастись. Критика режима была (закономерно) персонифицирована, сфокусировавшись на императоре, его семье и окружении. И здесь общественники, представители утонченной культуры «верхов», повели себя как простые русские люди: все были зациклены на нездоровом интересе к царю, его личной жизни; при этом отказывались видеть в монархе личность, не признавали за ним права на личную свободу (в суждениях, поступках, семейных отношениях) и самостоятельность. В отношении к Нико-

5. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). – М., 2003. – С. 258.

6. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. – СПб., 2001. – С. 42.

лаю II проявилось то, что составляло (и составляет сейчас) основу русской жизни – презрение к личности другого.

Однако дело было не в личности монарха и моральных качествах его оппонентов. Очевидно, что монархия в России исторически была обречена. В том смысле, что Николай II, несомненно, платил по историческим счетам русского самодержавия – власти–насилия, власти–монополиста. Общественники получили с него за все унижения привилегированных сословий, за их многовековое «служебничество» и незащищенность от произвола власти. Этим объясняются такая острота и бескомпромиссность противостояния всего общества с царем.

При этом общество не учло, что после гибели самодержавия все исторические вины привилегированных сословий – дворян, буржуазии, богатых, «эксплуататоров», «слуг царизма» – могут быть предъявлены ему самому. Народом, жаждавшим отомстить всем, кто стоял над ним, направлял и контролировал его жизнь, кормился плодами его труда. Это для В.В. Набокова (здесь он – выразитель умонастроений всей европеизированной культуры) многовековую народную эксплуатацию возможно было оправдать явлением Пушкина, рождением всех русских гениев XIX – начала XX в. Для большинства населения «старой России» существенно было другое.

А.В. Головнин, министр народного просвещения в царствование Александра II, пророчил в 60-е годы XIX в.: «За последние сорок лет правительство много брало у народа и дало ему очень мало. Это несправедливо. А так как каждая несправедливость всегда наказывается, то я уверен, что наказание это не заставит себя ждать. Оно настанет, когда крестьянские дети, которые теперь грудные младенцы, вырастут и поймут все то, о чем я только что говорил. Это может случиться в царствование внука настоящего государя»[7]. И случилось – при внуке: расплата «сословия управляющих» по историческим счетам русских «верхов». Историческая вина, требовавшая возмездия, отмщения, и накладывала на «верхи» печать гибельности, обреченности, которую они сами на себе ощущали (отсюда – предвосхищение конца, особенно острое накануне революции, отношение к себе как к погибающему «классу», а также – восприятие революции как спасения). Закономерным образом похороны самодержавия стали прологом упокоения всей старой России.

* * *

Я поддерживаю тезис Ю.С. Пивоварова об «исторической ненужности» Февраля. Он объясняет, почему Февраль (как и Октябрь) вызывает ощущение

7. Цит. по: Федотов Г. Революция идет // Федотов Г. Судьба и грехи России – Т. I. – СПб., 1991. – С. 155–156.

абсурдности происходящего, а потому непонятен и необъясним с позиций обычной логики. В то же время нечто подобное Февралю было возможно, а в России, наверное, неизбежно. В условиях многолетней войны массовые беспорядки недовольного и уставшего народа по различным поводам вполне вероятны. Они становятся испытанием социальной системы на прочность. Не случайно катастрофы произошли в странах, находившихся в стадии системного переустройства, с властью, утрачивавшей традиционную легитимность, и трансформирующейся социальной структурой – в России и Германии.

В такой ситуации решающее значение приобретает позиция политического класса. Для удержания социальной стихии она должна быть консолидированной и ответственной, независимой от эгоистических частных и групповых интересов, объединенной сознанием общего дела и общей исторической судьбы. Революцию в России сделала неизбежной война верховной власти с остальным политическим классом – думскими политиками, либеральными бюрократами, высшим офицерством, двором, наконец. Зимой 1916–1917 гг. она достигла своего пика. Виноваты в ней обе стороны – и совершенно неблагодарное дело искать, кто виноват более. Тем более, что история их рассудила, – они погибли вместе, доказав тем самым свое историческое единство, обусловленное общностью происхождения.

Однако последнее слово в той войне, безусловно, сказали общественники, одержимые желанием свалить власть. Совершенно прав российский исследователь Ф.А. Гайда: «Либералы, вне всякого сомнения, сыграли очень важную роль в событиях Февральской революции и весны 1917 г., причем их действия, вопреки мнению советской историографии, не диктовались стремлением к контрреволюции. Без их участия революция не смогла бы сразу принять относительно четкие «организованные формы» и, по крайней мере, в феврале–марте 1917 г. могла быть подавлена. Однако настрой либералов накануне революции фактически исключал возможность их неучастия в ней»[8]. Они сознательно «губили старую власть», используя войну, массовое недовольство ею (а в России оно неизбежно обращается против власти) и стихийные беспорядки в столице. Пытаясь уничтожить самодержавие, либералы развернули против него информационную войну. И выиграли ее, – в этом смысле Февраль вовсе не был «революцией без революционеров»[9]. После революции она продолжилась – уже как война со «старым режимом», дореволюционным прошлым, памятью царской России.

Февраль снабдил все дореволюционные слухи, домыслы, образы, порочившие верховную власть, документальной базой. Тем самым им придавался

8. Гайда Ф.А. Указ. соч. – С. 351–352.

9. Булдаков В.П. Империя и Смута: К переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. – М., 2007. – № 3(56). – С. 13.

оттенок подлинности, «присваивался» статус исторического факта. Документы николаевской эпохи, только недавно огражденные от общества тайной государственной и личной жизни, активно публиковались. Период между февралем и октябрем 1917 г. «видный деятель освободительного движения», историк и публицист С.П. Мельгунов в одном из своих выступлений назвал «временем массового издания политических брошюр»[10]. Большая часть этой продукции – разоблачительного и бульварного характера – была посвящена «последним Романовым». Они выпускались в составе массовых популярных исторических библиотек товариществами «Задруга», «Голос минувшего», «Былое», газетами, журналами. Антимарановский характер исторических текстов, транслировавшихся публике, отвечал социальной потребности в разоблачении, осуждении и символическом уничтожении ненужного новому обществу прошлого.

Достоянием публики стали образы последней императрицы – немецкой шпионки и распутницы (с Распутиным при ней); слабого, безвольного, жестокого царя; «темных сил», олицетворявших зло, побежденное революцией. Благодаря тиражу и иным способам распространения (символика, праздники, художественные средства) эти образы приобретали массовый характер, формируя политическую культуру масс. Они оправдывали свершившуюся революцию, обеспечивая «фактами», «документальными свидетельствами» ее основные тезисы, которые затвердила вся страна: «Россию погубила косная, своекорыстная власть, не считавшаяся с народными желаниями, надеждами, чаяниями... Революция в силу этого была неизбежна»; «Старый, насквозь сгнивший режим рухнул без возврата... Народ пламенным, стихийным порывом опрокинул – и навсегда – сгнивший трон Романовых...»[11].

В результате масса не стала знать больше о своем «вчерашнем» прошлом. Однако растиражированные образы бездушных и аморальных «тиранов» («власти», «начальства», «буржуев»), «старого», «дряхлого» мира «насилья», «мрака», «нищеты» и «гнета» оправдывали и делали неизбежным в массовых представлениях его падение – в «смертельной» схватке с силами Добра за торжество нового, «лучшего мира», «царство свободы» и «братской любви». Массовое распространение и усвоение народом негативных образов власти способствовали радикализации общественных настроений, окончательному низвержению «старого режима», переводу потенциала протеста в революционное действо.

10. «Задруга». Десять лет 1911–1921: Отчет чрезвычайного собрания членов товарищества в день десятилетнего юбилея. – М., 1922. – С. 15.

11. Бунин И. Окаянные дни. – СПб., 2003. – С. 117, 130.

* * *

Если для «верхов» главным двигателем борьбы с прошлым можно считать лозунг «Долой самодержавие!», то «низы» увязывали его с другим призывом – «Долой старый мир!». И в том и в другом случае компромисс исключался – речь шла о полной и окончательной ликвидации. Уничтожение самодержавия (как и прежнего порядка вообще) мыслилось как освобождение, способ чудесным образом получить волю – и новую жизнь, т.е. «светлое будущее» в настоящем. Вот эта логика – решительно и бесповоротно уничтожить прошлое во имя чудесного «завтра», расчистить место для какого-то иного порядка – объединяла в революционные дни две России: европеизированных «верхов» и «почвенную». Их исторический нигилизм, радикализм в отторжении привычного жизнеустройства и стремлении реализовать утопию, сделать явью мир грез и фантазий, одинаково пугающи.

Однако у «верхов» был ограничитель – с ликвидацией царизма задачи их революции были в основном решены. Для многомиллионного рабоче–солдатско–крестьянского населения России с самодержавия всё только начиналось. Об этом «предупреждала» и революционная символика, с которой ассоциировали себя «низы». «В 1917 г. основная парадигма символических изменений носила новаторский характер, она представляла собой программу радикального преодоления прошлого, его тотального отрицания»[12], – подчеркивает исследователь символической стороны революции Б.И. Колоницкий.

Идея уничтожения прошлого была основной организующей идеей, придававшей смысл массовой разрушительной стихии. Праздник революции должен был стать «концом всего» («старого мира») и «началом всего» («нового мира»), что требовало стирания памяти старой системы. Символическое значение поэтому имело разграбление и уничтожение в первые революционные дни архивов, в которых и была запечатлена традиция, зафиксировано национальное прошлое.

В конце февраля – начале марта 1917 г. на улицах Петрограда (а затем и Москвы, других городов) горели документы «карательных органов царизма» – департаментов полиции, губернских жандармских управлений, III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, судебных палат, дворцовой комендатуры, генерал-губернаторов и др. Громились, расхищались, конфисковывались также личные архивы («деятелей старого режима»), семейные библиотеки и собрания. Уцелевшие бумаги буквально валялись на улицах; материалы из «беспризорных» архивов попадали к антикварам, в издательства, редакции газет и журналов, где сразу же пускались в оборот. Фев-

12. Колоницкий Б.И. Указ. соч. – С. 343.

раль (среди прочего) запечатлен в двух ярких образах: горящее прошлое и выброшенная на улицы история.

Исследователи чаще говорят о практической надобности целенаправленных акций по уничтожению полицейских хранилищ или ликвидации документов из личных архивов (членами царской семьи, чиновниками и др.). Однако во всех тех пожарах и изъятиях был глубокий символический смысл. Пожары воспринимались современниками как символы «новой жизни». Это нашло отражение в одном стихотворном опусе, появившемся в популярном журнале «Новый сатирикон» за 1917 г.: «Вьется пляска огневая / В пыльной плесени бумаг, / И Россию овевает / Символ жизни – красный флаг». Очень характерная примета революции: развалины старого мира, декорированные символикой нового.

Был еще один важный план в «революционном вандализме», продемонстрированном Февралем, – материальный: история оставалась бесхозной, «безначальной» и потому легко доступной; ее мог захватить и присвоить кто угодно, чтобы использовать как угодно. Это еще один образ, через который прочитывается либерально-социалистический Февраль: насильственное, бесконтрольное использование истории. Революция освободила от всяких ограничений на использование; все тайны (государственные, личной жизни) раскрывались, с прошлого (в особенности недавнего) сдирались все покровы. Октябрь довел эту тенденцию до логического завершения.

* * *

Восстание против прошлого – это точка соприкосновения и энергетический источник революций 1917 г. И в то же время отношение к прошлому отличало их друг от друга. Целью борьбы с прошлым в Феврале было освобождение, всеобщая социокультурная эмансипация. Показательно, что эмансипационная тенденция должна была возобладать и в области использования прошлого. Интенционально Февраль предполагал раскрепощение национальное истории: открытие новых областей для изучения (истории «вчерашнего дня», т.е. трех последних царствований), масштабную публикацию новых (недоступных, «закрытых» ранее) архивных материалов, свободу доступа к источникам и снятие ограничений на их использование, разоблачение «темных» страниц истории и прочтение прошлого в революционно-освободительном ключе.

Ответом на вызов революции культурных «верхов» стала перманентная, лавинообразная революция «низов», «почвы». Она нейтрализовала, сделала несущественными завоевания Февраля, выдавила на обочину социальной жизни (так или иначе) связанные с ним слои населения. «Низы» не собирались щадить ничего из наследия «старого мира» – ни материального, ни «идеально-

го». Более того, с «одряхлевшим», «несправедливым» миром «насилия», «дворцов» и «рабского труда» ассоциировались вполне определенные социальные слои, которые тоже подлежали уничтожению. Этот стихийный протест против прошлого и культуры «верхов», эти погромные настроения можно было возглавить и организовать, придав ему четкие формы. Это и сделали большевики, использовав идеи либералов и энергию масс в собственных целях, для своей революции. Причем, они, как точно определил И. Бунин еще в 1918 г., ради погибели «проклятого прошлого» готовы были «на погибель хоть половины русского народа».[13]

Общесоциальное стихийное движение за мир, землю, волю, фабрики, экспроприацию экспроприаторов, возглавила, использовала, а затем подчинила, сведя на нет, большевистская революция. В ходе этих революций («почвенной» и «верхушечной», властно-управленческой) тенденция к аннигиляции прошлого, намеченная Февралем, победила и приобрела тотальный характер. Освобождение от «темного», «преступного», «тяготящего» прошлого приняло вид избавления от прошлого как такового, системного сброса памяти, полного «обнуления» истории и актуальной социальной практики. Это и позволило разрушить «старую» систему «до основания, а затем» на расчищенном месте строить новую.

Сама идея – отречения от «старого», борьба с ним на уничтожение во имя торжества нового – могла появиться только в христианской стране и представляла собой извращение, «варварскую», примитивную переработку новозаветного принципа. Не случайно в борьбе с прошлым выделяются два течения: избавление от власти, «обезначаливание» (что в русских условиях означало ликвидацию социальной организации, атомизацию социального организма), и связанные с ними отрицание веры, «богоборчество», уничтожившие моральные нормы, этические принципы общежития, высвободившие первобытные инстинкты массы. В России (в «почвенном» «мире»), где были крайне слабы правовые традиции и культура, это превратилось в нравственную катастрофу. Вместо традиционных скреп общество скрепило насилие, метастазирующее во все его клетки.

Русский Февраль со всей очевидностью показал: политический инфантилизм масс ведет не только к «бегству от свободы» (Э. Фромм), но и к «бегству в свободу» – вольницу, неизбежным следствием которой становится массовое насилие. В России воля для каждого есть условие насилия этого каждого над другим, массовизации насилия, что предполагает подавление свободы личности и индивидуализма как такового. Все это проявилось в восемь послефевральских месяцев, показавших насильственную природу уже не русской власти, а русского народа, и победило в Октябре. Историческое поражение

13. Бунин И. Окаянные дни. – СПб., 2003. – С. 163.

Февраля (и интеллигентов – «февралистов») состоит в том, что после него избежать ада народного бунта, а затем властного насилия над народом было невозможно.

* * *

Позиция большевиков в вопросе о прошлом была наиболее последовательной. Она изложена в формуле Дж. Оруэлла: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» («1984»). Партия возглавила процесс «покорения действительности», непрерывную цепь побед над национальной памятью. Этот процесс имел множество измерений. Были в нем темы, порожденные субкультурой «верхов»: например, «освобождение тела», «свободная любовь» и «революционизирование» семьи. Но большевики использовали их для достижения собственной цели – разрушить все устои дореволюционного общества (семью, церковь, школу, экономику, мораль), все скреплявшие его связи и традиции, «свалить» «старые» авторитеты и тем самым расчистить место для строительства нового общества и «выведения» нового человека. Сложности в «производстве» советских людей (их недостаточная, по мнению власть, «советскость») уже в 1926 г. объяснялись пережитками проклятого прошлого и «растленным влиянием Запада»[14]. Для ограждения от них советского человека все его связи следовало «обнулить».

Тему борьбы с прошлым большевики получили в наследство от Февраля, который, в свою очередь, наследовал традициям «освободительного движения», мировоззрению русской интеллигенции (см. «Вехи»). Однако смысл этой борьбы был прямо противоположным тому, что обозначился в революции «верхов»: не эмансипационный, а эксплуатационный – разрушение прошлого во имя закрепощения общества и каждого отдельного человека, их подчинения власти. К прошлому большевики подошли на удивление прагматично: речь шла о его политическом использовании, монополия на которое принадлежала власти. Тем самым совершалось закрепощение истории, она становилась объектом жесточайшей эксплуатации (как и все культурное пространство). В этом смысле совершенно правы М. Геллер и А. Некрич: в СССР «история в наивысшей степени сознательно и последовательно была поставлена на службу власти. После Октябрьского переворота происходит не только национализация средств производства, национализируются все области жизни. И прежде всего – память, история. Память делает человека человеком. Лишенный памяти человек превращается в бесформенную массу, из которой те, кто контролирует прошлое, могут лепить всё, что угодно... На протяжении не-

14. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. – М., 2000. – С. 166.

скольких послереволюционных лет была разработана техника манипулирования прошлым, контроля над историей, неизвестная ранее человечеству»[15]. Нарушение культурной нормы (накопление, сбережение и трансляция во времени наследия, гуманизация социальных практик на основе критического осмысления прошлого) стало новой революционной (а затем государственной) нормой.

* * *

Линию на символическую войну с прошлым, выродившуюся в ходе «сталинской контрреволюции» в полное подчинение («закрепощение») и политическую эксплуатацию истории, можно с полным основанием считать февральско-октябрьской линией. Она, в частности, демонстрировала, как новое осмысление прошлого вызывает потребность в новых источниках, обеспечивается ими, а не наоборот. Некоторые из главных «смыслообразов», легитимирующих Февраль, – аморальность, «дряхлость» (в смысле неспособности к развитию), историческая обреченность «старой», самодержавной системы. Потребность их подтвердить, подвести под них «доказательную базу» вызвала открытие архивов и массовую публикацию соответствующих документов. Причем, публикаторы не скрывали того, что работают не для истории, а выполняют главную политическую задачу текущего момента – предотвратить «правую» контрреволюцию, защитить «достижения Февраля». Помимо прочего, производители массовых исторических образов потакали и разжигали низменные вкусы и интересы массы, что в тот момент имело политический и коммерческий смысл[16]. Создавалась такая социопсихологическая и социокультурная атмосфера, в которой оказались возможны самые абсурдные политические сценарии.

Большевики эту линию продолжили, снабдив ее, как минимум, двумя поправками: контроль самой публичной информации и информационных средств, доносящих ее до публики[17]; контроль институтов, хранящих истори-

---

15. Геллер М., Некрич А. Указ. соч. – С. 5, 6.

16. С.Н. Булгаков еще в 1909 г. отмечал, что «русская литература залита мутной волной порнографии и сенсационных изданий» (Героизм и подвижничество // Вехи. – М., 1990. – С. 27). С начала революции эта модная тенденция изданий для интеллигентского меньшинства стала всеобщей. Популярная литература – в том числе по истории – была по преимуществу сенсационной (разоблачения, раскрытие тайн «старого режима»; публикация документов, ранее охранявшихся тайной личной жизни) и порнографической.

17. О результатах этих действий пишет И. Бунин: «Тон газет все тот же, – высокопарно-площадной жаргон, – все те же угрозы, остервенелое хвастовство, и все так плоско, лживо так явно, что не веришь ни единому слову и живешь в полной отрезанности от мира, как на каком-то Чертовом острове» (указ. соч. – С. 137). Цель такой информационной политики – заменить информирование социальным конструированием, подменить реальность.

ческое наследие. Это принципиально меняло дело. Показательна судьба институтов памяти в советской системе. Если с Февралем связаны образы «бесхозного» архива и бесконтрольного (свободного) публичного использования исторических документов, то Октябрь ассоциируется с «запертыми», охраняемыми архивами и жестко контролируемым использованием в «интересах партии и государства». Хозяином истории стала новая власть, использовавшая опыт прежней (временноправительственной) по «разборке» с самодержавием для ее собственной дискредитации. Заботился «хозяин», конечно, не о народных, а о собственных (властных) интересах. И исходил при этом из достаточно очевидной идеи.

Архив, т.е. неактуализированная память, представляет собой своего рода подсознание общества. Очень важно, как используется эта подсознательная энергия, в чьих интересах актуализируется память – ограниченного меньшинства или большинства, для социального благосостояния или эксплуатации социума, для придания импульсов развитию или для его имитации и т.д. В любом случае «политика памяти» воздействует на общественное сознание. В этом и состоит ее ценность для власти.

Советская архивная политика в основных чертах была разработана под руководством М.Н. Покровского в 20-е годы, а свое логическое завершение (в смысле окончательного «закрепощения» истории и архивов) получила в 30-е. Покровский (как и другие видные деятели «архивного фронта») не был здесь самостоятельной фигурой – лишь уполномоченным партии, и.о. власти на отдельном направлении «борьбы». Он – яркий профессионал, талантливый историк, поэтому основной упор делал на публикацию и создание тем самым советской «политики памяти». Причем мыслил ее как политику государственную – не случайно при нем архивное ведомство оказалось в ведении Президиума ВЦИК. Основное направление «политики памяти» в 20-е годы было разрушительным, нигилистическим, что вполне отвечало задачам момента. Исторические документы и исследования, хлынувшие в публичное информационное пространство, должны были обличать старую («буржуазную», самодержавную) систему. Тем самым – способствовать идентификационному перевороту в обществе.

В 30-е годы ставка – и в символическом мире прошлого – была сделана на прямое насилие, тотальное подчинение, примитивную, но эффективную эксплуатацию наследия. К архивам приставили охрану, отдав их в ведомство ОГПУ–НКВД, использование ограничилось набором тем, разрешенных «Кратким курсом». К руководству историей пришла в лице Сталина сама власть, выдававшая обществу «полезную» – с ее точки зрения – память. «Политика памяти» стала одной из тем массовой культуры. Последствия этого – окончательные «утилизация» истории и депрофессионализация историков.

* * *

Главный предмет «смычки» народных движений и большевистской революции в начале XX в. – торжество «коллективного человека» над отдельной личностью и принципом индивидуализма. Этот переход произошел во всем европейском мире. На рубеже XIX–XX вв. европейская культура, несомненно, находилась на пике своего поступательного развития. Это было следствием абсолютного утверждения личности, торжества индивидуализма, частной жизни, творчества, индивидуальных картин мира, чрезвычайного усложнения культуры во всех ее проявлениях. Возможностей ненасильственного регулирования этих процессов европейское общество тогда не нашло. Первая мировая война стала преддверием цивилизационного отката, упрощения культуры, что с неизбежностью вело к победе коллективизма, т.е. преимущественной ориентации на массы (массовые потребности, иллюзии), к ужесточению социальной организации (вплоть до установления тоталитарных режимов), распаду высокой культуры элит, совершенно недоступной массам.

В России этот переход произошел особенно болезненно. И едва ли не главная тому причина – исторический раскол между практически неграмотным народом с его традиционной культурой и верхним слоем, сформированным европеизированной, изощренной, дифференцированной культурой. «Философский, эстетический, культурный индивидуализм “страшно далекой от народа” русской интеллигенции получил самое яркое выражение в... культуре Серебряного века. То есть в ту пору в культуре приоритетное место заняли не некие общие культурные ценности, составляющие ядро национальной культуры, но на первый план выдвинулось своеобразие видения мира талантливой личностью, именно в силу своей талантливости непохожей на других. Понятно, что эта тенденция (впрочем, как и всякая иная) усиливающейся индивидуализации картин мира, отраженных в искусстве, имела пределы своего развития. И к 1917 г. этот предел был достигнут вполне»[18].

Произошел надлом: высокая культура, не выдержав чрезвычайного напряжения, интенсивности давления индивидуализма, рухнула, и была раздавлена, погребена под массовой, «почвенной» культурой. Фактически Октябрьский переворот «стал решением дилеммы «индивидуум–коллектив» в пользу коллектива, масс»[19]. Новые управленцы, из этой массы вышедшие, были нацелены на подчинение «коллектива», эксплуатацию массовых утопий, иллюзий, ожиданий.

---

18. Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: Картина мира и власть. – СПб., 2001. – С. 477.

19. Там же.

Последовательное и радикальное отрицание прошлого стало идеологией большевизма. Сбросам исторической памяти был придан систематический, планомерный характер; уничтожение истории и «изобретение» (на ее месте и вместо нее) «полезных» (власти) традиций стало государственной программой, одним из основных пунктов «культурной революции». Так создавался «новый человек», лишенный временных координат, ориентированный на сиюминутное выживание и легко поддающийся приемам социального манипулирования.

В конечном счете, новое общество (советский мир) не просто было заражено нигилистическим отношением к истории; отрицание прошлого и стало его сутью. Это охватило все общество; это и победило в гражданской войне (если понимать ее в широком смысле – не только как военные действия). Победившие отринули социальные силы, бывшие носителями истории, вообще традиций, памяти. В этом и состояла суть перемен. Более того, русский коммунизм ставил цель – выйти за пределы истории; явно ориентировался на внеисторическое отношение к действительности. При этом леворадикалы, пришедшие к власти, эксплуатировали русскую внеисторичность – мифы и утопии, верования, смутные образы и надежды, бродившие в крестьянской массе (об этом, кстати, много написано).

* * *

В результате начало XX в. в России стало хрестоматийным примером «безвременья» (наш вклад в мировой «самоучитель» – «как не следует делать»), когда позади – уже ничего, впереди – еще ничего, всё начинается и заканчивается здесь и сейчас. Мы были обречены на дальнейшие обрывы (во времени), нарушения преемственности, постоянные забегания вперед и последующие откаты, т.е. возвратно-поступательное, антиэволюционное движение. Уничтожение в ходе русских революций культурного запаса, накопленного поколениями, масштабное антикультурное движение всего социума привели к цивилизационному обвалу. Произошли варваризация, элементаризация социальной ткани, катастрофическое снижение («обнуление») уровня сложности и вследствие этого – креативных возможностей социальной системы.

Важнейшим следствием этого стали катастрофические антропологические изменения. Показательно, что в XX в., в социальном организме возобладали и доминируют сейчас два антропологических типа – «человек ловкий», занятый «приватизацией» власти и хищническим захватом имеющейся в наличии материальной субстанции, и «человек терпеливый», ориентированный на пассивное приспособление к социальной среде, простое воспроизводство (а не приращение) жизненных сил и материи, привычные (одни и те же, повторяющиеся) социальные решения. «Человек ловкий» «крутится» и продвигается за счет других, «человек терпеливый» выживает «как все» и «не хуже других».

В результате у нас практически отсутствует не только тема «я», но и тема «другого», сформировавшие индивидуалистическую и гуманистическую западноевропейскую культуру. Кроме того, всегда ярко выражена тенденция к социальному уравнению – не только в материалистическом, но и в культурном смысле. В каждом следующем социальном катаклизме «занижаются», нейтрализуются, погибают (физически, в статусном, «бюджетном» смысле) те социальные слои, которые выделяются над средним уровнем. Наш «человек средний», формируемый сходным жизненным опытом и социальными условиями, традиционно «технократичен», антигуманитарен и мало интересуется прошлым. Как, впрочем, и будущим. Он обживает, выкручивается, приспосабливается в настоящем. Его культурная ограниченность, элементарность объясняются (среди прочего) тем, что это человек «урезанного» и «извращенного» времени.

Показательно также, что в XX в. русские получили жесточайшую, абсолютно безжалостную власть. Восстав против «слабого» «романовского самодержавия», не приняв все временные правительства с их ненасилием и демократическими принципами управления, к этой власти русский народ отнесся с удивительным пониманием. Она оправдана им во времени, с нею слилось нарицательное «народная». Видимо, такая власть отвечает какому-то глубинному народному естеству. Поэтому стоит ли удивляться, что в конце XX в. ограниченному «партсамодержавию» и самодержавному самодурству (в таких обличьях предстала власть либерализирующаяся и не препятствующая общественной эмансипации) русские люди предпочли «бюрократическое самодержавие» «нового русского» образца. Для нас это вполне цивилизованный и современный властный проект. Мы не то что не рассчитываем на бóльшее – мы бóльшего не хотим.

Сама власть, двигавшаяся в XX в. путем постоянных сбросов памяти, изобретения традиций и подходящих текущему моменту управленческих и образно-символических схем, демонстрирует, что воинствующий исторический нигилизм, помноженный на культивируемый антикультурный и антигуманный подход к социуму (как своему, так и любому другому), никак не могут дать в результате хотя бы идею «народосбережения», не говоря уже о практике. Ориентируясь на традиционную схему отношений со «вверенным» ей народом (как субъект-объектных), лелéя свою насильственную, эксплуатационную природу и не умея эффективно приспособиться к ситуации, где ей отведено заведомо проигрышное (не «супердержавное») место, советско-постсоветская власть подтверждает правило, выведенное самодержавной и «временноправительственной»: народ может поддерживать конкретного персонификатора, однако у русской власти как исторического явления «нет в обществе убежища». Правда, она из этого и исходит, черпая силу «в своей неспособности доверять

населению, ...в... неспособности сделаться более либеральной без риска себя уничтожить»[20].

В заключение хотелось бы подчеркнуть: в начале XX в. в русской истории произошел принципиальный и невосполнимый разрыв. Между дореволюционной Россией и СССР не оказалось естественнопреемственных культурных связей, как не существовало культурного единства России образованного «меньшинства» и России «почвенной». Подтверждение тому – революции 1917 г. Точно также отсутствует преемственность современной России с самодержавной и той, потерянной нами, что оказалась в эмиграции. Последовательно преемственны РФ и СССР, самой своей историей отторгнувшие иные временные связи. Утверждать иное, как у нас сейчас принято, – значит, заниматься социальной инженерией или, выражаясь современным художественным языком, михалковщиной.

И главное тому доказательство видится мне в следующем. Советско-постсоветская система оказалась принципиально неспособной к критическому самоанализу – самопознанию и самопониманию. Нашему социальному организму не нужно адекватное знание о себе – как о прошлом, так и о настоящем. Поэтому и социальные прогнозы – это тоже не для нас. Мы так и остались существами «внеисторическими»[21]. «Работа памяти» по-русски предполагает не самопознание, а эксплуатацию любого наследия, позволяющую подтвердить устойчивый идеальный «образ себя».

Отсюда – такое неадекватное «прочтение» собственной истории, неприятие критического к ней отношения, неспособность «расстаться» с прошлым, т.е. его понять и от него освободиться. Критический анализ вредит нашему социальному организму, грозит его разрушить. Поэтому никакого «преодоления» прошлого, как и преобразования настоящего, ориентируясь на цивилизационные, общегуманитарные, «человекосберегающие» принципы, у нас не произойдет ни в ближайшем, ни, вероятно, в отдаленном будущем. Иначе речь бы шла о другом социальном организме и ином историческом пути.

---

20. Так оценивал возможности Советской власти Э. Морен (См.: О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. – М., 1995. – С. 162, 189).

21. Русский временно́й алгоритм, подходящий и власти, и социальному большинству, выражен в формуле графа Бенкендорфа: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение». В какие-то моменты своего исторического бытования мы из него вырастаем, а потом, не в силах выдержать всех сложностей существования в реальном времени, вновь к нему возвращаемся. Это, пожалуй, наш главный национальный проект.

Ю.И. Игрицкий

РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: УРОКИ ДЛЯ РАДИКАЛОВ, ЛИБЕРАЛОВ И КОНСЕРВАТОРОВ

Игрицкий Юрий Иванович – кандидат исторических наук, заведующий Отделом Восточной Европы ИНИОН РАН, главный редактор журнала «Россия и современный мир».

Уроки истории – публицистический штамп. Не существует универсальных уроков истории, пригодных для всех народов, классов и политических сил, если не считать (да и то с оговорками), что даже худой мир лучше войны. Тем не менее свои «уроки» выносят или пытаются вынести все субъекты исторического процесса: те, кто безусловно выигрывает в результате свершившихся перемен (будь то войны, революции, контрреволюции, реформы, смены элит и т.д.); те, кто проигрывает; те, кто остается «при своих». И только неангажированное, *десубъективированное по отношению к событиям* лицо, отдаленное от событий приличной временной дистанцией, может *всего лишь попытаться* абстрагироваться от личных ценностей (которые у него, конечно же, есть), подняться «над схваткой» и осмыслить то, что произошло. Лучше других это, пожалуй, удается «яйцеголовым», работающим в тиши кабинетов и освоившим научный алгоритм мышления (историкам, социологам, политологам), но их профессионализм никогда не гарантирует полной деидеологизированности. Время одновременно помогает им (давая возможность дистанцироваться от происшедшего) и мешает (наслаивая друг на друга все новые следствия старых событий и новые повороты истории, влияющие на ценностное восприятие мира).

Иными словами, осмысление результатов революций 1917 г. в России – нескончаемый процесс, в котором вехами служат те последовавшие за этими революциями глобальные перемены, на которые они повлияли прямо или опосредованно. Поэтому уроки 1917 г. – это те уроки, которые кажутся очевидными с позиций сегодняшнего дня. Завтра они могут казаться другими. Причем они могут казаться другими не только новым поколениям, но и предста-

вителям старого поколения, дожившим до «завтра». Как это было в XX в. с Милюковым и Керенским в ходе и после окончания Второй мировой войны, с Горбачёвым и Яковлевым в период «перестройки».

Вообще говоря, исследователь не имеет морального права выносить уроки одновременно с позиций разных политических сил, руководствующихся полярно противоположными ценностями. Но поскольку перед ним непреложно встает вопрос, почему история сложилась так, а не иначе, он стремится понять не только объективные условия и обстоятельства, при которых произошло событие (в нашем случае революции 1917 г.), но и мотивацию поведения участников события. Этого соблазна – «влезть в шкуру предков» – мало кому удавалось избежать. Разве только простым хроникерам истории.

Кроме того, пытаясь (*всего лишь пытаясь)* определить уроки «семнадцатого года» для радикалов, либералов и консерваторов, я должен определиться с понятиями. И здесь необходимы два уточнения. Во-первых, речь идет о современных политиках и идеологах, придерживающихся различных систем ценностей, которые, безусловно изменившись, так или иначе берут истоки в главных противостояниях начала XX в. Поэтому под радикалами ниже будут иметься в виду нынешние левые, прежде всего в России, ратующие за возврат к государственному социализму; под либералами – приверженцы капиталистической системы евроатлантического типа; под консерваторами – сторонники дофевральской (не обязательно самодержавной) политической культуры. Во-вторых, речь идет об уроках, выносимых на основании анализа ошибок политических сил *тогда*, но могущих быть полезными для ситуации, возникающей *сейчас*. Понятно, что если ситуация этого не требует, проблема «уроков» становится иррелевантной.

Поскольку переворот в октябре 1917 г. был леворадикальной революцией, то именно **левым радикалам** наиболее важно учесть опыт как самого переворота, так и дальнейших событий в России и мире. Кроме того, только левые радикалы могут считать себя идеологическими и политическими воспреемниками «левого дела» в России того времени. Современные либералы не имеют практически ничего общего с либералами начала XX в., выступавшими против самодержавия; современным консерваторам просто нечего «консервировать».

Главный урок – *квазиглобализм* левого радикализма, ошибочность расчетов на цепную реакцию пролетарских революций по всему миру. Будучи в качестве последователей Маркса *интенциональными*, теоретическими глобалистами, большевики стали первой политической силой, которая стремилась руководствоваться глобальными идеями и схемами на практике. Абсолютные цели требовали доктринальной абсолютизации, и это проявилось в ошибочной оценке ряда ключевых моментов. Классовые интересы чаще всего понимались как решающая детерминанта человеческого поведения, их сцепляющая функция переоценивалась, а внутриклассовые различия, как и межклассовые ком-

промиссы, недооценивались. Преувеличивалась степень радикализации масс не только в Европе, но и в самой России. Субъективный фактор (роль авангарда – партии, ведомой схематичной политической идеологией) оказался слишком сильно оторванным от объективного фактора (незрелость социальных и экономических условий для воплощения социалистических идей, архаичность сознания сельских и городских низов, подталкивающая небольшую, но активную часть населения к бунту ради выживания при обычной – как во всех революциях – пассивности большинства). Эти моменты не помешали совершить леворадикальный переворот и даже способствовали ему, поскольку в 1917 г. векторы деструктивной активности большевиков и радикализированных масс совпали[1], но они самым очевидным и негативным образом проявились в последующие годы, когда формировалось новое общество.

Второй урок – непродуктивная бескомпромиссность, «ошалелость буревестника» («пусть сильнее грянет буря!»; «чем хуже – тем лучше»; «не убоимся гражданской войны»). А ведь необходимо бояться: из гражданских войн, в отличие от внешних, оборонительных, справедливых войн, население выходит духовно искалеченным. Следуя зеркальному отражению известной формулы Клаузевица, победители рассматривают мирную жизнь как продолжение гражданской войны; население же думает не о мировой революции, а о выживании и налаживании нарушенного быта. Из-за низкого уровня революционного сознания народа революционерам приходится прибегать к командно-мобилизационным и репрессивным средствам. Уже в годы Гражданской войны объектами репрессий стали представители не только привилегированных («эксплуататорских») классов, но крестьяне и рабочие (расстрелы в Астрахани, Царицыне, на Урале, подавление Кронштадтского мятежа и пр.). Это ставит с ног на голову всю прекраснодушную теорию о победе социализма не только во всем мире, но и в одной стране, так как ни под угрозой наказания, ни в идеологическом трансе социально справедливый и одновременно экономически эффективный строй построить невозможно.

Поскольку историки до сих пор спорят, кто именно, «красные» или «белые» были главными виновниками гражданской войны и в связи с этим когда именно она началась, необходимо напомнить, что бескомпромиссность большевиков берет свои истоки не в Гражданской войне (в которой никто из сторон не шел на компромисс), а в течение событий от Февраля к Октябрю. Причем поначалу большевики, которых в феврале 1917 г. насчитывалось всего 24 тыс., радуясь падению самодержавия, были ненамного радикальнее меньшевиков и эсеров и готовы были работать в режиме двоевластия. Однако Ленин своими «Апрельскими тезисами» резко сдвинул партию влево. Как вспоминал Ф. Раскольников, встречавший возвращавшегося из эмиграции Ленина еще в Белоострове, на подъезде к Петрограду, его речь на площади Финляндского вокзала с призывом к борьбе против Временного правительства произ-

вела «целую революцию в сознании руководителей партии»[2]. Непримиримость Ленина и Троцкого не позволила достичь межпартийного политического компромисса на Демократическом совещании в сентябре 1917 г., сорвав возможность формирования даже однородного социалистического правительства (это событие, на мой взгляд, стало решающим в судьбах российской демократии), а затем проявилась еще более жестко в разгоне Учредительного собрания в начале января 1918 г. У нескольких сотен (вероятно, 250–300) тысяч членов большевистской партии в этот период менталитет был куда более боевым, неуступчивым и властолюбивым, чем у 20–30 тыс. менее года тому назад. Между тем, если бы был достигнут компромисс между разными политическими силами социалистической ориентации (и прежде всего между большевиками и правыми эсерами, от которых в Учредительном собрании было 370 делегатов против 175 большевиков, да еще 40 левых эсеров), удалось бы избежать длительной и кровопролитной гражданской войны, губительно повлиявшей на дальнейший ход российской истории.

Третий урок – недооценка потенциала капитализма в мировом масштабе. Если первые два урока были преподнесены (но не учтены!!!) довольно быстро, то этот урок стал ясен гораздо позже: сначала после преодоления Великой депрессии конца 20-х – начала 30-х годов, затем после экономического возрождения проигравших Вторую мировую войну Германии и Японии, а также после объединения и успешных маневров правых и центристских сил против левых в Италии и Франции в 50–60-х годах. Тогда стало окончательно ясно, что время леворадикальных революций (не движений и вспышек активности, а именно революций, социальных революций) в странах зрелого капитализма прошло. Антиколониальные же революции и возникновение третьего мира не ослабили капитализм и не усилили социализм – они ярко высветили ошибочность как западоцентричных, так и советоцентричных моделей развития, показав, что ни коммунисты, ни либералы на том этапе не понимали всего многообразия и непредсказуемости развития мира.

С позиций современности можно сделать вывод, что, будучи интенциональными глобалистами, Ленин и большевики не сумели верно определить характер возникающих глобальных связей и глобальной взаимозависимости. Действительно серьезный социально-классовый разлом в буржуазно-капиталистической Европе начала XX в. (подтвержденный революциями и вооруженными восстаниями в Германии, Венгрии, Словакии, Финляндии, Болгарии) они поначалу ошибочно приняли за общемировую тенденцию и не разглядели растущей социальной дифференциации как внутри капиталистического общества, так и тех традиционных обществ, куда проникал капитализм. Степень радикализма европейского пролетариата и трудового крестьянства была существенно ниже, чем в России, а влияние социал-реформаторской идеологии существенно выше; поэтому надежды на то, что у революций в

России и Венгрии появятся, по выражению Ленина, «новые сестры», не сбылись. Что касается революционного потенциала угнетенных масс крупных колоний, то он был потенциалом восстания и бунта, а не радикального переустройства общества. Такое переустройство в глобальном масштабе требует гораздо более тесной взаимосвязанности, интеркоммуникативности мира, вероятно, даже более тесной, чем мы наблюдаем сейчас.

Другое обязательное условие планетарной победы классического левого радикализма, основанного на идеях классовой борьбы и социальной справедливости, – сближение уровней социально-экономического развития стран первого и третьего миров. Но если такое сближение, вопреки всякой вероятности, произойдет, кому будут нужны леворадикальные социальные революции? Примем постулат Ленина о том, что Россия являлась слабейшим звеном в мировой империалистической цепи и потому именно это звено оборвалось. А если бы Россия была не слабейшим, а сильнейшим или просто сильным звеном, то, по ленинской же логике, «семнадцатого года» не было бы[3].

Значит ли это, что большевики были историческими неудачниками? Думаю, такой вывод был бы ошибочным. Октябрь и советская система способствовали кардинальным позитивным изменениям в мире, существенно повлияв на характер социальных отношений внутри капиталистического общества, побудив его к большей адаптативности. Уже после смерти Ленина большевистский режим продемонстрировал возможность форсированного преодоления экономической отсталости методами планового хозяйства и гигантской добровольно-принудительной мобилизации масс. Это признано всеми. Большевики доказали, что длительное время крупная страна может развиваться на основе самодостаточности, используя собственные ресурсы. Однако, помимо огромных социальных жертв, этот курс обернулся недостаточной интегрированностью в мировое экономическое пространство, в котором доминировали иной тип собственности, иные экономические стимулы и связи. Китай сейчас показывает пример экономической конвергенции с капитализмом при полном отсутствии политической конвергенции – а в период между двумя мировыми войнами такое было просто невозможно не только из-за острейших международных противоречий, но и в силу сохранявшейся классовой логики «кто кого».

Четвертый урок большевистской революции для современных радикалов – нарушение необходимой корреляции между стратегией и тактикой политической борьбы. Если победы в революции, понимаемой как успех вооруженного восстания и захват власти, можно достичь умелыми тактическими действиями, что и продемонстрировал Ленин в 1917 г., делавший нужные «ходы» в исключительно нужное время (апрель, июль, октябрь)[4], то победа в революции, понимаемой как длительный процесс переустройства старого порядка, обеспечивается лишь верной стратегией. Место такой стратегии у Ленина и большевиков заняли марксистская теория и умозрительный постулат о не-

избежности смены капитализма социализмом. Поскольку этот постулат вырос не из практики, оставаясь по существу политическим лозунгом, реальную стратегию социального переустройства базировать было не на чем. Следуя известному девизу Наполеона «ввязаться в бой, а там будет видно», Ленин поставил себя и партию в такое положение, когда было необходимо оперативно реагировать на текущие вызовы быстро меняющейся ситуации, не рассматривая их в стратегической перспективе.

Здесь, казалось бы, напрашивается вывод о необходимости более глубокой разработки стратегии еще в 1917 г., когда радикалы-большевики, в отличие от соглашателей меньшевиков, слишком много думали о власти и слишком мало о том, что будет «потом». Получив короткую передышку для таких раздумий в шалаше Разлива, Ленин попытался заглянуть в будущее социализма. Так родился труд «Государство и революция», который читается сегодня как социальная утопия, изложенная в форме полемики с не понявшими Маркса социалистами и политических тезисов. Путь к условиям, когда отомрут государство, принуждение и подчинение, а заодно и демократия, когда «все общество будет одной конторой и одной фабрикой», где «все будут управлять по очереди», мыслился как «повсеместный учет и контроль, осуществляемый большинством народа»[5]. Это по существу все, что можно отнести к стратегическим предвидениям Ленина, еще не прошедшего испытаний Гражданской войны[6].

Но вот что бросается в глаза при сравнении этого труда Ленина с другими его статьями и выступлениями в 1917 г. – выпадение из общего контекста накаляющейся внутренней обстановки в России. Как и всякая утопия, этот труд – вневременной, его можно поставить в один ряд с «Утопией» Мора и «Городом солнца» Кампанеллы. И когда Герберт Уэллс, повествуя о беседах с Лениным в 1920 г. относительно плана ГОЭЛРО в России, называет его «кремлевским мечтателем», мы чувствуем веяние тех мыслей и чувств, которые обуревали Ленина в Разливе в августе–сентябре 1917 г.

Отсюда следует вывод, который нельзя, строго говоря, назвать уроком только Октябрьской революции, но который из-за этого не теряет своей значимости: идеалистически-романтическое восприятие мира необходимо левым радикалам для того, чтобы не быть полностью поглощенными борьбой за власть, в которой теряются стратегия переустройства общества и историческая перспектива. Оптимальным в попытках общественного переустройства был бы, видимо, вариант, при котором идеализм и политический прагматизм призваны взаимодополнять друг друга. В Гражданской войне большевики во многом потеряли веру в простого человека как субъекта с самостоятельной «правильной» политической ориентацией. Поэтому события 1917–1920 гг. не опровергли эвристическую силу максимы, гласящей, что революции замышляют идеалисты, осуществляют авантюристы, а плоды пожинают негодяи.

Переходя к осмыслению уроков революций 1917 г. для **либералов**, следует еще раз отметить, что речь не может идти о современных российских либералах – политических и идеологических наследниках русской либеральной буржуазии. Таковых нет. Но мировая либеральная мысль и практика усвоили уроки Русской революции быстрее и эффективнее, чем радикалы, сохранявшие верность догматике III Интернационала. Это отразилось в новых явлениях в капиталистическом обществе – кейнсианской теории и усилении роли государства в экономике, рациональном использовании принципа планирования, возросшей роли социальной политики и социального обеспечения как средств гашения протестных настроений масс, интеграции профсоюзов в систему корпоративных связей и государственную политику капиталистических стран. Итогом всех этих перемен стало повышение уровня жизни населения до такой степени, когда довольствование имеющимся и опасения потерять приобретенное стали превалировать над желанием переделать мир; фрустрация и чувство безысходности сохранились лишь у небольших маргинальных групп общества. Конечно, эволюция капитализма *сама по себе* органично вписана в мировое развитие как одна из его составляющих – но верно и то, что, не будь русского 1917 г. и советской системы, эта эволюция скорее всего носила бы гораздо более медленный характер.

Что касается **консерваторов**, необходимо оговориться, что в современной политической жизни нет той ниши, которую они могли занимать в начале XX в., когда европейские монархии как оплот многовековых традиций подверглись атакам как радикалов, так и либералов. Современные монархии превратились в декорации национальной жизни, никому не мешают и никого даже не раздражают. Консерватизм сегодня – это не политическое течение со своей социальной базой, а философия оппозиции резким общественным переменам и морально-нравственный противовес постмодернистским ценностям. Урок русских революций для консерваторов состоит в том, что можно и нужно стремиться к предупреждению и амортизации слишком радикальных мер, смягчая их деструктивный эффект, но нельзя сопротивляться переменам вообще. Здесь многое условно и зависит от конкретных условий и целей политического противостояния. Могу целиком согласиться с теми, кто считает, что решающую роль в падении существующих режимов в России в 1917 и 1991 гг. сыграла их институциональная слабость. Политические, социальные и экономические институты утратили былую и давно начавшую снижаться эффективность – и режимы рухнули.

Вместе взятые, и радикалы, и либералы, и консерваторы в идеале составляют такой же естественный и необходимый спектр общественно-политической жизни, как цветовая гамма любого излучения. Возможны смещения полей спектра, но одноцветного спектра не существует по определению. Какое отношение имеет все вышесказанное к нынешней России? Сегодня в России

нет классических радикалов, либералов и консерваторов. И власть после 1985 г. тем более не была ни либеральной, ни радикальной, ни консервативной. Она ситуационно использовала элементы политического поведения всех трех сил. В политической борьбе с Горбачёвым и старой коммунистической номенклатурой, Ельцин казался либералом. Расстреливая Белый дом в октябре 1993 г., он превратился в радикала, действующего большевистскими методами. В последние годы правления он был уже консерватором, стремившимся сохранить достигнутое и приобретенное. Консервативен и Путин, старательно избегающий всех крайностей ради утверждения традиции преемственности власти в новых условиях.

Формирование новой политической системы и политической культуры в России, проходящее под знаком объединения всех сил, что «наверху», что «внизу», заинтересованных в мощном, пусть и авторитарном государстве, свидетельствует, что нынешний режим осознает роль радикальных разломов в обществе, опасается их и стремится предотвратить. Это можно делать средствами социальной политики, направленной на создание социального государства (исторический пример Европы), путем политического принуждения (исторический пример сталинского Советского Союза) или комбинацией обоих вариантов, которая наблюдалась в практике послесталинского СССР. Сегодняшняя Россия еще не вступила в фазу репрессивной социальной регуляции и, даст Бог, не вступит. Но и социальная политика пока совершенно неадекватна потребностям общества в широком смысле слова. Больше того, мы видим, что, как и в 1917 г., сохраняется возможность захвата государства и бесконтрольного распоряжения национальными ресурсами со стороны когорты одинаково мыслящих людей (назовем их верхушкой или правящей элитой).

Именно большевики первыми показали, что организация политических активистов способна, захватив в кризисных условиях власть в стране без демократических традиций, оседлать государство и далее перестраивать это государство, как и общественную жизнь, «под себя» – под свои идеи, представления, потребности и интересы. Она может навязать обществу свою идеологию и свои нормы, может бесконтрольно распоряжаться всеми ресурсами страны. Если это может леворадикальная организация, то почему бы по ее стезе не пойти любой иной, пришедшей к власти мирным путем, через выборы, и таким же мирным президентско-парламентским путем посредством реформ, принятия законов и поправок к законам овладеть рычагами безальтернативного управления страной, заручившись поддержкой крупного бизнеса и сведя возможности оппозиции к негромкому ритуальному поругиванию? Это пятый урок Октября всему населению страны. Извлечь его можно только в условиях сохранения реальной, а не формальной оппозиции правительственному курсу, широких общественных дискуссий с правом политической критики без ограничений, социального сплочения на основе не просто отвержения

зол, на которые указывает перст власти (отдельные зарвавшиеся олигархи, криминальный беспредел, расширение НАТО и т.д.), но на базе позитивных идеалов и позитивного действия, прежде всего инклюзивной, повернутой лицом к населению социальной политики.

Если этого не случится, стране останется только идти по пути Наполеона и Ленина: высосем из недр еще нефти и газа, уберем со сцены одного-двух опальных олигархов, подкинем денег в «оборонку» (побольше) и в «социалку» (поменьше), ублажим национальную гордость зимней олимпиадой в летнем курорте, убаюкаем население доморощенными и импортными сериалами, а там... там будет видно.

Примечания

1. Под углом зрения социальной психологии и антропологии В.П. Булдаков высказывает мнение, что марксизм, в качестве квазирелигии, соответствовал «структуре перевозбужденного синкретического сознания» масс, и в 1917 г. произошел «спонтанный вброс примордиалистских представлений в псевдоклассовую среду» – а говоря более простым языком, «в условиях нехватки жизненно необходимого люди решили, что справедливость достигается путем ликвидации богатых» (Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: Пути преодоления. – М., 2007. – С. 89, 98–99). Именно к этим настроениям масс апеллировали большевики, и в конечном счете именно так массы понимали большевистскую пропаганду.

2. Раскольников Ф. Приезд в Россию товарища Ленина // Гребельский З.П. Федор Раскольников. – М., 1988. – С. 95.

3. Это логическое противоречие всегда ставило в тупик истпартовскую и вообще советскую историографию, которая, стремясь соединить разные идеологические детерминанты, изображала дореволюционную Россию страной, где капитализм был развит до такой степени, что уже можно было совершать антикапиталистическую революцию по Марксу, и одновременно страной, настолько отсталой, что лишь индустриализация по Сталину смогла привести ее к невиданному в мире экономическому рывку.

4. Если бы Ленин вернулся в Россию сразу после падения самодержавия, его приезд остался бы незамеченным (героями дня были Милюков, Керенский, другие думцы и прежде всего кадеты). Точно так же Ленин вовремя ушел в подполье в июле и гениально определил момент возвращения в Петроград, чтобы поднять партию на вооруженное восстание. Ошибись он тогда со сроками этих действий, Красного Октября могло и не быть.

5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – Т. 33. – С. 101, 116.

6. Нестор Махно, беседовавший с Лениным в Кремле весной 1918 г. и ввязавшийся в спор с ним по поводу политики и действий украинских и московских анархистов, так излагает на память упрек Ленина в адрес анархистов: «Большинство анархистов думают и пишут о будущем, не понимая настоящего; это и разделяет нас, коммунистов, с ними» (Махно Н. Воспоминания. – М., 1992. – С. 167). Вряд ли Махно неверно изложил ленинскую мысль, и вполне логичным представляется то, что, придя к власти, большевики и прежде всего сам Ленин, будучи всецело захваченными сохранением власти, действительно думали о будущем еще меньше, чем тогда, когда они боролись за власть.

П.В. Панов

«ОБЪЕДИНЕНИЕ» VS «ПРИСОЕДИНЕНИЕ»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРВОГО ОПЫТА УКРУПНЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Панов Петр Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного университета.

В современном государстве масштабы политико-административной деятельности столь велики, а решаемые задачи столь сложны и разнообразны, что неизбежно организационное разделение политико-административного аппарата на несколько уровней. В этой связи большое значение имеет не только вопрос о распределении ресурсов и полномочий между ними, но и определение количества административно-территориальных единиц на каждом уровне и границ между ними – «административно-территориальное деление» (АТД).

В данной статье АТД рассматривается применительно к «среднему» – региональному уровню[1], «местный» уровень публичной власти остается за рамками работы. Хорошо известно, что не существует готовых рецептов для установления оптимальной сетки АТД. Реформы АТД время от времени осуществляются практически во всех странах и, как показывает практика, всегда имеют неоднозначные последствия. Россия не является исключением. За последние несколько столетий в ее истории чередовались тенденции к увеличе-

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 06-03-82302а/У «Пермский край как "политический проект": объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в контексте реформы федеративных отношений в России».*

1. Понятие «регион» имеет десятки определений. В данной статье под регионом понимается субъект Российской Федерации.

нию и уменьшению количества административно-территориальных единиц регионального уровня[2]. В настоящее время возобладала последняя тенденция.

Уменьшение количества регионов может производиться как путем радикальной реформы АТД (когда полностью перекраиваются границы между регионами), так и посредством постепенного, «пошагового» соединения нескольких регионов в новые субъекты («укрупнение регионов»). Пока Россия идет по второму пути. Однако даже такой достаточно умеренный вариант реформирования весьма сложен в политическом отношении. В значительной мере это связано с наследием 1990-х годов – периода, когда утвердился федеративный принцип государственного устройства России, а в субъектах Федерации сложились региональные элиты со своими интересами, ресурсами и моделями политического взаимодействия. Укрупнение регионов предполагает появление некой новой «политической целостности», и очевидно, что интересы политико-административных, культурных, экономических элит прежних субъектов не могут не вступать в противоречие.

Конституция 1993 г. установила, что Российская Федерация состоит из 89 субъектов. Семь из них оказались сложносоставными – так называемые «матрешки», когда один из субъектов (или два) входит в другой субъект («материнский»)[3]. Различные проекты укрупнения регионов, в том числе ликвидации «матрешек», выдвигались еще в 1990-е годы, однако в политическую повестку дня проблема вошла лишь в начале 2000-х годов, поскольку она хорошо вписалась в политику рецентрализации[4]. Для практической реализации укрупнения регионов была создана правовая база – в декабре 2001 г. был принят Федеральный Конституционный Закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации».

Согласно этому закону, новый субъект РФ может быть создан лишь теми регионами, которые имеют общие границы. Они должны обратиться с официальным письмом к Президенту РФ, получить его поддержку и провести референдумы. Лишь в том случае, если идея создания нового субъекта получает поддержку более половины избирателей, принявших участие в голосовании (при условии, что в референдуме участвовали более половины от общего ко-

---

2. Тархов С. Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. // Логос. 2005. – № 1. – С. 100.

3. Этот феномен всегда вызывал противоречивые оценки. См., например: Смирнягин Л.В. Российский федерализм: Парадоксы, противоречия, предрассудки. М.,1998.

4. См., например: Гельман В.Я. Возвращение Левиафана? (Политика рецентрализации в современной России) // Полис. 2006. – № 2; Лапина Н., Чирикова А. Путинские реформы и потенциал влияния региональных элит: Аналитический доклад. М., 2004.

личества зарегистрированных избирателей), вопрос считается решенным положительно. Однако и после этого необходимо, чтобы был принят специальный Федеральный Конституционный Закон (далее такие законы – ФКЗ) о создании нового субъекта РФ, который вносится в Государственную думу Президентом РФ[5].

Таким образом, процедура объединительного процесса достаточно сложна. По этой причине из множества проектов по укрупнению регионов стадии практической реализации достигли пока пяти (Пермский край, Красноярский край, Камчатский край, Иркутская область и Забайкальский край), причем все они касаются сложносоставных субъектов Федерации. Основные характеристики каждого проекта представлены в табл. 1.

Таблица 1

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ УКРУПНЕНИЯ СУБЪЕКТОВ РФ

Укрупняющиеся субъекты РФ	*Наименование нового субъекта РФ*	*Дата референдума*	*Дата принятия ФКЗ*	*Дата образования нового субъекта РФ*	*Дата выборов парламента нового субъекта РФ*
Пермская область	Пермский край	7 декабря 2003	25 марта 2004	1 декабря 2005	3 декабря 2006
Коми-Пермяцкий автономный округ					
Красноярский край	Красноярский край	17 апреля 2005	14 октября 2005	1 января 2007	15 апреля 2007
Таймырский автономный округ					
Эвенкийский автономный округ					
Камчатская область	Камчатский край	23 октября 2005	12 июля 2006	1 июля 2007	2 декабря 2007
Корякский автономный округ					
Иркутская область	Иркутская область	16 апреля 2006	30 декабря 2006	1 января 2008	12 октября 2008
Усть-Ордынский Бурятский автономный округ					
Читинская область	Забайкальский край	11 марта 2007	21 июля 2007	1 марта 2008	12 октября 2008
Агинский Бурятский автономный округ					

5. № 6-ФКЗ от 17.12.2001 «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации».

Теоретически возможны два «крайних» типа укрупнения регионов: «объединение» и «присоединение». В первом из двух (или более) субъектов создается новый субъект (формула «А + В = С»), т.е. интересы всех прежних регионов и региональных элит так или иначе согласовываются и приводятся к общему знаменателю. Во втором, напротив, один из субъектов (или несколько), фактически поглощается другим (формула «А + В = А»), теряя при этом самостоятельный политический вес. Очевидно, что оба варианта представляют собой «идеальные типы», в каждом отдельном случае можно обнаружить элементы того и другого. Однако их соотношение будет разным, следовательно, дихотомия «объединение vs присоединение» – концептуальная шкала, которая позволяет провести сравнительный анализ отдельных случаев укрупнения субъектов Российской Федерации. Именно в этом и заключается цель данной работы.

«Объединение vs присоединение»: Основные показатели

Если рассматривать концептуальную шкалу «объединение vs присоединение» в самом широком смысле, ее операционализация должна включать всю совокупность социально-демографических, социально-экономических, социокультурных, политических характеристик соответствующего проекта по укрупнению регионов. Можно предположить, что примерное равенство социально-демографических и социально-экономических показателей укрупняющихся регионов (при прочих равных условиях) способствует скорее «объединению», нежели «присоединению». Однако во всех пяти рассматриваемых случаях и экономики округов, и численность населения несопоставимы с соответствующими показателями «материнских» субъектов (см. табл. 2). Следовательно, в социально-экономическом смысле они в принципе не могут выступать «равноправным» партнером[6].

Однако в данной работе речь идет не о социально-экономических, а о политических аспектах проблемы: в какой мере «слабые» округа сохраняют самостоятельные политические ресурсы в новом субъекте РФ. Несмотря на указанное «экономическое неравенство», это, в принципе, возможно, но лишь при условии, что они получают некие институциональные гарантии[7]. При таком

6. Не случайно ключевым аргументом сторонников укрупнения во всех пяти случаях было именно то, что данные проекты будут способствовать экономическому развитию автономных округов и преодолению их отсталости. В какой мере это так – вопрос, который выходит за рамки данной работы и требует специального исследования.

7. Это хорошо осознавалось политическими акторами. Не случайно в вопросе, который выносился на референдумы, во всех случаях присутствовало указание на некий «особый статус», который автономные округа должны иметь в рамках нового субъекта Федерации, хотя содержание этого «особого статуса» не конкретизировалось.

подходе операционализация концептуальной шкалы «объединение vs присоединение» применительно к пяти изучаемым случаям сводится к а) наличию / отсутствию и б) к степени реализации таких институциональных гарантий, которые позволяют более слабому автономному округу избежать механического поглощения «материнским регионом», а его элитам сохранить политический вес в процессе принятия решений[8].

Таблица 2

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УКРУПНЯЮЩИХСЯ СУБЪЕКТОВ

Укрупняющиеся субъекты РФ	*Площадь территории (тыс. км²)*	*Население (тыс. человек) (по данным переписи 2002 г.)*	*ВРП (млн. руб., 2003 г.)*
Пермская область	127,7	2683,3	226 060,0
Коми-Пермяцкий автономный округ	32,9	136,1	3099,6
Красноярский край	710,0	2908,6	277 719,3
Таймырский автономный округ	862,1	39,8	2965,4
Эвенкийский автономный округ	767,6	17,7	1858,0
Камчатская область	170,8	333,6	24 956,2
Корякский автономный округ	301,5	25,2	4338,0
Иркутская область	745,2	2446,4	172 830,0
Усть-Ордынский Бурятский автономный округ	22,4	135,3	4188,4
Читинская область	412,5	1083,1	53 568,4
Агинский Бурятский автономный округ	19,0	72,2	2016,0

Как представляется, наиболее значимы в этом плане три группы институциональных установлений. Первая связана с так называемым «переходным периодом», две другие – с институциональными характеристиками нового субъекта РФ.

«Переходный период» – особый и весьма сложный этап осуществления «объединительного проекта». Процедура, которая установлена Федеральным Конституционным Законом «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» такова, что в течение некоторого времени органы власти прежних субъектов Федерации и вновь созданного сосуществуют. В этих условиях возникает целый ряд про-

8. Возможно, при исследовании будущих проектов по укрупнению регионов, которые более «равны» в экономическом отношении, потребуются иная операционализация.

блем, которые с точки зрения интересов округов могут разрешаться поразному[9].

Вторая группа институциональных установлений связана с содержательным определением «особого статуса», который должен противодействовать механическому поглощению слабого субъекта сильным в том, что касается, в первую очередь, «внутренних» дел автономного округа. «Особый статус» может иметь насколько смысловых значений. В контексте поставленной проблемы нас интересует особый статус в административно-территориальном и политико-управленческом планах[10]. В этом смысле «особый статус» территорий бывших автономных округов предусмотрен во всех пяти случаях и в самом общем виде определяется одинаково во всех ФКЗ: «В составе нового субъекта Российской Федерации в границах территории бывшего округа создается административно-территориальная единица с особым статусом»[11]. Однако политико-правовая природа этой административно-территориальной единицы и вытекающая из нее политико-административная система могут быть различными.

Последняя группа институциональных установлений призвана способствовать обеспечению достойной роли автономных округов не во «внутренних» делах, а в решении вопросов на уровне нового субъекта РФ как целого. Речь идет, прежде всего, о неких гарантиях представительства округов в парламенте нового субъекта. Гарантированное представительство, однако, не мешает тому, чтобы, с одной стороны, в автономном округе баллотировались и избирались так называемые «варяги» – политики, не связанные с окружной политической элитой. С другой стороны, это не значит, что окружная политическая элита не может проводить своих представителей по другим округам, увеличивая тем самым свое представительство в региональной легислатуре. В этом плане особое значение имеет та часть депутатов, которая избирается по партийным спискам, тем более что избирательное законодательство поощряет разделение партийных списков на территориальные группы. В последнем случае важно, по какому принципу это делается с точки зрения интересов автономного округа. Таким образом, реальное представительство автономных округов в парла-

9. На ключевое значение вопросов, связанных с взаимодействием между органами власти прежних и нового субъектов, указывают и юристы (см., например: Меркулов Е.С Правовой режим формирования органов государственной власти в условиях образования нового субъекта Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2006. – № 1).

10. Иные аспекты «особого статуса» (гарантии в национально-культурной сфере, социально-экономические преимущества и т.д.) остались за рамками данной работы.

11. Ст. 4 ФКЗ о Пермском крае и ст.5 всех остальных ФКЗ.

менте нового субъекта Федерации определяется не только количеством «гарантированных» мандатов, но и практикой избирательных кампаний.

Таким образом, мы ставим своей задачей провести сравнительный анализ пяти проектов по трем указанным параметрам. Их измерение производится на порядковом уровне. Представляется, что в совокупности данные параметры позволяют достаточно точно определить положение каждого случая на шкале «объединение vs присоединение». Следует лишь оговориться, что осуществление проектов по укрупнению регионов находится на разной стадии, поэтому не все параметры поддаются измерению в каждом случае.

Взаимодействие между органами власти укрупняющихся субъектов и создаваемого субъекта в переходный период

По действующему законодательству невозможно, чтобы и представительный (законодательный) орган власти, и высшее должностное лицо (губернатор) нового субъекта Федерации появились одновременно. Следовательно, требуется более или менее продолжительное время, в течение которого формируются органы власти нового региона, при этом они должны каким-то образом взаимодействовать с органами власти прежних субъектов[12]. Сравнительный анализ пяти случаев обнаруживает две принципиально различные модели разрешения данной коллизии.

Первая модель предполагает, что образование нового субъекта начинается с наделения полномочиями его губернатора. Не позднее, чем за 35 дней до даты образования нового региона, установленной соответствующим ФКЗ, Президент вносит кандидатуру высшего должностного лица сразу в два региональных парламента, и каждый из них должен принять самостоятельное решение по поводу губернатора нового региона.

Впервые этот вариант был разработан и осуществлен в пермском проекте. Здесь ситуация упрощалась тем, что полномочия губернаторов области и округа истекали одновременно – в декабре 2005 г. Спустя всего год и также одновременно – в декабре 2006 г. – заканчивался срок полномочий законода-

12. Следует оговориться, что в первых двух проектах (пермский и красноярский) законодатель определил начало переходного периода с момента образования нового субъекта, а в трех последующих – с момента вступления в силу соответствующего ФКЗ. Последнее ведет к тому, что в течение первого этапа переходного периода (до официального образования нового субъекта) сосуществуют все региональные органы прежних субъектов Федерации, а органы власти нового субъекта отсутствуют. В данном случае этим отличием можно пренебречь, так как мы рассматриваем ситуацию после образования нового субъекта, а не определение рамок переходного периода.

тельных собраний. Поэтому «технически» в основу процесса можно было положить принцип, согласно которому при образовании нового субъекта не должно быть досрочного прекращения полномочий органов государственной власти прежних субъектов[13]. Поскольку пермский проект вступил в стадию практической реализации еще до отмены прямых выборов губернаторов, изначально ФКЗ связал дату образования нового субъекта с выборами губернатора Пермского края. Затем были внесены поправки, и в октябре 2005 г. законодательные собрания двух прежних субъектов наделили полномочиями О.А. Чиркунова, кандидатуру которого внес Президент[14].

В дальнейшем эта модель была использована при образовании Камчатского и Забайкальского краев, но здесь ситуация была более сложной, так как полномочия органов власти прежних субъектов заканчивались в разное время. Руководитель Камчатской области М.Б. Машковцев был избран в декабре 2004 г. (один из последних избранных губернаторов), и его срок истекал только в 2009 г. Глава Корякского АО О.Н. Кожемяко был наделен полномочиями в апреле 2005 г. уже по новым правилам (после скандального досрочного увольнения прежнего главы В.А. Логинова). Поэтому ФКЗ определил, что их полномочия прекращаются после 1 июля 2007 г., когда будет создан новый субъект и наделен полномочиями его губернатор. В результате оба руководителя лишились власти, так как Президент предложил кандидатуру А.А. Кузьмицкого, и парламенты прежних субъектов согласились с ней.

В забайкальском варианте полномочия избранного в 2004 г. губернатора Читинской области Р.Ф. Гениатулина истекают в марте 2008 г., а глава администрации Агинского Бурятского АО Б.Б. Жамсуев в сентябре 2005 г. был

---

13. Этот принцип был закреплен в Меморандуме, подписанном руководителями области и округа еще в феврале 2003 г. (Меморандум об образовании нового субъекта Российской Федерации путем объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Ст. 2.3 // Объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа: Сборник документов. Пермь, 2004. – С. 28).

14. Ситуация в пермском варианте усложнилась тем, что в марте 2004 г. губернатор Пермской области Ю.П. Трутнев был назначен министром природных ресурсов. Чтобы не проводить досрочных выборов, в ФКЗ была внесена норма, согласно которой «в случае досрочного прекращения полномочий губернатора Пермской области или главы администрации Коми-Пермяцкого автономного округа выборы высшего должностного лица соответствующего субъекта Российской Федерации после подведения итогов референдума об образовании Пермского края не проводятся, а временно исполняющий обязанности губернатора Пермской области или главы администрации Коми-Пермяцкого автономного округа назначается Президентом Российской Федерации». На основании этого Президент назначил О.А. Чиркунова исполняющим обязанности губернатора области до декабря 2005 г. Таким образом, практика «назначения губернаторов» впервые оказалась «обкатана» на Пермской области.

наделен полномочиями по новой системе. Поэтому здесь ФКЗ также сократил срок их полномочий до момента образования нового субъекта и наделения полномочиями его руководителя (это произойдет 1 марта 2008 г.).

Окончание переходного периода в первой модели совпадает с выборами в парламент нового субъекта, дату которых устанавливает ФКЗ. В Пермском крае этот период продолжался год (с 1 декабря 2005 до декабря 2006 г.[15]), в двух других случаях предполагается полгода (Камчатский край – с 1 июля 2007 до декабря 2007 г.[16], Забайкальский край – с 1 марта 2008 до 12 октября 2008 г.). В связи с этим встает вопрос о сроке полномочий парламентов прежних регионов.

Проблемы, как уже отмечалось, не было лишь в пермском варианте. В Камчатской же области Совет народных депутатов был избран в декабре 2001 г., а Дума Корякского АО – в декабре 2004 г. Поэтому ФКЗ сократил срок ее полномочий, а полномочия Совета народных депутатов, наоборот, были продлены. В Забайкалье срок, назначенный для выборов парламента нового субъекта (12 октября 2008 г.), фактически совпадает с истечением срока полномочий Читинской областной думы (она была избрана в октябре 2004 г.), но срок полномочий Агинской Бурятской окружной думы, избранной в октябре 2005 г., пришлось сократить.

Таким образом, в обоих случаях парламенты автономных округов оказались «пострадавшими». Однако вряд ли здесь стоит усматривать ущемление прав округов. Скорее, это было связано с чисто технической проблемой приведения к общему знаменателю несовпадающих сроков полномочий.

Итак, первая модель предполагает, что после образования нового региона в течение определенного времени сосуществуют органы власти прежних и нового субъектов. Вопросы, которые возникают в связи с этим, можно разделить на три группы.

Во-первых, проблема взаимоотношений между губернатором нового субъекта и парламентами прежних субъектов. Все ФКЗ указывают, что отношения между ними регулируются теми нормами, которые сложились в прежних субъектах.

Во-вторых, вопрос о взаимоотношениях между губернатором нового субъекта и органами исполнительной власти прежних субъектов. Здесь также обнаруживается единообразное решение: после вступления «единого» (краевого) губернатора в должность он осуществляет руководство всеми органами испол-

15. В первой редакции ФКЗ дата выборов Законодательного собрания Пермского края не была установлена (указывалось лишь, что «не позднее 31 января 2007»). Точная дата была определена позже через внесение поправок.

16. В ФКЗ дата тоже не была точно установлена («до 31 декабря 2007»), позднее было принято решение провести выборы одновременно с выборами в Государственную думу РФ – 2 декабря 2007 г.

нительной власти прежних субъектов. В то же время он разрабатывает и вводит в действие временную систему управления новым субъектом. Она функционирует до тех пор, пока законодательное собрание нового субъекта не установит постоянно действующую систему. Очевидно, ключевой вопрос здесь – как именно будет управляться территория бывшего автономного округа. Его решение тесно связано с определением особого статуса, и мы рассмотрим это в следующем разделе.

В-третьих, проблема сосуществования двух парламентов. Во всех случаях ФКЗ устанавливали, что они совместно осуществляют полномочия законодательного органа власти нового региона, в том числе принимают законы нового субъекта Федерации. В связи с этим возникает вопрос о правилах принятия совместных решений. Для Пермского и Камчатского краев ФКЗ определили, что решения считаются принятыми, если «за» проголосовало большинство от общего числа депутатов обоих парламентов. Следует иметь в виду, что численность парламентов «материнского» региона и автономного округа не одинакова. В Прикамье было 40 и 15 соответственно, на Камчатке – 39 и 12. Следовательно, интересы автономных округов (даже с учетом того, что они имели «своих» депутатов в парламенте «материнского» субъекта) несколько ущемляются. В ФКЗ по поводу Забайкальского края принято более демократичное правило: решение считается принятым, если за него проголосовало необходимое большинство в каждом парламенте.

Вторая модель предусматривает обратную очередность формирования органов власти нового субъекта. Сначала избирается представительный (законодательный) орган. Затем Президент (не позднее, чем через 35 дней после завершения его формирования) вносит кандидатуру высшего должностного лица нового субъекта, и парламент наделяет его полномочиями. Казалось бы, это нисколько не противоречит принципу «равенства» укрупняющихся субъектов, однако если в первой модели образование нового субъекта «привязано» к появлению «единого» губернатора, то здесь новый субъект образуется до выборов в парламент. Поэтому ФКЗ устанавливают, что со дня образования нового субъекта и до выборов нового парламента органы власти одного из прежних субъектов осуществляют полномочия органов власти нового субъекта. Логично, что эта миссия возлагается на органы власти «материнского» субъекта, а не автономного округа. Ведь во всех случаях укрупняются «матрешечные» регионы, для которых характерно, что органы власти «материнского» региона всегда рассматривались как «общие» и формировались при участии автономных округов.

Несомненно, эта модель значительно ближе к типу «присоединение», нежели первая. Видимо, не случайно это отразилось даже в наименовании нового региона. Если в первой модели название нового региона не совпадает с

прежними, то Красноярский край и Иркутская область – названия, которые носил один из прежних субъектов – «материнский».

Впервые вторая модель была разработана при образовании Красноярского края (как нового субъекта). ФКЗ установил 1 января 2007 г. как дату образования Красноярского края, а выборы в Законодательное собрание нового субъекта назначил на 15 апреля. В связи с этим с 1 января 2007 г. полномочия губернаторов и парламентов Таймыра и Эвенкии были прекращены, а на губернатора и Законодательное собрание Красноярского края (как прежнего субъекта) были возложены соответствующие полномочия органов государственной власти нового региона. Так как срок полномочий Законодательного собрания Красноярского края истекал в декабре 2006 г. (оно было избрано в 2001 г.), их пришлось продлить. Одновременно до конца 2006 г. были продлены и полномочия Законодательного собрания (Суглана) Эвенкийского АО, которые истекали в марте 2006 г. Срок полномочий Думы Таймырского АО, избранной всего два года назад в январе 2005 г., напротив, был существенно сокращен.

Что касается губернаторов, срок полномочий был сокращен у всех троих. Больше всего «пострадал» глава Эвенкии Б.Н. Золотарев. Он в марте 2005 г. был наделен полномочиями по новой системе (вплоть до 2010 г.). Руководитель Таймыра О.М. Бударгин был избран в январе 2003 г., и его срок полномочий истекал в январе 2008 г. У губернатора Красноярского края (как прежнего субъекта) А.Г. Хлопонина полномочия заканчивались в сентябре 2007 г. С января 2007 г. он стал исполнять полномочия губернатора «нового» субъекта, а после выборов нового парламента в июне 2007 г. стал «полноправным» губернатором нового региона.

Иркутская область пошла тем же путем. Она появится на карте России 1 января 2008 г., и с этого момента до 12 октября 2008 г. (дата выборов парламента нового субъекта) Законодательное собрание прежней Иркутской области, а также ее губернатор будут осуществлять полномочия органов власти нового субъекта. Соответственно Дума Усть-Ордынского Бурятского округа, избранная совсем недавно (в марте 2004 г.), прекратит свою работу. Одновременно должны были бы досрочно прекратиться полномочия и губернатора округа В.Г. Малеева, избранного тоже не так давно (в ноябре 2004 г.). Однако В.Г. Малеев, не дожидаясь 1 января 2008 г., сразу после принятия в конце 2006 г. ФКЗ подал в отставку, и Президент возложил его обязанности на губернатора Иркутской области А.Г. Тишанина[17]. Возможность такого «совмещения» двух должностей предусмотрена в двух ФКЗ (по Иркутской области и Забайкальскому краю).

17. Малеев был избран на дополнительных выборах депутатом Государственной думы. Вероятно, этот вариант был заранее согласован заинтересованными сторонами.

Отличие иркутского варианта от красноярского состоит, прежде всего, в том, что период, когда органы власти одного их прежних субъектов осуществляют полномочия органов власти нового субъекта, значительно длиннее. В Красноярском крае он составил всего 5 месяцев: 1 января 2007 г. был образован новый субъект, 16 апреля прошли выборы Законодательного собрания, а 4 июня избранный парламент наделил А.Г. Хлопонина полномочиями губернатора нового субъекта. В Иркутской области между образованием нового региона и завершением формирования его органов власти пройдет почти год. Все это время Законодательное собрание прежней Иркутской области будет работать в качестве парламента нового региона. Что касается высшего должностного лица, губернатор прежней Иркутской области будет руководить «новым» субъектом, фактически два года, поскольку, как уже отмечалось, с января 2007 г. А.Г. Тишанин совмещает полномочия руководителей обоих субъектов.

Вторая модель снимает целый ряд проблем в плане взаимоотношений между прежними и новыми органами власти. Здесь нет проблемы сосуществования нового губернатора и прежних парламентов, нет необходимости выстраивать совместную работу парламентов прежних субъектов. По большому счету, остается лишь вопрос о взаимодействии нового (точнее, исполняющего обязанности нового) губернатора с органами исполнительной власти прежних субъектов. В принципе, он решается так же, как и в первой модели. Исполняющий обязанности губернатора нового субъекта осуществляет руководство всеми органами исполнительной власти прежних субъектов и вводит временную систему управления.

Особый статус административно-территориальных единиц

Решение проблемы «особого статуса» бывших автономных округов (в административно-территориальном и политико-управленческом плане) существенно осложняется тем, что процессы укрупнения протекают одновременно с введением в действие Федерального Закона «Об основных принципах организации местного самоуправления в РФ», который требует создания во всех без исключения регионах России двухуровневой системы МСУ. В этом контексте обнаружились два разных подхода.

Первый вариант – округ становится муниципальным образованием второго уровня[18]. Но тогда возникает вопрос, чем отличается статус территории

18. По мнению некоторых юристов, такой вариант нарушает принцип «особого статуса», так как образование административно-территориальной единицы с особым статусом предполагает институционализацию государственной власти на соответствующей территории (Кочев В.А. Образование нового субъекта РФ – Пермского края: Правовые аспекты // Политический альманах Прикамья. Вып. 5. Пермь, 2005).

бывшего автономного округа по сравнению с другими муниципальными образованиями второго уровня. Вероятно, единственно возможный ответ – передавать данному муниципальному образованию больше функций органов государственной власти субъекта Федерации, чем другим муниципальным образованиям второго уровня. Такая «особость», наверное, должна быть зафиксирована, по меньшей мере, на уровне Устава нового субъекта.

Этот вариант реализуется в Красноярском крае. До укрупнения на Таймыре действовала районно-городская модель МСУ (четыре муниципальных района), а в Эвенкии – поселенческая (24 поселения). С 1 января 2007 г., когда образовался новый субъект, Таймырский и Эвенкийский автономные округа получили статус муниципальных районов. При этом Эвенкии удалось полностью сохранить прежнюю организацию МСУ и оставить поселенческие муниципалитеты. На Таймыре пришлось преобразовать бывшие муниципальные районы в муниципальные образования поселенческого уровня. Для этого в ФКЗ была внесена норма, согласно которой некоторые требования № 131-ФЗ не действуют на территориях с особым статусом. Речь шла, прежде всего, о так называемом принципе «пешей доступности» при создании муниципальных образований поселенческого уровня.

Очевидно, если не делать исключений из № 131-ФЗ, реализация этого варианта «особого статуса» ставит местные элиты бывших округов, которые использовали районно-городскую модель, перед достаточно сложной дилеммой. Либо бывший округ получает статус муниципального образования второго уровня, но тогда придется ликвидировать прежние муниципалитеты районного звена, либо принимается решение сохранить их, но тогда придется отказаться от наделения статусом муниципального образования второго уровня территорию округа как таковую.

Последнее представляет собой второй вариант решения вопроса об особом статусе территории бывшего автономного округа. Он реализуется в Пермском крае. До укрупнения в Коми-Пермяцком автономном округе действовала районно-городская модель МСУ (шесть районов и один город – Кудымкар), и чиновники районного звена выступили против ликвидации этого уровня власти. В ходе острых дискуссий им удалось отстоять свои позиции. Устав Пермского края зафиксировал, что Коми-Пермяцкий округ является не муниципальным образованием, а административно-территориальной единицей с особым статусом округа[19].

19. Правда, в статье 38 Устава сделана оговорка, что «при наличии волеизъявления населения Коми-Пермяцкого округа в его границах в соответствии с федеральными законами, Уставом и законами Пермского края может быть образовано единое муниципальное образование».

Особый статус заключается в создании специальной (для данной территории) системы органов власти. Следует отметить, что в пермском варианте еще на стадии согласования позиций двух укрупняющихся регионов было определено, что после укрупнения КПАО должен сохраниться как «особая административно-территориальная единица в составе области (автономный округ без статуса субъекта Федерации с наличием представительных и исполнительных органов власти)»[20]. Теперь ясно, что эту договоренность не удается реализовать в полной мере, поскольку созданная система не предусматривает наличия в округе представительного органа власти[21].

В определенной степени тенденция в сторону второго варианта наметилась еще при принятии ФКЗ, который определил, что в переходный период губернатор Пермского края назначает специальное должностное лицо для непосредственного руководства органами исполнительной власти КПАО[22]. На практике это было сделано через введение в 2005 г. дополнительной должности вице-губернатора. Затем еще до окончания переходного периода в июне 2006 г. губернатор ввел временную систему управления, в соответствии с которой было создано правительство края. В составе правительства предусмотрена специальная должность главы Коми-Пермяцкого округа Пермского края в ранге краевого министра. Примечательно, что, хотя норма ФКЗ о специальном должностном лице была соблюдена, его статус существенно снизился. Теперь глава округа – не заместитель губернатора, и даже не заместитель председателя правительства, а всего лишь один из руководителей отраслевых ведомств. Принятый в апреле 2007 г. Устав Пермского края лишь закрепил эту систему[23].

---

20. Меморандум об образовании нового субъекта Российской Федерации путем объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Ст. 1.2 // Объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа: Сборник документов. Пермь, 2004. – С. 28.

21. В меморандуме говорится о «представительных органах власти» во множественном числе. Поэтому формально можно сослаться на наличие таковых в муниципальных образованиях, созданных на территории округа, но вряд ли этот аргумент снимает вопрос.

22. Во всех остальных случаях ФКЗ не содержат такой нормы.

23. Ст. 37 Устава определяет, что «государственная власть Пермского края на территории Коми-Пермяцкого округа осуществляется органами государственной власти Пермского края. В структуре исполнительных органов государственной власти Пермского края действует исполнительный орган государственной власти Пермского края – Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Ст. 41 указывает, что руководство этим министерством осуществляет глава Коми-Пермяцкого округа – министр Пермского края, который входит в состав краевого правительства. Как и все остальные министры, он назначается и освобождается от должности губернатором края по представлению председателя Правительства сроком от одного до пяти лет.

Представляется очевидным, что второй вариант значительно ближе к типу «присоединение», нежели «объединение». По большому счету, территория округа имеет здесь особый статус лишь как объект, а не субъект управления. При этом бывший округ как единое целое вообще лишается каких-либо органов власти, относительно самостоятельных (каковыми являются органы МСУ) по отношению к региональным властям.

Что касается трех остальных регионов, пока трудно делать однозначные выводы относительно того, какой вариант будет выбран. Процесс укрупнения в этих регионах еще далек от завершения. Ничто не мешает данным регионам изменить организацию местного самоуправления, ликвидировать на территории округов муниципальные районы и наделить этим статусом округа. Поэтому до тех пор, пока не приняты уставы новых субъектов, вопрос остается открытым.

Представительство округов в органах государственной власти нового субъекта

Тот факт, что все рассматриваемые случаи укрупнения регионов относятся к сложносоставным субъектам Федерации, означает, помимо прочего, что еще до «укрупнения» округа обладали представительством в органах власти «материнских» субъектов. В табл. 3 содержатся сравнительные показатели такого представительства. Характерно, что почти во всех случаях доля депутатов парламентов «материнских» субъектов, которые избирались от автономных округов, примерно соответствовала численности их населения. Иными словами, каких-то особых преимуществ в этом плане у округов не было. Единственное исключение – Красноярский край, но оно объясняется тем, что оба округа крайне малочисленны (суммарно их доля составляет всего около 2% от общей численности населения края). Поэтому даже предоставление им по одному депутатскому мандату существенно нарушало требование законодательства о примерном равенстве избирательных округов с точки зрения количества избирателей. Впрочем, избирательное законодательство допускает такое отступление именно применительно к избирательным округам, которые создаются на территории автономного округа, входящего в состав другого субъекта Федерации[24].

24. № 67-ФЗ от 12.06.2002 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Ст. 18; п. 4.

Таблица 3

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ОКРУГОВ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТАХ

	Пермский край	*Красноярский край*	*Камчатский край*	*Иркутская область*	*Забайкальский край*
Доля населения АО в %	4,83	1,94	7,02	5,25	6,25
ПАРЛАМЕНТ ПРЕЖНЕГО «МАТЕРИНСКОГО» СУБЪЕКТА					
Численность парламента и избирательная система	40 (плюр.)	42 = 22 (плюр.) + 20 (проп.)	39 депутатов: 13 трехмандатных округов	45 = 22 (плюр.) + 23 (проп.)[25]	42 = 21 (плюр.) + 21 (проп.)[26]
В том числе от территории округа (ов)	2 депутата в одномандатных округах	по 1 одномандатному округу в каждом АО	3 депутата (1 трехмандатный округ)	1 депутат (одномандатный округ)	1 депутат (одномандатный округ)
% депутатов, избиравшихся от округа	5	4,8	7,7	4,5	4,8
ПАРЛАМЕНТ НОВОГО СУБЪЕКТА					
Численность парламента и избирательная система	60 = 30 (проп.) + 30 (плюр.)	52 = 26 (проп.) + 26 (22 плюр. + 2 двухмандатных округа)	50 = 27 проп + 23 (13 плюр. + 10 от округа)	50 = 25 (проп.) + 25 (плюр.)	50 = 25 проп + 25 плюр.
В том числе от территории бывшего округа (ов)	2 депутата в одномандатных округах	4 депутата (по 2 двухмандатных округа в каждом АО)	10 депутатов (в одно- или многомандатных округах)	4 депутата (в многомандатном округе)	5 депутатов (в многомандатном округе)
% депутатов, избираемых от территории бывшего округа (ов)[27]	6,67	15,38	43,48	16	20
Формат партийных списков	8 региональных групп, из них 1 – на территории округа	3 региональные группы – Центр, Север и Юг	14 региональных групп, из них 1 – на территории округа	н/д	н/д

В ходе укрупнения ситуация изменилась, во всех ФКЗ предусмотрены нормы, гарантирующие бывшим округам «завышенное» представительство в

25. До реформы 2003 г. в парламенте было 45 депутатов, избиравшихся по плюральной системе.

26. До реформы 2003 г. в парламенте было 39 депутатов, избиравшихся по плюральной системе.

27. Без учета выборов по партийным спискам.

региональном парламенте нового субъекта. Прежде всего, это относится к депутатам, которые избираются по мажоритарной системе[28]. Наибольшие институциональные гарантии в этом смысле получил Корякский округ, от которого будут избраны 10 депутатов из 23 (более 40%). Коми-Пермяцкий округ, напротив, получил лишь 2 депутата – всего 6,67%. Столько же депутатов округ имел в областном Законодательном собрании и раньше, хотя формально его представительство несколько возросло, если учесть, что количество одномандатников в новом парламенте уменьшилось с 40 до 30. В остальных трех случаях представительство округов составляет от 15 до 20% от количества депутатов, избираемых по мажоритарной системе, что существенно выше, чем их доля в населении нового субъекта.

Что касается пропорциональной части, здесь ключевое значение имеет формат партийных списков. Как известно, в первые годы избирательной реформы в регионах подавляющее большинство субъектов Федерации предпочитали использовать закрытые и «единые» партийные списки[29]. Именно так, в частности, проводились в 2004 г. выборы в Иркутское Законодательное собрание и Читинскую областную думу, а еще раньше – в парламент Красноярского края. Очевидно, этот вариант не способствует увеличению представительства территорий, в том числе автономных округов. Как правило, «проходные места» в верхней части партийного списка распределялись между наиболее влиятельными политиками регионального уровня. Это было одной из причин, почему все эти годы ЦИК настоятельно рекомендовала разбивать партийные списки на территориальные группы (в законодательстве они не очень удачно именуются «региональными»). Теоретически такая система должна стимулировать представительство локальных элит в региональном парламенте. На практике, однако, это зависит от формата разбивки партийного списка на региональные группы.

Поскольку положение о выборах в парламенты Иркутской области и Забайкальского края еще не принято, мы можем сравнить по этому параметру лишь три случая. В Пермском крае после длительных дискуссий и согласования позиций было решено, что в каждом партийном списке, помимо общекраевой части из трех кандидатов, должно быть восемь региональных групп, одна из них должна соответствовать территории Коми-Пермяцкого округа.

---

28. Во всех рассматриваемых случаях на выборах региональных парламентов принята смешанная избирательная система: половина депутатов избираются в одно- или многомандатных округах по мажоритарному принципу, другая половина – по партийным спискам на основе пропорционального принципа. Только в Камчатском крае соотношение между этими двумя частями «сдвинуто» в пользу второй. Параметры избирательных систем представлены в табл. 3.

29. Подробнее см.: Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. – М., 2006. – С. 181–187.

На выборах депутатов Камчатского края (декабрь 2007 г.) количество региональных групп стало еще больше – 14. Это связано с тем, что каждая из 13 региональных групп соответствует территории одного из 13 одномандатных избирательных округов, которые образуются на территории бывшей Камчатской области (без Корякского округа), а 14-я региональная группа соответствует территории Корякского округа. Здесь все сделано так, что средняя численность избирателей в каждом из 13 округов примерно равна количеству избирателей на территории Корякского округа. Таким образом, каждая из 14 региональных групп партийных списков соответствует территории с примерно равным количеством избирателей. Этим камчатский вариант отличается от пермского, где региональные группы в партийных списках не были привязаны к одномандатным округам, а территории, которым они соответствовали, не были равны по численности избирателей (Коми-Пермяцкая региональная группа имела в этом смысле существенное преимущество).

Принципиально иной формат партийных списков был использован на выборах Законодательного собрания Красноярского края. Здесь партийные списки были разделены всего на три региональные группы – Центр, Север и Юг. Они соответствовали территориям с примерно равным количеством избирателей, но это лишило Таймыр и Эвенкию возможности иметь собственные региональные группы.

Итоги выборов в Законодательные собрания Пермского и Красноярского краев доказывают, что выделение в партийных списках региональной группы, соответствующей территории бывших автономных округов, благоприятно сказывается на их представительстве в парламенте нового субъекта. Депутатские мандаты, «гарантированные» бывшим округам по мажоритарной системе, хотя и не всегда достаются представителям «местных» элит, имеют для них весьма важное значение. Таймыр и Эвенкия, которые увеличили свое представительство в парламенте нового субъекта с одного до двух мандатов, в этом смысле оказались в более выигрышном положении, нежели Коми-Пермяцкий округ. Вероятно, в следующих трех случаях (Иркутская область, Забайкалье и, особенно, Камчатка), где округа имеют значительно больше гарантированных мандатов, эта тенденция проявится еще более сильно. В то же время коми-пермяцкая элита смогла компенсировать этот «минус» за счет образования «коми-пермяцких» региональных групп в партийных списках при выборах по пропорциональной системе. За счет этого ей удалось провести в краевой парламент дополнительных депутатов. Таймыр и Эвенкия были лишены такой возможности. Следовательно, для обеспечения представительства «местных» элит в органах власти нового субъекта имеют значение обе составляющие избирательной системы, а также практика избирательной кампании.

Заключение

Суммируя результаты сравнительного анализа, необходимо, прежде всего, отметить, что, несмотря на достаточно жесткие правовые рамки, которые задаются федеральным законодательством, опыт первых случаев укрупнения субъектов Российской Федерации обнаруживает значительное разнообразие в решении целого ряда ключевых вопросов, определяющих место бывших автономных округов в новом регионе как «политической целостности». Это касается всех трех параметров, по которым проводилось сравнение.

Измерение каждого параметра на порядковом уровне позволяет ранжировать рассматриваемые случаи по шкале «объединение vs присоединение». Результаты представлены в итоговой схеме.

	Взаимодействие между органами власти в переходный период	Особый статус округа в административно-территориальном и политико-управленческом плане	Представительство округа в парламенте нового субъекта	
			По мажоритарным избирательным округам	По партийным спискам
ОБЪЕДИНЕНИЕ	*Забайкальский край*	*Красноярский край*	*Камчатский край*	*Пермский край*
↕	*Пермский край* *Камчатский край*	*Забайкальский край (?)* *Камчатский край (?)* *Иркутская область (?)*	*Забайкальский край* *Иркутская область* *Красноярский край*	*Камчатский край (?)*
ПРИСОЕДИНЕНИЕ	*Красноярский край* *Иркутская область*	*Пермский край*	*Пермский край*	*Красноярский край*

Весьма показателен тот факт, что по разным параметрам каждый случай занимает на представленной шкале разное положение. Иначе говоря, при реализации каждого проекта укрупнения регионов одновременно наблюдаются разнонаправленные тенденции при определении различных институциональных установлений. В этих условиях не вполне корректно делать вывод, какой из регионов демонстрирует склонность к «присоединению» либо «объединению» в целом, так как оценить «значимость» каждого отдельного параметра в «общей сумме» не представляется возможным. Тем не менее можно высказать

предположение, что в Иркутской области институциональные гарантии, которые позволяют более слабому автономному округу избежать механического поглощения, в целом, выглядят более слабыми, а в Камчатском и Забайкальском краях, напротив, более сильными. В то же время во всех трех случаях процесс еще далек от завершения, и ситуация может в какой-то мере измениться.

В Пермском и Красноярском краях, наоборот, он практически заканчивается. Очевидно, эти два случая стали «образцами» для остальных. Именно здесь были впервые разработаны разные модели взаимодействия между органами власти в переходный период, а также разные варианты определения особого статуса округов в административно-территориальном и политико-управленческом планах, которые затем были использованы в других случаях. Примечательно, что если по одним позициям ближе к типу «объединение» пермский вариант, то по другим – красноярский, и наоборот.

О.В. Шульгина

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ В XX ВЕКЕ

Шульгина Ольга Владимировна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой экономической географии и социальной экологии Московского городского педагогического университета.

Прошедшее столетие было для России веком сильнейших политических потрясений и кардинальных социально-экономических преобразований, которые пока еще не получили глубокого осмысления в научных публикациях. Крушение империи; формирование нового союзного государства, в котором Россия формально выступала уже только как равноправный партнер с национальными республиками; создание независимого российского государства, правопреемника СССР – все эти перемены сопровождались крупными изменениями пространственных границ российского государства, трансформацией его геополитического положения и преобразованиями административно-территориального деления.

Прежде всего, с последним столетием связаны значительные изменения внешних границ и внутреннего устройства территории России. И если в предшествовавшие века главной тенденцией было присоединение земель к Российскому государству, то в рассматриваемый период происходили в основном процессы противоположные. Важно подчеркнуть, что территориальные изменения явились следствием не только присоединения или выхода тех или иных регионов из состава России, они отразили и общую сущность изменений политической системы России, прежде всего перехода от имперской стратегии к формированию федерального государственного устройства.

В начале XX в. Российская империя имела самую большую территорию за всю историю Российского государства. Размер ее и очертания границ существенно отличались от современных аналогичных параметров. В состав Российского государства того периода, помимо большей части территории современной России входили: Великое княжество Финляндия, нынешние балтийские

государства, Белоруссия, часть Польши (Царство Польское), бóльшая часть современной Украины, Молдавия (Бессарабия), Закавказье, Казахстан, Средняя Азия (за исключением Хивы и Бухары). К тому времени еще не были включены в состав России: архипелаг Северная Земля (он был открыт и присоединен к Российскому государству позднее – в 1914 г.); Тува (вошедшая в состав России в 1944 г.), Курильские острова (отошедшие к России в 1945 г.), Калининградская область (присоединенная к России в 1946 г.).

В тот период Россия являлась самым большим по площади государством мира. После длительного увеличения территории – конец XIX – начало XX в. оказались временем относительной стабильности и в определенной степени ознаменовали окончание процесса территориального собирания единой Российской империи. К этому времени она имела не только самую большую территорию, но и устоявшуюся систему территориального управления.

Тогда же в России сложилась трехзвенная система территориального управления, которую можно выразить следующей «формулой»: губерния – уезд – волость. *Губернии* со времен Петра I являлись наиболее крупными административно-территориальными единицами России. Кроме губерний, крупными административно-территориальными единицами того же уровня были области. Областями назывались территории, расположенные на окраине страны или на землях казачьих войск.

На европейской части России были образованы в основном губернии, за исключением южных территорий, где были выделены область Войска Донского, а также Карская, Кубанская, Терская и Дагестанская области. На территории Сибири помимо Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний существовали Забайкальская, Амурская, Приморская и Якутская области. Средняя Азия имела только областное деление: в ней существовало девять областей: Акмолинская, Закаспийская, Самаркандская, Семипалатинская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Тургайская, Уральская, Ферганская.

Сложившаяся система административно-территориального деления чаще всего критиковалась за ее механистичность, несоответствие нуждам экономического и социального развития территории. Оно рассматривалось как производное фискального и полицейского порядка, а не как следствие соответствия объективным факторам зонирования, причем в этом соглашались критики, разделявшие различные политические взгляды. Острой, уничтожающей была критика существующего административно-территориального деления в работах В.И. Ленина. Он оценивал губернско-уездную систему России как средневековую, крепостническую, казенно-бюрократическую, отвечающую требованиям бюрократии, рутины, помещиков, попов.

Однако не только представители революционного крыла, но и специалисты по проблемам регионального управления высказывали подобные взгляды*.

Количество крупных административно-территориальных единиц Российской империи к началу XX в. достигло 97, в том числе 78 губерний, 18 областей и 1 остров – Сахалин.

Административно-территориальными единицами более низкого ранга следующего за губерниями, являлись *уезды и округа*. Последние существовали в основном в областях. Из губерний на округа делились только Черноморская, Кутаисская и Сибирские губернии. В областях Кубанской, Терской и Сыр-Дарьинской некоторые округа назывались отделами. В Енисейской губернии две территории, соответствующие округам, назывались краями: Туруханский и Усинский. Кроме того, особые, соответствующие уездам и округам подразделения имелись в Астраханской губернии: Киргизская и Калмыцкая степи (Внутренняя Букеевская орда), земли Астраханского казачьего войска. В Ставропольской губернии выделялась территория кочующих народов. Всего в России к началу XX в. насчитывалось 815 административно-территориальных единиц уездного уровня (уездов, округов, отделов, краев и пр.)

Волости являлись единицами крестьянского управления и суда. Они охватывали лишь крестьянские земли, не покрывая всей площади уездов. Волостное управление составляли: волостной сход (из всех волостных и сельских должностных лиц и выборных, – по одному от каждых десяти дворов), волостной старшина, волостное правление (куда входили волостной старшина, сельские старосты и сборщики податей); волостной суд. Волость состояла обычно из нескольких сельских обществ (общин), органами управления которых являлись сельский сход из домохозяев всей общины и сельский староста. В ряде регионов волости были заменены следующими административно-территориальными единицами: гминами (в губерниях Царства Польского), станицами (в местностях, заселенных казаками), улусами (среди, так называемого, инородческого населения). Всего административно-территориальных единиц данного уровня в России в 1897 г. было 18 012.

Административно-территориальное деление России начала XX в. сформировалось в результате жестко централизованного управления, что предполагало максимальное дробление территорий с целью приближения чиновничьего, полицейского и фискального аппарата к населению. Границы административно-территориальных единиц практически не корреспондировались с другими управленческими функциями (военной, судебной, образовательной, церковным

* *В частности, географ Корвин-Веледницкий в статье «Проект административного деления Европейской России» отмечал отсутствие учета национального фактора в проекте (ГАРФ. Р-5677, опись 1, дело 7, л.334).*

управлением и пр.), они также не учитывали особенности национальной структуры и специфику национального расселения, экономико-географические особенности деления страны.

К октябрю 1917 г. после ряда последовательных преобразований в рамках политики, проводимой Российской империей и Временным правительством общее количество крупнейших административно-территориальных единиц выросло до 101.

После Октябрьской революции Россия пережила радикальную реформу административно-территориального деления, которая была связана как со значительными изменениями числа административно-территориальных единиц, так и с изменением их статуса. Уже к 1922 г. в административно-территориальном делении России был выделен ряд административно-территориальных образований по национальному признаку. Процесс преобразований осуществлялся в сложных условиях становления новой власти, и в нем отчетливо можно выделить два периода:

• Первый период – «власти на местах», когда местные органы производили перекройку самостоятельно без санкций центра. Этот период может быть назван периодом стихийных революционных преобразований.

• Второй период – «время образования Административной комиссии при Президиуме ВЦИК (февраль 1920 г.[1]), когда вся работа по административному районированию была сосредоточена в центре». Этот период может быть назван периодом начала централизованных преобразований административно-территориального деления России.

Ко времени образования СССР (1922) в Российской Федерации еще сохранялась инерция прежней административно-территориальной структуры, даже усугубленная большим дроблением территорий по национальному признаку и выделения более мелких самостоятельных регионов (Рыбинская, Череповецкая, Иваново-Вознесенская губернии и пр.). Количество административно-территориальных единиц на этот период сократилось и составило 87. К этому году в рамках Российской Федерации было выделено 11 автономных областей: Адыгейская, Бурят-Монгольская на территории Иркутской губернии и Бурят-Монгольская на территории Читинской губернии, Вотская, Кабардино-Балкарская, Калмыцкая, Карачаево-Черкесская, Коми (Зырянская), Марийская, Ойротская, Чувашская и десять автономных республик: Башкирская, Горская, Дагестанская, Карельская трудовая коммуна, Крымская, Татарская, трудовая коммуна Немцев Поволжья, Якутская, Киргизская, Туркестанская.

1. Административная комиссия при Президиуме ВЦИК была создана во исполнение Постановления VII Всероссийского съезда Советов в декабре 1919 г. и ликвидирована Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР в декабре 1938 г. как выполнившая свои задачи.

В состав Киргизской АССР входили восемь губерний (практически территория современного Казахстана), в состав Туркестанской АССР – шесть областей.

В этот сложный для страны период и в политическом, и в экономическом отношении (Гражданская война и иностранная интервенция, экономика военного коммунизма) не удалось в полной мере реализовать все выработанные принципы районирования. Можно утверждать, что новые принципы были выработаны, но в фактически военных условиях преобладало стремление всемерно приблизить органы власти к населению. Отсюда измельчение территориальных единиц, иногда не оправданное объективными причинами.

Не удалось избежать некоторой поспешности и элементов стихийности административно-территориальных преобразований, о чем свидетельствуют случаи перемещения границ, и возвращение их на прежнее место через короткий промежуток времени. Неблагоприятную роль сыграли элементы популизма в осуществлении политики районирования. Стремление максимально учесть мнение с мест, «волеизъявление населения», не искушенного в особенностях территориального управления столь огромным государством, не позволили создать эффективной системы административного деления.

Новое время поставило перед комиссиями по районированию и новые задачи: в условиях новой экономической политики, когда главнейшей задачей государства стало развитие хозяйства, экономические факторы объективно стали главной составляющей процесса районирования. Перед административными комиссиями ВЦИК и Госплана, прежде всего, стояла задача сокращения субъектов управления – непомерно разросшегося числа административно-территориальных единиц. При этом главным критерием объединения губерний и областей был выбран именно экономический. Это был первый опыт в России объединения политико-административного и экономического районирования, где преобладающими были экономические факторы. Основным разработчиком проекта такого районирования стал Госплан, в работах которого были учтены труды Административной комиссии ВЦИК, Наркомзема, ЦСУ (Центральное статистическое управление), проекты районирования прошлых лет.

1923–1929 гг. в РСФСР – период кардинального преобразования административно-территориального деления, доставшегося России от бывшей империи. Специфика этого периода заключалась в сильном акценте на экономический фактор: он был положен в основу административно-территориального деления. Одним из главных направлений в построении новой административно-территориальной структуры стало создание областей. Область, в понимании разработчиков данной системы, – это «самостоятельная хозяйственная единица, отвечающая как надобностям производственного использования неисчерпаемых богатств СССР, так и стремлениям Советской власти осущест-

вить на деле принципы децентрализации хозяйственного управления»[2]. Ожидалось, что такое деление даст значительный экономический эффект в силах и средствах, и создаст продуктивный эффект от концентрации разбросанных на тот период материальных и интеллектуальных ресурсов.

Результатом этой постепенной реформы стало упразднение губерний, уездов, волостей и создание областей (краев), округов и районов. Новое районирование началось с выделения одного крупного промышленного района (Урал) и одного сельскохозяйственного (Северный Кавказ). В них сразу предполагалось ликвидировать губернии, уезды, волости и выделить вместо них округа и низовые административные районы. После того, как опыт Урала и Северного Кавказа был признан положительным, он был распространен на Сибирь и другие регионы.

Следующей по рангу административной единицей должны были стать округа. Задуманные по новой сетке административно-территориального районирования округа являлись территорией, меньшей, чем дореволюционная губерния, но более крупной, чем дореволюционный уезд. Фактически на средней по площади территории дореволюционной губернии формировалось три–пять новых округов.

Если выделяемые новые области фактически являлись крупными экономическими районами страны, то округа во многом выполняли роль местных опорных центров, являлись своеобразными центральными местами для организации социально-культурного обслуживания. Они не были настолько удалены от населения (как центры бывших губерний), и в то же время являлись крупными центрами, которые могли обеспечить достаточный уровень обслуживания населения и решения инфраструктурных проблем для развития местного хозяйства. Например, в рамках новой Уральской области (с центром в Свердловске) роль окружных центров была передана следующим городам: Перми, Кунгуру, Сарапулу, Шадринску, Златоусту, Челябинску, Троицку, Нижнему Тагилу, Ирбиту, Соликамску, Кудымкору (Кудымкару), Кургану, Тюмени, Ишиму и Тобольску.

Этот ранг, пожалуй, в полной мере отвечал насущным потребностям развития хозяйства и одновременного становления системы социально-культурного обслуживания и укрепления территориального каркаса системы поселений. Можно привести пример других республик СССР (Украины, Белоруссии), где области даже не создавались, здесь были сформированы только округа. Округа должны были сыграть также целенаправленную роль в обеспечении процесса равномерного экономического развития территорий. Напри-

2. ГАРФ. Фонд Р-5677, опись 9, дело 401: Доклад Административной комиссии при Президиуме ВЦИК об административном делении СССР на принципах экономического районирования, л. 6.

мер, в Центрально-Черноземной области такие окружные центры, как Рыльск, Елец, Борисоглебск, получили бы сравнительно одинаковое развитие с Орлом, Курском, Белгородом (когда впоследствии окружное деление было ликвидировано, эти небольшие города во многом лишились факторов хозяйственного и социального развития и данные функции перешли только к областным центрам, что сказалось на их гипертрофированном развитии в ущерб остальной территории).

В 1929 г. были окончательно устранены остатки дореволюционного административно-территориального деления России. 14 января 1929 г. Постановлением ВЦИК «Об образовании на территории Российской Федерации административно-территориальных единиц краевого и областного деления» упразднено прежнее губернское деление, а вместо губерний созданы края и области, выделялись также национальные автономии.

Новая укрупненная сетка административно-территориального деления страны фактически стала первой реформой административно-территориального управления, построенной на научных принципах. Она в определенной степени отразила стремление изменить механистическую, централизованную и бюрократизированную систему территориального управления Россией и выстроить ее на новой объективной основе. Впервые задачи политического управления территорией сочетались с задачами ее экономического развития и объективного экономико-географического районирования.

В ней также была заложена возможность для самоуправления крупных регионов, для развития ростков внутренней демократической жизни. Такие перспективы не могли быть приемлемы партийно-советской системой, направившей развитие страны по пути тоталитаризма, жесткого планирования экономики с ускоренными темпами индустриализации и принудительной всеобщей коллективизацией на селе. Административно-командные методы управления экономикой, регламентация всех сторон жизни людей, нормированное распределение требовали постоянного контроля со стороны партийных и государственных органов, всемерного приближения их к населению.

Экономическая и политическая ситуация в СССР к 1930 г. коренным образом изменилась. Вот почему административно-хозяйственное районирование, формировавшееся почти десятилетие, просуществовало менее года. К 1930 г., только завершившись, оно уже перестало соответствовать решаемым партийно-государственными органами проблемам управления страной. Таким образом, лишь небольшой период в истории России главным критерием административно-территориального деления была экономически обусловленная целостность территориальных единиц. Почему эта фундаментально разработанная и очень рациональная идея совмещения экономических, политических и административных принципов деления России оказалась неприемлемой на данном этапе развития нашего государства? Во-первых, в условиях полного

отсутствия рыночной экономики экономический фактор уже не мог стать ведущим и в административно-территориальном делении. Во-вторых, обусловленное наличием объективных экономических связей укрупнение административных единиц не способствовало оперативному воплощению в жизнь партийно-правительственных решений. В-третьих, превалирующими в решении всех, в том числе экономических задач, являлись политические мотивы и методы принуждения. Ускоренные темпы индустриализации и задача сплошной коллективизации сельского хозяйства требовали приспособления системы административно-территориального деления к нуждам административно-командной системы управления государством.

В последующем административно-территориальные изменения опять привели к большему дроблению территории России. На 1936 г. в составе РСФСР уже находилось 56 административных образований (при том, что из состава РСФСР вышли территории Казахстана и Средней Азии). В их числе 31 единица – это национальные республики, области или округа. В послевоенный период (1946) количество административно-территориальных единиц увеличилось до 79, из которых только 28 являлись национальными образованиями (на их уменьшение повлияли репрессивные меры по отношению ко многим народам).

Пик максимального размельчения административно-территориального деления Российской Федерации пришелся на 1953 г., когда количество крупных регионов достигло 92 единиц (с учетом Москвы и Ленинграда). В дальнейшем число областей в Российской Федерации было сокращено, одновременно с этим были восстановлены права и границы ряда национальных образований. К началу 60-х годов фактически сформировалась современная сетка административно-территориального деления. Она включала 88 образований (с учетом Москвы и Ленинграда), из которых 31 составляли автономные республики или области, а также национальные округа (практически треть). На их долю приходилось 53,2% территории и 15,3% населения Российской Федерации.

Сетка административно-территориального деления независимой России сохранила эту преемственность с одним дополнением – из состава Чечено-Ингушетии выделилась Ингушская Республика. Однако формально изменился статус большинства национальных формирований – они стали республиками в составе России, а автономные области и автономные округа являются самостоятельными субъектами Федерации, а не соподчиненными территориями краев или областей (какими они были весь период своего существования до 1991 г.). В 2000 г. на долю национальных образований приходилось 53,3% территории и 18,0% населения России.

XX век завершился новыми преобразованиями в системе административно-территориального управления Россией. Уже на рубеже XXI в. была предпринята попытка совершенствования структуры территориального управления.

Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 на территории России были учреждены семь Федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный. Последующим Указом от 21 июня 2000 г. № 1149 Северо-Кавказский федеральный округ был переименован в Южный. Это деление России, введенное в мае 2000 г., не затрагивая основное (конституционное) административно-территориальное деление, является формой укрепления вертикали государственной власти. За годы существования федеральных округов была выполнена очень важная задача: приведение в соответствие регионального и федерального законодательства.

Сравнительный анализ исторического опыта трансформации административно-территориального деления в России свидетельствует о следующем: чем выше давление политических, бюрократических факторов, тем более дробным является районирование. Если в процессе территориального деления политический аспект уступает первенство учету естественных объективных социально-экономических факторов, ресурсных связей, рыночным тенденциям развития экономики, то районирование становится менее дробным.

Иллюстрацией этому может служить изменение средней площади административно-территориальной единицы в России на протяжении XX в. Так, в начале столетия средняя площадь административно-территориального образования составляла 223 тыс. км^2. В результате преобразований в первом десятилетии советского периода она увеличилась до 418 тыс. км^2, или в 1,9 раза (еще более разительное увеличение произошло в азиатской части России – в среднем с 885 тыс. км^2 до 2,4 млн. км^2, или в 2,7 раза). При этом выделение системы окружного деления компенсировало данное увеличение: средняя площадь округа составляла для европейской части России – 57 тыс. км^2, а для азиатской – 290,5 тыс. км^2, что делало данные образования управляемыми с точки зрения социальной и управленческой инфраструктуры.

Однако с 30-х годов начался обратный процесс дробления российских регионов. В конце десятилетия (1939) средняя площадь административно-территориального образования Российской Федерации фактически вернулась к дореволюционному значению на начало века (229 тыс. км^2), а в дальнейшем продолжала только сокращаться, достигнув к 2000 г. 196,3 тыс. км^2. К концу века средняя площадь одного региона европейской части практически была равна показателю на начало века (соответственно 72,7 и 72,8 тыс. км^2), а средняя площадь региона в азиатской части Российской Федерации сократилась более чем вдвое (с 885 тыс. км^2 в 1900 г. до 409 тыс. км^2 в 2000 г.).

Историко-географический анализ изменения системы административно-территориального деления России позволяет сделать следующие выводы:

1. Административно-территориальная структура России пережила три радикальные реформы: 1708 г., 1775 г. и второй половины 1920-х годов. Послед-

няя заложила основы современной политико-территориальной организации России, построенной по национально-территориальному и экономико-территориальному принципам.

2. Четко проявляется зависимость административно-территориального деления от политических факторов: чем сильнее влияние административного, бюрократического или партийного аппарата, тем сетка административно-территориального деления становится более дробной.

3. Учет в территориальном делении объективных факторов: природных условий, ресурсных связей, социально-экономического тяготения способствует укрупнению сетки административно-территориального деления.

4. Отмечается определенная цикличность в изменении системы административно-территориального деления России: приблизительно раз в столетие появлялась идея укрупнения административно-территориальных единиц, иногда такая идея претворялась в жизнь (хотя и на короткое время), а затем снова происходило дробление.

Таким образом, в настоящее время Россия находится в начале цикла укрупнения системы административно-территориального деления. Эта система в значительной мере соответствует экономическому районированию и межрегиональным ассоциациям экономического взаимодействия, она близка и к сложившимся военным округам.

Политическая карта России еще находится в стадии формирования. Изменения происходят на наших глазах. Уже несколько лет существуют введенные в 2000 г. семь федеральных округов, призванных стать важным элементом в механизме взаимодействия федерального центра и субъектов федерации. Систему федеральных округов, по-видимому, стоит рассматривать как попытку возродить на новом этапе положительный опыт предыдущих административно-территориальных реформ, учесть неосуществленные замыслы и неудавшиеся попытки создать в России укрупненное административно-хозяйственное территориальное деление. Введение федеральных округов является шагом к совершенствованию территориального управления и возможному преобразованию сложившейся административно-территориальной структуры России.

Литература

1. ГАРФ. Р-5677, опись 1, дело 7: Дело о разработке принципов районирования республики и образовании отдельных административно-хозяйственных единиц с приложением материалов административной комиссии, 1920–1925, л. 334.

2. ГАРФ. Фонд Р-5677, опись 9, дело 401: Доклад Административной Комиссии при президиуме ВЦИК об административном делении СССР на принципах экономического районирования, л. 6.

3. КПСС в резолюциях. Ч.II. – М.: Госполитиздат, 1930. – С. 601.

4. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Сборник законодательства РФ. – 2000. – № 20. – Ст. 2112.

5. Шульгина О.В. Историческая география России XX века: Социально-политические аспекты. – М.: МГПУ, 2003. – 252 с.

О.А. Толпыгина, Н.А. Меркулов

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Толпыгина Ольга Анатольевна – младший научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН.

Меркулов Николай Александрович – магистрант факультета политологии МГИМО(у) МИД РФ.

Целью данной работы является обзор факторов, определяющих облик и конфигурацию партийного спектра современной России.

Как любой сложноорганизованный феномен, специфика российской партийной системы требует комплексного рассмотрения и привлечения подходов, представляющих разные уровни и типы обобщения. Если несколько схематизировать, то основные объяснительные модели можно разделить на два типа: первый – это средовый подход, или макроподход, в котором характерные черты партийной структуры объясняются, во-первых, через специфику режима, его эволюционные особенности и присущий ему тип политической культуры; во-вторых, через особенности процесса постсоветской модернизации; в-третьих, через влияние глобальных тенденций постиндустриального общества. Второй подход условно можно назвать внутрисистемным, или институциональным, в нем специфика партийной системы рассматривается как производная институциональных факторов, таких как система разделения властей, форма правления, избирательное законодательство, законы, регулирующие деятельность политических партий. Данная дихотомия, подчеркнем, является условной, так как авторы, рассматривая российскую партийную систему, как правило привлекают для анализа обе группы факторов, тем не менее в данном случае мы используем ее для познавательных целей, позволяющих выстроить

* *Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 06-03-00203а.*

простейшую типологию причин, задающих формат современной партийной структуры.

Средовые факторы, определяющие формат современной российской партийной системы

Универсальные общественно-политические тенденции. Данный аспект одной из первых стала рассматривать С. Пшизова. По ее мнению, российская ситуация партстроительства не уникальна, и она присуща не только трансформирующимся странам бывшего соцлагеря, но и всему постиндустриальному миру. С точки зрения С. Пшизовой, оценивая российскую партийную систему, и исследователи, и субъекты политического процесса сравнивают ее с классической моделью традиционной массовой партии. Обнаруженные несоответствия и очевидные несовпадения объясняются неразвитостью (недоразвитостью) партийной системы, ее аморфностью, недостатками функционирования, отсутствием исторического опыта. Более того, из такого сравнения вытекает практика некритического отношения к западному опыту и попытки механического воспроизведения на отечественной почве «заграничных» образцов, причем образцов, принадлежащих ушедшей исторической эпохе[1]. Однако «Россия не просто преодолевает ныне в сжатые сроки (а порой и вообще пропускает) этапы становления политических институтов, которые когда-то долго, последовательно и зачастую мучительно проходили западные страны. Она начинает свой путь к демократии в специфических условиях современной цивилизации, в условиях возникновения информационного общества»[2]. И в этом случае сопоставление нужно проводить не с традиционными массовыми партиями, а с современными, получившими распространение на Западе во второй половине XX в., и которым присущи большинство перечисленных характеристик: на Западе, как и в России, происходит падение авторитета политических партий, сокращается членство и увеличивается флуктуация подаваемых голосов. На основании этих фактов авторы делают вывод о наличии тенденции сокращения членов западных партий[3]. Вновь возникающие партии организуются вокруг лидера, они ориентированы в большей степени не на идеологию, не на стратегические перспективы, а на вполне приземленные тактические це-

1. Pshizova S. Conclusion: Party building in Post-Soviet space: Between imitation and simulation: Russia, Belarus, Ukraine, Moldova and the Baltics // Political parties in Post-Soviet space / ed. by A. Kulik and S. Pshizova. – Mestport, Connecticut, London, 2005.

2. Пшизова С.Н. Какую партийную модель воспримет наше общество? // Полис. – М., 1998. – № 4. – С. 14.

3. См., например: Katz R., Mair P. (eds.) Party organizations. A data handbook on party organizations in Western Democracies, 1960–1990. – L., 1992.

ли, в связи с чем партии представляют собой скорее сообщества профессионалов (профессиональных политиков, политтехнологов, имиджмейкеров, спичрайтеров и т.д.).

Причины данной трансформации партийной системы кроются, с одной стороны, в специфике социального развития второй половины XX в., для которой характерно усиление социальной, идеологической и, как следствие, политической гомогенности общества. Эти процессы приводят к снижению значимости (а порой и исчезновению) традиционных модернизационных расколов, которые в течение длительного времени определяли формат партийных систем и задавали вектор межпартийной конкуренции. «Замороженные» размежевания отражаются и на современной партийной ситуации, но больше в виде инерционного политического поведения, когда определенные политические партии продолжают ассоциироваться общественным сознанием с идеологией, которую они первоначально выражали; или в виде нерефлексируемых электоральных (и шире – политических) предпочтений, сформированных предыдущими поколениями социальной группы (семьи, например).

С другой стороны, формат современной партийной системе задает специфика информационного общества, создавшего мощного посредника между властью и обществом – СМИ. Теперь событие становится реальностью только в том случае, если о нем сообщают СМИ. Средства массовой информации перенимают традиционные функции массовых партий: информационную, массовой мобилизации, социализационную. Процесс политической ориентации во многом утрачивает коллективный характер. Посредством СМИ происходит виртуализация политического пространства, коммуникация между властью и обществом окончательно приобретает асимметричный, диспропорциональный характер. Реальная политика замещается символической[4]. С возникновением и расширением Интернета – Всемирная паутина все больше превращается в пространство политического участия. В этой новой модели – электронной демократии – функция партии как посредника между управляющим и управляемым становится практически излишней[5].

Одновременно с данными процессами проходила трансформация политической сферы, изменившая облик «традиционной» демократии, в которой партии являлись основным институтом социального представительства. Теперь

---

4. Интересная точка зрения по этому поводу представлена в статье С.П. Поцелуева «Символическая политика: Констелляция понятий для подхода к проблеме». См.: Поцелуев С.П. Символическая политика: Констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. – М., 1999. – № 5.

5. Об электронной демократии см.: Кулик А.Н. E-democracy и электронная демократия: Западная концепция в российском контексте // Проблемы становления гражданского общества в России: Материалы научн. семинара. – М., 2003. – Вып. № 4. – С. 91–103.

эти функции в большей степени выполняются альтернативными представительскими организациями, например, движениями одной проблемы (single-issue movements), группами интересов. Кроме того, партии вытесняются из сферы принятия политических решений разросшейся за последние десятилетия государственной бюрократией, группами давления[6]. В изменившихся условиях утраты партиями своего традиционного признания и авторитета остро встает вопрос о финансировании, уже с середины 50-х годов партии последовательно выступают за рост государственных дотаций[7]. «Партии, возникшие как политический институт гражданского общества и служившие посредниками между ним и государством, становятся частью государства, у которого они черпают ресурсы для собственного выживания, и действуют как его агенты»[8].

Все вышеперечисленные закономерности привели к явлению, которое в политологии получило название «закат партийной демократии». В рамках нашей статьи мы не будем рассматривать данную теорию, а также разворачивающуюся вокруг нее полемику[9]. Однако отметим, что российская партийная система отражает многие черты данного процесса.

Характер постсоветской модернизации. Еще одним средовым фактором, определяющим характер взаимодействия между политическими субъектами, а также формат партийной системы является специфика российской модернизации в постсоветский период. Ее главной особенностью явилось, по

---

6. Джордан Г. Группы давления, партии и социальные движения: Есть ли потребность в новых разграничениях? // Мировая экономика и международные отношения. – М., 1997. – № 1. – С. 82–97.

7. См.: Грязнова О. Финансирование политических партий // Интернет - журнал «Аналитика». – Режим доступа: (http://www.europexxi.kiev.ua/russian/analitika/03/003.html).

8. Кулик А.Н. Парадокс «заката» политических партий на Западе и его проекция на российскую многопартийность // Политическая наука: Политические партии и партийные системы в современном мире. – М., 2006. – № 1. – С. 116.

9. Обсуждение данной проблемы было инициировано авторами коллективной монографии «Когда партии приходят в упадок: Появление альтернативных организаций»: When parties fail: Emerging alternative organisations. – Princeton, 1988. См. также: Janda K., Berry J. M., Goldman J. The challenge of democracy. – Boston; N.Y. – 2004. – P. 103. В русском переводе Джэнда К. Бери Дж. М ., Голдман Дж. Трудной дорогой демократии. – М., 2006; Mair P. Party system change: Approaches and interpretations. – Oxford, 1997; Katz R., Mair P. Changing models of party organisation and party democracy // Party politics. – J., 1995. – Vol. 1, N 1; Newsletter of the workgroup on elections and parties. The Research committee on political sociology IPAS / ISA. – 1998. – N 9, September. – P. 1; Lipset S.M. The indispensability of political parties // J. of democracy. – Wash., 2000. – Vol. 11, N 1.

мнению А.Н. Кулика[10], отсутствие гражданского общества и частной собственности на начальный период общественных трансформаций. На Западе партийная демократия возникла в процессе «органической модернизации», которая охватывала все стороны жизнедеятельности социума – социальную, политическую, экономическую. Западная партийная система возникла на основе сложившегося гражданского общества, оформленных социально-групповых интересов и устоявшихся отношений собственности, которые, обеспечивая личностную независимость, собственно и послужили основой гражданского общества. «Становление партийной демократии как института гражданского общества происходило в течение полутора веков, параллельно с укреплением парламентаризма и социальной стратификацией индустриализирующегося общества, и в едином процессе формирования самого гражданского общества, его политического сознания и культуры»[11].

В России подобные условия, по понятным причинам, отсутствовали. На постсоветском этапе отношения собственности только складывались, нараставший процесс социальной дифференциации исключал возможность формирования и артикуляции социально-групповых интересов. В России «появление на свет многопартийности опередило формирование гражданского общества... В отличие от западных партий, которые были порождением гражданского общества и изменили природу власти, многопартийность в постсоветской России стала продуктом режима правления, его средством самосохранения»[12]. Это обстоятельство и сегодня определяет во многом ее природу и место, как в политической системе, так и в обществе.

Специфика политического режима. Современный российский политический режим не способствует становлению демократических функций политических партий, препятствует межпартийной конкуренции. Российская политическая сфера является моносубъектной, властные функции в политическом пространстве сосредоточены в руках одного актора. «Традиции доминирования одного из акторов в политической жизни, проявившиеся в “навязанном переходе” к новому режиму и отсутствии базовых соглашений между основными акторами, гарантий основным политическим игрокам во многом определяют

---

10. Кулик А.Н. Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год 1999. – М., 1999. – С. 157–177; Кулик А.Н. Российская многопартийность: История болезни // Полемика (электронный журнал). – М., 2001. – Вып. 9. – Режим доступа: http://www.irex.ru/press/pub/polemika/09/kul/; Многопартийность в России: Современное состояние и перспективы: Материалы круглого стола. – М.: Изд. дом «Ключ-С», 2003.

11. Кулик А.Н. Российская многопартийность: История болезни // Полемика (электронный журнал). – М., 2001. – Вып. 9. – Режим доступа: http://www.irex.ru/ press/pub/polemika/09/kul/

12. Там же.

характер взаимоотношений между политическими субъектами»[13]. Моносубъектность российской политики проявляется, в том числе, в тенденции усиления контроля над основными игроками политического процесса: средствами массовой информации, политическими партиями, общественными организациями, бизнес-структурами[14], региональными элитами. Способы воздействия варьируются от создания альтернативных версий общественно-политических организаций (политических партий, общественно-политических движений, даже неправительственных организаций с функциями контроля за властью[15]) до изменения законодательства, использования административного ресурса, а порой и применения силового воздействия[16].

Причины специфики современного режима кроются, по мнению А.Н. Кулика, в традициях российской государственности, которая весь период своей истории последовательно транслировала и воссоздавала модель моносубъектности. Смена власти не отражалась на данном «архетипе» российского общества, и он воспроизводился даже тогда, когда политическая система менялась кардинально. «Исторически власть в России всегда была персонифицированной и концентрировалась в одних руках: либо это был монарх, либо Генеральный секретарь КПСС в советский период. Она всегда была самодостаточна, отчуждена и независима от общества. После короткого периода 1991–1993 гг. Конституция Российской Федерации вернула постсоветскую Россию к этой традиционной моноцентристской модели власти»[17]. В этой модели нет места другим политическим акторам, поскольку президент выступает в качестве доминирующей фигуры.

В качестве звена между средовыми аспектами, создающими контекст для формирования партийной системы и институциональным уровнем выступают неформальные практики и институты[18].

---

13. Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Структурирование российского партийного спектра накануне президентских и парламентских выборов 2007–2008 гг. // Россия и современный мир. – М., 2007. – № 2. – С. 31.

14. Показательна ситуация с государственной приватизацией ЮКОСа.

15. Например, Общественная палата.

16. Например, широкое использование силовых методов при разгоне маршей несогласных в Москве и Санкт-Петербурге в первой половине 2007 г.

17. Kulik A. Political parties in post-soviet Russia: An agent of democratic transition? // Political parties in Post-Soviet Space: Russia, Belarus, Ukraine, Moldova and the Baltics. – Westport, L.: Praeger, 2005. – P. 33.

18. Кулик А.Н. Парадокс «заката» политических партий на Западе и его проекция на российскую многопартийность // Политическая наука: Политические партии и партийные системы в современном мире. – М., 2006. – № 1. – С. 123.

Неформальные практики в российской политике

Со спецификой режима связана такая характерная черта российской политической системы, как преобладание неформальных практик в структуре взаимодействия акторов.

Необходимо остановиться на причинах, которые привели к усилению влияния неформальных практик в России. Итак, «неформальная институционализация – это доминирование неформальных правил и норм над формальными институтами политического режима»[19] (соответственно под институтом мы понимаем «правила игры в обществе... или ограничения поведения человека, введенные самим человеком»[20]).

Можно выделить две группы факторов неформальной институционализации в России в 1990–2000 гг.: объективные и субъективные. К объективным факторам относится, прежде всего, ослабление государства в период радикальных перемен и как следствие слабость формальных институтов в 90-х годах. Это обстоятельство привело к тому, что на передний план выдвинулись неформальные институты, сохранившиеся из предыдущих периодов развития государства: клиентеллизм, непотизм и т.д., а также неформальные институты, возникновение которых связано непосредственно со слабостью формальной институционализации, т.е. криминальные структуры и региональные связки «власть – капитал».

Что касается субъективных факторов, то, по мнению В. Гельмана, к ним относятся: идеология, интересы и неопределенность[21]. Идеология играла первостепенную роль в 90-е годы в условиях неопределенности, когда среди элит был достигнут консенсус относительно либерально-демократической модели развития и, следовательно, уменьшения роли государства (а значит – и формальных институтов) в управлении всеми сферами общественной деятельности. В 2000-х годах, наоборот, из-за увеличившейся определенности и усиления государства наиболее важную роль начал играть интерес к закреплению тех практик, которые уже созданы, т.е. неформальных. Фактически сейчас мы можем наблюдать процессы построения не «правового государства», основанного на формальных институтах, а «диктатуры права», когда усилившееся го-

---

19. Merkel W., Croissant A. Formale und informale Institutionen in defekten Demokratien (gemeinsam mit Aurel Croissant) // Politische Vierteljahresschrift. – Berlin, 2000. –N 1. – S. 15.

20. Douglass C.N. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge University Press, 1990. – P. 3.

21. Gel'man V. The Unrule of law in the making: The Politics of Informal Institutional Building in Russia // Europe-Asia Studies. – M., 2004. – Vol. 56, N 72. – P. 1027.

сударство вольно применять те или иные формальные институты выборочно, на основании сложившихся неформальных практик.

Существуют три основных канала воздействия неформальных институтов на структуру межпартийного соревнования, в том числе при участии государства.

Во-первых, воздействие через средства массовой информации. Существующее законодательство предусматривает предоставление одинакового количества эфирного времени всем партиям и кандидатам на государственных теле- и радиоканалах, а также одинаковых прав на публикации в государственных печатных изданиях. Тем не менее неточность формулировок предоставляет большое пространство для манипуляции законодательством. Даже в 90-е годы предпочтение отдавалось сторонникам Ельцина или региональных лидеров[22]. Более того, в конце 90-х годов государству удалось заполучить непосредственный контроль над всеми электронными СМИ федерального значения. Этот результат был достигнут во многом благодаря победе государственных телеканалов ОРТ и РТР над независимыми НТВ и некоторыми региональными телеканалами в «информационной войне» в 1999 г.[23]. По некоторым оценкам «ход этой войны» повлиял на электоральные предпочтения 10–20% россиян[24].

Во-вторых, финансирование избирательных кампаний. Законодательство о финансировании партий также содержит множество пробелов. Так, если прямой подкуп запрещен, то законодательство не предусматривает никаких ограничений косвенного подкупа избирателей (например, распространение материальной помощи перед выборами). Не учтена была также возможность использования бюджетных средств для проведения избирательной кампании, что создает возможность злоупотреблений со стороны государства (или представителей партии власти).

В-третьих, санкции против нарушителей партийного и избирательного законодательства. В этой сфере политический режим обладает наибольшими возможностями для применения неформальных институтов в своих целях (это относится не только к сфере межпартийного соревнования, но и к сфере гражданских правоотношений, когда результат судебного разбирательства спора между государством и любым другим участником гражданского оборота предопределен). Тем более, что государство может повлиять на межпартийное соревнование на трех этапах избирательного цикла: регистрации партий и

22. Oats S., Helvey R. Russian Elections and TV news. The Harvard International Journal of Press / Politics, Vol. 5, N 2, p. 30–51, 2000.

23. McFaul M., Рябов А., Петров Н. Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов. – Moscow: Moscow Carnegie Center, 2000. – С. 18–20.

24. Там же. – С. 209.

кандидатов, избирательной кампании и признания результатов выборов. Основной проблемой так же, как и в предыдущих случаях, остается отсутствие ясного и исчерпывающего списка критериев применения санкций, как в административном, так и в судебном порядке. Причем подобное пространство для применения неформального регулирования было создано умышленно архитекторами российской политической системы для предотвращения перехода власти к анти-системным силам. Как заявил один из проправительственных депутатов Государственной думы в 1994 г.: «У нас будет возможность признать итоги президентских выборов незаконными, если победит Зюганов или Жириновский»[25].

В конце 1990-х – начале 2000-х годов в избирательное и партийное законодательство была внесена определенная ясность, хотя единственной сферой, в которой подобные изменения не произошли, являются правовые нормы об отмене результатов выборов, неясность которых предоставляет политическому режиму гарантии сохранения власти.

Однако несмотря на эти попытки ограничить пространство применения неформальных практик и заменить их формальными институтами, неформальные институты продолжают проявляться в форме игнорирования норм права судами и органами исполнительной власти, а также сохраняющейся двусмысленности многих нормативно-правовых актов. Более того, учитывая установку политического режима на сохранение статус-кво, неформальные практики будут использоваться впредь (или будут преобразовываться в набор формальных институтов, создающих преимущества для политического режима). И даже в случае бесполезности сложившихся неформальных институтов для стабилизации внутриполитического баланса сил они будут заменены новыми неформальными институтами (так как неформальные практики предоставляют политическому режиму возможность маневрирования).

Подводя итог анализу роли неформальных практик, можно сказать, что наблюдаемые на сегодняшний день тенденции не могут служить основанием для позитивной оценки их роли в политической модернизации России. В настоящее время происходит процесс формализации неформальных институтов, что свидетельствует о намерении политического режима закрепить свое доминирование.

Подобные действия подрывают позитивные тенденции в развитии партийной системы в России. Однако следует уточнить, что ключевым фактором, препятствующим успешному развитию политических партий, является не сис-

25. Gel'man V. The Unrule of law in the making: The Politics of Informal Institutional Building in Russia // Europe-Asia Studies. – M., 2004. – Vol. 56, N 72. – P. 1034.

тема формальных институтов России, а именно система разделения властей, который выступает элементом институционального дизайна.

Институциональные факторы: Институциональный дизайн российской политической сферы

Институциональный дизайн представлен системой разделения властей, а также избирательным, партийным законодательством, определяющими структуру избирательного процесса.

Структура разделения властей. Важным аспектом институционального дизайна является система разделения властей. По оценкам ряда исследователей, существующая в России система неблагоприятно сказывается на партийном строительстве[26].

Институциональный дизайн российской партийной системы складывался одновременно с формированием структуры разделения властей в новом режиме, взаимодействия различных ветвей власти. Партийное развитие являлось частью процесса становления и оформления новой властной иерархии, в нем отразилась сложная, конфликтная ситуация кристаллизации властных отношений.

Система разделения властей начинает формироваться в период президентства Б.Н. Ельцина. После обретения независимости полномочия и структура отношений между ветвями власти были представлены весьма слабо, не существовало единой нормативной системы, определяющей статус и поведение субъектов власти. Не удивительно, что вскоре начинается борьба за власть между старой и новой элитами. 21 сентября 1993 г. Б.Н. Ельцин распускает Верховный Совет и объявляет о выборах в Государственную думу. Верховный Совет и Конституционный суд квалифицируют данные действия как государственный переворот, и политическая коллизия выливается в прямой конфликт. Итогом конфликта послужило принятие новой конституции, которая закрепила победу исполнительной власти: президент становился главой государства и гарантом конституции с широкими, хотя тогда еще слабо определенными полномочиями. «Он получил гораздо больше полномочий, чем другие президенты во всех известных президентских республиках, и в то же самое время стал практически неподконтрольным для других политических и представительных институтов»[27].

---

26. Kulik A. Political parties in post-soviet Russia: An agent of democratic transition? // Political parties in Post-Soviet Space: Russia, Belarus, Ukraine, Moldova and the Baltics. – Westport, L.: Praeger, 2005. – P. 18.

27. Там же. – P. 18.

Конституция 1993 г. определила российскую государственную систему как смешанную[28], главной особенностью которой является двойная структура исполнительной власти: всенародно избираемый президент назначает премьер-министра, главу правительства[29]. Президент является независимой фигурой, на которую парламент повлиять не может. В свою очередь, правительство зависит от парламента: во-первых, верховный орган законодательной власти санкционирует назначение премьер-министра; во-вторых, он может сместить правительство, выразив ему вотум недоверия. Однако реальное положение вещей несколько отличается от оформленной в конституции нормы: кандидатуру премьера предлагает президент, и при троекратном отклонении выдвинутого претендента Дума подвергается риску быть распущенной. Кроме того, при вынесении вотума недоверия правительству президент может ответить либо роспуском правительства, либо несогласием с решением Думы, а в случае повторного вотума он имеет право роспуска либо правительства, либо парламента.

Таким образом, полномочия парламента существенно ограничиваются и становятся в значительной степени формальными, так как он больше не может влиять на деятельность исполнительной власти. Маргинальное положение парламента определило и маргинальное положение партий в политическом пространстве. «Поскольку выборы главы государства осуществляются не на партийной основе, то политические партии лишены возможности оказывать сколько-нибудь существенное влияние на осуществление политического курса и нести за него ответственность. Подобная практика снижает стимулы к реализации идеологической функции в целом к партийному строительству и межпартийной конкуренции»[30].

Такое положение вещей закрепляется и «внепартийным» положением президента, которое сформировалось в процессе постсоветской трансформа-

---

28. Подробнее о данной форме правления см.: Duverger M. A new political system model: Semi-presidential government // Europ. j. of polit. Research. – Amsterdam, 1980. – Vol. 8, N 2. – P. 165–187; Sartori G. Comparative constitutional engineering: an inquiry into structures, incentives and outcomes. – L., 1994; Shugart M.S., Carey J. President and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics. – Cambridge, 1992. – P. 200; Elgie R. Semi-presidentialism and comparative institutional engineering // Semi-presidentialism in Europe / Ed. by Elgie R. – Oxford, 1999. – P. 281–299.

29. Подробнее об особенностях российской формы правления и ее влиянии на партийную систему см.: Лихтенштейн А. Политические партии и российский президенциализм: Границы применения теории // Политическая наука: Российская политика в теоретическом и сравнительном контекстах / Ред. и сост. Гельман В.Я. – М.: ИНИОН, 2003. – № 13–32.

30. Мелешкина Е.Ю., Анохина Н.В. Структурирование российского партийного спектра... С. 37.

ции, когда партии не играли значимой роли в выборах российского президента, «причем сам глава государства всячески подчеркивал свое стремление представлять “интересы всех россиян”, а не ограниченного круга сторонников какой бы то ни было политической организации. Это привело к тому, что исполнительная власть в стране формировалась исходя из других, отличных от партийных принципов»[31].

Сложившаяся система с момента своего возникновения провоцировала создание партий власти (доминантных партий)[32], которые бы способствовали осуществлению контроля над парламентом.

Доминантные партии в контексте взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти. Попытки создания партии власти присутствовали уже в первом электоральном цикле, когда были созданы, с одной стороны, пропрезидентский блок «Выбор России» под руководством премьер-министра Егора Гайдара, и электоральная ассоциация «Партия российского единства и согласия» (ПРЕС), возглавляемая заместителем премьер-министра Сергеем Шахраем. Однако первые попытки не были успешными: так, эксперты прогнозировали, что обе пропрезидентские партии наберут на выборах в сумме не менее 60% всех голосов, однако они получили только 89 мест в Думе (20% голосов), а победившей партией оказалась ЛДПР. В мае 1995 г. была создана возглавляемая В. Черномырдиным партия «Наш дом – Россия», которая на следующих выборах заняла только третье место (после КПРФ и ЛДПР). Однако третья попытка оказалась успешной: в 1999 г. президентской администрацией было создано межрегиональное движение «Единство» («Медведь»), которое возглавил С. Шойгу. И хотя на декабрьских выборах в Думу победу одержала КПРФ («Единство» было на втором), исполнительной власти удалось установить контроль над парламентом, заключив соглашение между «Единством» и КПРФ. Мы не будем в данной статье углубляться в историю, роль и функции партий власти, лишь остановимся на констатации того факта, что на данный момент партия власти (или доминантная партия) успешно справилась со своей задачей формирования проправительственного большинства в парламенте.

Российская избирательная система. Избирательная система (особенно недавние реформы) и партийное законодательство также в целом неблагоприятно, хотя и не столь однозначно сказываются на межпартийной конкуренции.

---

31. Лихтенштейн А. Политические партии и российский президенциализм: Границы применения теории... С. 32.

32. Подробнее см.: Мелешкина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука: Политические партии и партийные системы в современном мире. – М., 2006. – № 1. –С. 136–162.

Избирательная система представлена сводом нормативных актов, регламентирующих, что есть партии и основные принципы их функционирования. Этот свод включает Конституцию РФ, федеральные законы о политических партиях, о выборах президента, о выборах Государственной думы, об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан, нормативные документы, определяющие участие в политической деятельности госслужащих и т.д. «Однажды принятая избирательная система формирует систему партий, а партии, представленные в законодательном органе, стремятся принимать новые и изменять существующие законы таким образом, чтобы обеспечить преимущества себе и затруднить доступ аутсайдерам и новым игрокам»[33].

Правовые нормы призваны формулировать основные требования к кандидатам в представительные органы власти, регулировать деятельность органов власти, осуществляющих проведение выборов; определять статус избирателей и избирательных объединений; устанавливать процедуры предвыборной агитации и голосования, порядок определения результатов голосования и способы обжалования их. С другой стороны, правовые нормы, регулирующие избирательный процесс, являются достаточно гибкими в плане возможностей их изменения[34].

Совокупность этих норм задает определенную логику действиям всех участников предвыборной борьбы, побуждает их действовать в рамках единого электорального порядка.

По заявлениям авторов избирательной реформы, введение пропорциональной системы должно стимулировать развитие политических партий. Однако, как показывают результаты исследований, новые правила электоральной конкуренции сужают возможности политических партий на представительство[35]. «Они способствуют сокращению числа политических партий, делают парламент более подконтрольным, снижают издержки властных структур на достижение согласия, компромисса в законодательном органе власти, затрудняют объединение оппозиционных политических сил и облегчают формирование искусственных партийных образований, призванных ослабить оппозици-

---

33. Кулик А.Н. Многопартийность в России: Современное состояние и перспективы: Материалы «круглого стола». – М.: Издательский дом «Ключ-С», 2003. – С. 32.

34. Их изменение не требует столько усилий и затрат со стороны власти, как изменение действующей Конституции.

35. См. об этом, например, Анохина Н.В. Российская избирательная система: последствия изменений // Политическая наука: Избирательный процесс в России и Франции. – М.: ИНИОН, 2005. – С. 26–39; Мелешкина Е.Ю. Пропорциональные правила и опасности президенциализма: Мировая практика и российские перспективы // Политический процесс в условиях подготовки к избирательным кампаниям в Российской Федерации: Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Казань: Слово, 2007. – С. 310–317.

онные партии, с которыми невозможно бороться путем введения 7%-ного барьера. Кроме того, пропорциональная система препятствует представительству региональных интересов, так как поощряет только дисперсно представленные меньшинства. В качестве непосредственного результата законодательных новаций ожидается сохранение доминирования одной «партии власти»[36].

Тому же способствует и партийное законодательство. С 1 января 2006 г. вступили в силу новые нормы закона «О политических партиях в РФ», резко ужесточающие условия партийной деятельности. Основными элементами реформы стали запрет на существование региональных политических партий и на образование предвыборных блоков; постепенное повышение заградительного барьера для партийных списков; избрание более половины депутатов региональных парламентов по пропорциональной системе; повышения минимального количества членов до 50 млн. человек; запрет на формирование партий на профессиональной, конфессиональной, региональной и этнической основе и т.д.

Эти изменения являются продолжением «глобальной политической реформы В.В. Путина», ранее был изменен порядок формирования Совета Федерации, сопровождавшейся изгнанием из него губернаторов и председателей региональных законодательных собраний; а позже – отмена выборности губернаторов населением[37].

Укреплению государственного контроля над российскими политическими партиями способствует включение в законодательство норм об их государственном финансировании, которое увеличивает независимость партийных лидеров от рядовых членов и способствует бюрократизации партий. Более того, оно провоцирует фундаментальные внутренние сдвиги, ведущие к подчинению местных организаций высшему руководству партии.

Все эти меры, а также фактическое поощрение использования административного ресурса, приводят к поощрению партий власти, властному регулированию межпартийной конкуренции и ограничению возможностей оппозиционных сил.

Итак, особенности институционального дизайна, политического режима и преобладание неформальных правил и практик способствуют усилению политических сил, имеющих доступ к властным ресурсам, и ограничивают возможности иных политических организаций. Сама близость к власти в значительной мере определяет позицию политических партий в партийном спектре. Контроль над основными каналами коммуникации позволяет навязывать повестку дня, выгодную «партии власти». Подобные условия в значительной степени определяют конфигурацию партийного спектра.

---

36. Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Структурирование российского партийного спектра... С. 39.

37. См.: Губернаторы в России: От выборов к назначениям // Политическая наука. – 2007. – № 2. – 204 с.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

А.В. Голубев

ЧЕМБЕРЛЕН, ГИТЛЕР И ДРУГИЕ: ОБРАЗЫ ВРАГОВ В СОВЕТСКОЙ КАРИКАТУРЕ 1922–1939 ГОДОВ

Голубев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, руководитель Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН.

Изучение советской политической сатиры (карикатуры в том числе), представлявшей собой «своеобразное сочетание политики, идеологии и собственно популярной литературы»[1], особенно на протяжении относительно долгого периода (в данном случае двух межвоенных десятилетий), позволяет проследить зигзаги, повороты, нюансы официальной пропаганды. При этом карикатура выступает одновременно и как содержательный источник, и как яркая иллюстрация, дополняющая исторический анализ.

Но есть и другой пласт исторической реальности, раскрыть который также можно через анализ политической карикатуры. Речь идет о тех образах внешнего мира, которые формируются в массовом сознании.

Информация о внешнем мире, доступная подавляющему большинству советских граждан, была ограничена, каналы ее поступления практически полностью контролировались властями. Тем более это относится к информации визуальной. Помимо немногочисленных и зачастую некачественных фотографий в газетах и журналах, источником ее могла служить лишь кинохроника, которую более или менее регулярно смотрело лишь меньшинство населения, преимущественно в крупных городах. По мнению В.А. Токарева, в межвоенный период «подавляющая часть советского общества, особенно сельские жители, обогащала свой багаж *визуальных образов* о мире и внутрисоюзных событиях исключительно благодаря фотографам и фотографии». Однако тут же он отмечает, что фотоиллюстрации становятся привычным атрибутом совет-

1. Орлов И.Б. «Новая буржуазия» в сатире 1920-х гг. // История России XIX–XX вв.: Новые источники понимания. – М., 2001. – С. 231.

ских периодических изданий лишь со второй половины 20-х годов[2]. К тому времени политическая карикатура давно уже превратилась в часть привычной повседневности.

И поэтому любые официальные сообщения, газетные статьи или радиопередачи о современной жизни за рубежом очень часто вызывали зрительные ассоциации именно с карикатурами, которые публиковались в прессе и, что немаловажно, с точки зрения содержания практически повторяли основные темы и сюжеты советской пропаганды. Образ мира, в первую очередь Запада, для значительной части советского общества приобретал явно выраженные карикатурные, гротескные черты. Конечно, это в полной мере осознавалось и использовалось теми, кто занимался формированием у советских людей соответствующей картины мира. Более того, гротеск рассматривался как наиболее адекватное отражение внешнего мира. «В этой борьбе смехом мы имеем право изображать врага карикатурно. Ведь никто не удивляется, когда Ефимов или кто-нибудь другой из карикатуристов ставит Макдональда в самые неожиданные положения, в которых тот в действительности никогда не был. Мы очень хорошо знаем, что это бóльшая правда, чем лучшая фотография Макдональда, потому что этим искусственным положением, неправдоподобным положением карикатура выясняет внутреннюю правду ярче и острее, чем какой бы то ни было другой прием», – говорил А.В. Луначарский[3].

В образном ряду, формирующем представления о внешнем мире, политическая карикатура занимает особое место. С одной стороны, она отличается, как правило, особой емкостью образа, явной эмоциональностью (с ироническим или саркастическим оттенком) и, в ее советском варианте, абсолютной идеологизированностью. «В листовках ли, плакатах, лубочных картинках на печатном поле газетных полос, карикатура всегда четко и ясно разрешала тот или иной политический момент даже перед теми, кто менее всего посвящен в события политического дня. Масса знакомится с политическим моментом еще до прочтения передовицы, до отдельных статей на определенную тему», – подчеркивалось в одной из брошюр того времени[4]. С другой стороны, карикатура – часть повседневности, которая не всегда воспринималась читателями как пропаганда, выступая порой под маской «развлечения», но из-за своей распространенности и особенностей восприятия запоминалась и накладывала несомненный отпечаток на формирование образа иной страны или культуры в целом. «В отличие от западного элитарного подхода к карикатуре, в России

2. Токарев В.А. Советский фоторепортаж польской кампании (1939): Организация и структура // Проблемы российской истории. – Магнитогорск, 2006. Вып. 7. – С. 553.

3. Цит. по: Дмитриев А.В. Социология политического юмора: Очерки. – М., 1998. – С. 68–69.

4. Варшавский Л. Наша политическая карикатура. – М., 1930. – С. 9.

она использовалась как особая коммуникация властей с широкими массами населения. Ее злость и простота были достаточно понятны для любого читателя и зрителя», – отмечает современный исследователь[5]. Оставляя в стороне многие нюансы, карикатура формирует упрощенную картину реальности, в свою очередь, опираясь при этом на уже существующие установки, представления, стереотипы.

Видный коминтерновец Ф. Кон во введении к одному из альбомов, изданному в 1931 г., так характеризовал советскую карикатуру: «Часовой, вооруженный карандашом и зорко наблюдающий за готовящим новую интервенцию классовым врагом и разоблачающим его приемы»[6]. Необходимо отметить, что термин «политическая карикатура» в СССР межвоенного периода применялся исключительно к карикатуре на международные темы. Карикатуры, посвященные внутренней жизни СССР, независимо от темы и сюжета, таковыми не считались. Порой подобная практика вызывала обоснованные возражения, однако продолжала оставаться общепринятой.

По мнению Б. Ефимова, уже к началу 20-х годов карикатура заняла в советской печати такое место, какого она никогда и нигде не имела на Западе, где, по его словам, карикатуры носили по преимуществу развлекательно-бытовой характер и появлялись главным образом в воскресных, спортивных или юмористических выпусках. «Не удивительно, что буржуазная пресса была определенно озадачена активностью советской сатиры, когда “Правда” – газета мирового значения, а вслед за ней “Известия” и другие советские газеты придали карикатуре значение важного и ответственного политического материала, используя ее как острое и сильное агитационное оружие», – писал в своих воспоминаниях Б. Ефимов[7]. Тут же он приводит ряд примеров перепечатки советских (в частности, своих собственных) карикатур западными изданиями. По мнению художника, это говорило о «небывалом внутреннем и международном резонансе», который получала советская карикатура.

Вышедшая в 1930 г. брошюра так определяла задачи советской политической карикатуры: «Существует ходкое суждение о том, что карикатура является всемирной историей в эпиграммах. Это несомненно. Но советская политическая карикатура может к этому присоединить и то, что является отличительным для характеристики рабочей карикатуры, это – обличительный жанр, который вскрывает и разит капиталистический мир... Комическое в этой сатире не служит развлечением для читателя нашей прессы, а служит разоблаче-

---

5. Дмитриев А.В. Указ. соч. – С. 69.

6. Лицо врага. Рисунки Б. Ефимова. – М., 1931. – С. 3.

7. Ефимов Б.Е. Сорок лет. Записки художника-сатирика. – М., 1961. – С. 88.

нием, где едким смехом уничтожается притязание врага и открывается путь к постижению истинного смысла политического события»[8].

Не случайно вводные статьи (иногда весьма развернутые) к альбомам карикатур, выходившим в 20–30-е годы, в ряде случаев писали видные политические деятели, такие как А.В. Луначарский и Ф. Кон. Автором предисловий к двум изданиям карикатур Б. Ефимова, опубликованным в 1932 и 1938 гг., был Е.А. Гнедин[9]. «Если бы можно было развернуть рисунки Ефимова в виде фильма, то перед нами открылось бы чудовищное зрелище кризиса капиталистической системы, лицемерной комедии буржуазной дипломатии, зловещей трагедии подготовки империалистической войны», – писал Гнедин в 1932 г.[10]. В предисловии к альбому 1938 г. он особо подчеркивал роль включенных в него рисунков как «политического разоблачения фашистских агрессоров и их пособников» и определял альбом как «своеобразный политический памфлет»[11].

Особенно важна была пропагандистская функция карикатуры в кризисных ситуациях. В 1934 г. в журнале «Крокодил» была опубликована подборка карикатур времен Первой мировой войны (английских, немецких, русских). В редакционном комментарии подчеркивалось: в случае новой войны этой «буржуазной отраве» будет «противопоставлено разящее оружие большевистской сатиры»[12].

Темы карикатур для газеты «Правда» (реже «Известий») иногда задавались «сверху», что же касается журналов, если верить воспоминаниям Б. Ефимова, темы рисунков определялись редакционной коллегией[13].

Для советской политической карикатуры было характерно обилие деталей и многочисленных подписей различного уровня – эпиграфа (часто в виде цитаты), определяющего конкретный повод для появления данной карикатуры; названия карикатуры; подписи под рисунком, чаще всего в виде прямой речи действующих лиц; поясняющие надписи на тех или иных элементах рисунка. Не случайно читатели того времени часто в своих письмах подчеркивали, что «любят читать карикатуры»[14].

---

8. Варшавский Л. Указ. соч. – С. 8.

9. Гнедин Евгений Александрович (1898–1983) в 1932 г. работал в «Известиях», и предисловие было подписано его собственной фамилией; в 1938 г. он был уже заведующим отделом печати Наркомата иностранных дел и поэтому предисловие подписал псевдонимом.

10. Ефимов Б. Выход будет найден. Политические карикатуры. – М.; Л., 1932. – С. 5.

11. Поджигатели войны. Карикатуры Бор. Ефимова. – М., 1938. – С. 3.

12. Крокодил. – 1934. – № 20–21. – С. 19.

13. Ефимов Б. Мне хочется рассказать. – М., 1970. – С. 198.

14. Ефимов Б. Политическая карикатура. 1924–1935. – М., 1935. – С. 5.

Характерной особенностью политической карикатуры являлись повторяемость и узнаваемость нескольких «масок» – империалист (цилиндр, монокль, мешок с деньгами), как правило, лишенный национальных примет, но иногда с явным намеком на английское происхождение; военные (чаще других в форме армий Франции, Японии, Польши); социал-демократ; полицейский. Вот как, например, характеризует советский искусствовед типичный образ капиталиста в рисунках одного из видных карикатуристов того времени: «Тип капиталистов в плакатах и журнальных рисунках Черемных двадцатых и начала тридцатых годов, хотя и имел несколько особый оттенок, в целом мало отличался от изображения капиталиста в работах Моора, Дени и других художников. Это – жирное, хищное лицо с оскаленными клыками, толстая фигура, одетая в черный фрак и белую манишку; это – лоснящийся черный цилиндр на голове, золотые кольца на руках с отточенными, как когти зверей, ногтями. Именно таким долгое время изображали художники капиталиста, как образ хищничества, беспощадности, наглости и чревоугодия»[15].

В подобной роли выступали и наиболее одиозные для советской пропаганды политические деятели. Вскоре искушенный читатель уже безо всяких подписей узнавал тех или иных персонажей, ориентируясь на привычные детали – подбородок Муссолини, монокль Остина Чемберлена, конфедератка и усы Пилсудского, пилотка с кисточкой и характерный профиль Франко.

Говоря о советской политической карикатуре, как и вообще сатире на международную тему, нельзя не отметить еще один важный нюанс. Сатириков нередко критиковали за «копание в мелочах», требовали поднимать принципиальные вопросы общественной жизни. Однако здесь любого автора частушек, фельетонов, карикатур подстерегали различные, иногда весьма существенные, неприятные последствия. «Выход был найден. Сатира и юмор взялись за иностранный капитал. Здесь и критика, здесь и мировой масштаб. Да и вся страна жила мировыми проблемами. Слова: Лига Наций, Чемберлен, Чичерин, ультиматум и другие – не сходили со страниц газет», – подчеркивает в своем исследовании советской повседневной жизни 20–30-х годов Г.В. Андреевский[16].

Но и в этой области легко было вызвать неудовольствие соответствующих инстанций, о чем говорит карикатура И.А. Малютина с красноречивым названием «Зачемберленились», опубликованная в «Крокодиле» в январе 1926 г. Речь шла о том, что многие сатирики и карикатуристы занимались только внешнеполитическими сюжетами и не беспокоили «внутреннего врага»[17]. Это

---

15. Костин В.И. Михаил Михайлович Черемных. – М., 1957. – С. 14.

16. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20–30-е годы). – М., 2003. – С. 410.

17. Крокодил. – 1926. – № 2. – С. 3.

понимали и сами карикатуристы – Б. Ефимов вспоминает, что один из крупнейших карикатуристов написал шарж на самого себя с красноречивой подписью: «Вяжите меня, братцы, я опять Чемберлена нарисовал». А самого Ефимова коллеги Кукрыниксы изобразили скачущим на любимой (деревянной) лошадке с головой все того же злосчастного Чемберлена...[18]. На карикатуре Ю. Ганфа в конце 1926 г. «лекарь Крокодил» предлагал Чемберлену: «Заходите в следующий номер, сейчас я занят внутренними болезнями...»[19].

Политическая карикатура публиковалась в газетах, журналах, в том числе специальных (сатирических или юмористических). Расцвет ее приходится на 20-е годы, когда работали наиболее интересные советские карикатуристы, сложившиеся как мастера еще до революции (в основном вокруг журнала «Новый Сатирикон» – Дени, Моор, Черемных и др.), выходило множество сатирических журналов и в столице, и в провинции, вплоть до уездных городов. Большинство из них, однако, существовали лишь несколько месяцев. Более или менее стабильными оказались (среди столичных) московские журналы «Смехач» (1924–1928) и сменивший его «Чудак» (1928–1930), ленинградские – «Бегемот» (1924–1928), «Пушка» (1926–1929) и «Ревизор» (1929–1930). С 1930 г. количество журналов резко сокращается, вновь возникающие также существуют лишь несколько месяцев. В Ленинграде с 1930 г. сатирических журналов практически не издавалось; было два или три журнала в республиках, на языках титульных наций, сохранившихся до войны. Особняком стоят специализированные журналы «Лапоть» (1924–1933), предназначенный для крестьян, и «Безбожник» (1923–1941)[20]. Политические карикатуры регулярно печатались также в «Правде», «Известиях», «Труде» (в последней газете в основном с 1939 г.), выходили в виде альбомов. Наиболее стабильным, популярным и многотиражным среди советских сатирических журналов был, конечно же, «Крокодил», который издавался в Москве с 1922 по 2000 г. с периодичностью в среднем три раза в месяц. Весьма значительным был и тираж издания – 150 тыс. экз. в 1923 г., 500 тыс. – в 1933 г., 275 тыс. экз. в 1939 г. Именно материалы «Крокодила», позволяющие проследить динамику развития советской карикатуры по любым параметрам, положены в основу данного очерка.

Внимание советской сатиры к международной тематике то заметно увеличивалось, то снижалось. Это было связано со множеством причин, в первую очередь, конечно, с ситуацией внутри страны и с той оценкой международной обстановки, которая давалась политическим руководством.

---

18. Ефимов Б.Е. Сорок лет... – С. 108.

19. Крокодил. – № 43. – С. 1.

20. Полный перечень сатирических изданий за эти годы см.: Стыкалин С., Кременская И. – Указ. соч. – С. 458–466.

Так, если посмотреть материалы «Крокодила» с 1922 по 1939 г., окажется, что наибольшее количество карикатур на международную тематику (180 карикатур в 48 номерах) было опубликовано в 1923 г., когда в СССР всерьез ожидали начала мировой революции. На втором месте – 1936 г. (обострение международной ситуации, война в Испании) и 1939 (международный кризис, начало Второй мировой войны, советско-финская кампания), когда в годовых комплектах из 36 номеров появились соответственно 145 и 148 карикатур. На третьем месте – 1932 г., канун прихода Гитлера к власти в Германии (131 карикатура в 36 номерах). А меньше всего внимания внешнему миру «Крокодил» уделял в 1927–1928 гг., – времени завершения нэпа и начала индустриализации (соответственно 26 и 12 карикатур в 48 номерах журнала за год). Даже знаменитая «военная тревога» 1927 г. не изменила ситуации[21].

Какие же страны в большей степени привлекали внимание советских карикатуристов? Первое место, безусловно, принадлежало Германии. Из общего числа примерно 1600 политических карикатур, опубликованных в «Крокодиле», более 550 (свыше 30%) так или иначе затрагивают связанные с ней сюжеты.

Великобритания занимает почетное второе место (свыше 300 карикатур или чуть меньше 20%). На третьем месте Франция (более 250 карикатур, примерно 15%), на четвертом Польша (170 карикатур), на пятом и шестом соответственно Япония и США (166 и 160 карикатур), а затем вновь европейские страны – Италия (130) и с большим отрывом Финляндия (около 30 карикатур, причем большая часть – в период советско-финской войны).

* * *

Угроза новой войны всегда была одной из ведущих тем, особенно для политических карикатуристов. То Чемберлен, то Пуанкаре, то «дядя Сам»[22] спускали с поводка огромное бронированное чудище – войну – огромную, страшную, в противогазе, ощетинившуюся пушками, на танковых гусеницах... Даже, казалось бы, шаг, определенно ведущий к укреплению мира – подписание пакта Бриана-Келлога и присоединение к нему СССР в августе 1928 г. – так отразился в «Крокодиле»: западные дипломаты на рисунке подписывают пакт, приговаривая: «С удовольствием подписали бы и двумя руками». Но свободна только одна – каждый из них держит за спиной пистолет или бомбу. А на карикатуре М.М. Черемных, появившейся на обложке журнала в начале 1929 г., пакт обсуждали красноармейцы. Один говорил: «С буржуями подпи-

21. Подсчитано автором по подборке «Крокодил» за 1922–1939 гг. Всего за этот период вышло около 700 номеров журнала, в которых было опубликовано почти 1600 карикатур на международную тематику.

22. Так в 20-е годы обычно именовался «дядя Сэм».

сали мирный пакт, значит, нам домой». Второй довольно остроумно (хотя и чисто по-советски) отвечал: «С ними, как в загсе – сегодня расписались, завтра драка, буржуйской подписи не верь...»[23]. Впрочем, карикатуристы лишь следовали общему курсу советской политики – так, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в августе 1928 г., незадолго до того, как СССР присоединился к пакту Бриана-Келлога, подчеркивал в интервью «Известиям», что «в действительные цели инициаторов этого пакта, очевидно, входило и входит стремление сделать из него орудие изоляции и борьбы против СССР... пакт Келлога есть составная часть подготовки войны против СССР». А «всесоюзный староста» М.И. Калинин в марте 1929 г., уже после присоединения СССР к пакту, в публичном выступлении заявил, что пакт «рассчитан на завуалирование перед широкими массами опасности будущей войны»[24].

Не случайно на рубеже 20–30-х годов в «Крокодиле» неоднократно появлялись карикатуры на обывателя, который, сидя в своем уютном домике, не видит и не желает видеть ничего вокруг, а за стенами его дома оскаленные рожи империалистов, рабочие со скованными руками, расстрелянные индийцы и китайцы, до зубов вооруженные поляки или французы, пушки, танки, отравляющие газы[25]. Ожидали не только войны империалистов против Республики Советов; постоянно возникала тема и новой мировой войны, главными участниками которой должны были стать великие державы в самых неожиданных комбинациях – США против Англии, Англия против Франции и т.д.

В начале 20-х годов отнюдь не самый активный участник гонки вооружений, США, становится одной из основных мишеней советских сатириков, клеймивших эту гонку. Так, только в 1923 г. в «Крокодиле» из шести карикатур, посвященных этой теме, пять относились именно к Америке[26] (шестая затрагивала Францию и Англию). При этом главный мотив всех опубликованных карикатур отражал даже не столько гонку вооружений как таковую, сколько лицемерие американской внешней политики, провозгласившей «мир на земле», в то время как американское правительство наращивало производство боевых самолетов и военных кораблей[27].

«Виновники» будущей войны уже в конце 20-х годов были названы советскими карикатуристами поименно. В конце 1927 г. появилось произведение

---

23. Крокодил. – 1928. – № 32. – С. 5; 1929. – № 7. – С. 1.

24. Документы внешней политики СССР. – М., 1966. – Т. XI. – № 463, 464; Т. XII... 1967. – С. 105.

25. См., например, карикатуры Ю. Ганфа «В норе за самоварчиком» и «Иван Иваныч почитывает»: Крокодил. 1927. – № 19. – С. 1; 1929. – № 32. – С. 10.

26. Там же. – 1923. – № 16. – С. 745; № 20. – С. 806; № 21. – С. 811; № 28. – С. 946; № 41. – С. 1158 (в 1923 г. нумерация страниц «Крокодила» была единой в течение всего года).

27. Там же. – № 16. – С. 745.

Ю. Ганфа «Парад-алле», где на арене играли мускулами чемпионы – причем не чемпионы мира, как подчеркивала подпись, а чемпионы войны. Англию на «чемпионате» представляли О. Чемберлен и С. Болдуин, Францию – Р. Пуанкаре, Италию – Муссолини, Испанию – Примо де Ривера, Польшу – маршал Пилсудский. Германия в этом первенстве участия не принимала[28]. Прошло два года, и в журнале появилась подборка шаржей, объединенная безапелляционным названием «Виновники будущей войны». Любопытно сравнить персональный состав персонажей двух публикаций. Сохранили свое место в этом малопочетном ряду Пуанкаре, Муссолини, Пилсудский, Примо де Ривера. Англию в данной карикатуре представлял бывший министр финансов У. Черчилль, сыгравший определенную роль в разрыве англо-советских отношений в 1927 г. На рисунке также появились папа римский Пий XI, регент Венгрии М. Хорти, бывшие президент Франции А. Мильеран и премьер-министр Болгарии А. Цанков. Но самое интересное, что в числе виновников будущей войны – и притом впервые на страницах «Крокодила» появился лидер национал-социалистической рабочей партии Германии А. Гитлер. Правда, его внешность была еще не слишком известна. Гитлера без подписи узнать на карикатуре невозможно – лицо испуганное, довольно молодое, модные усики с острыми кончиками и модная тирольская шляпа[29].

О том, как отзывалась советская карикатура на конкретную международную ситуацию, можно проследить на примере знаменитой «военной тревоги» 1927 г.

В первой половине 1927 г. напряженность в отношениях с Англией росла, что вскоре закончилось разрывом дипломатических отношений. Однако, как отмечалось выше, в 1927 г. интерес советских карикатуристов к внешнему миру резко снизился (в 48 номерах журнала «Крокодил» за этот год было опубликовано всего 26 карикатур на международную тематику, и девять из них как раз были откликом на советско-английские отношения).

Впервые темы, связанной с ожиданием войны и советско-английскими отношениями, «Крокодил» коснулся в апреле, причем дважды: на карикатуре, многозначительно озаглавленной «Рука английского пролетариата остановит руку хищника», страшного вида «буржуй» тянулся к фитилю бомбы с надписью «война», а через несколько страниц в том же номере на карикатуре «Силы небесные» читатель видел О. Чемберлена, который глядя на небо, покрытое боевыми самолетами, меланхолически произносил: «Небеса свидетель, я думаю только о мире»[30].

---

28. См., например, карикатуры Ю. Ганфа «В норе за самоварчиком» и «Иван Иваныч почитывает»: Крокодил. – 1927. – № 33. – С. 1.

29. Там же. – 1929. – № 28. – С. 4–5.

30. Там же. – 1927. – № 15. – С. 7, 12.

Слухи о войне тем временем распространялись по стране, люди скупали сахар и керосин, все чаще велись разговоры о том, что война уже началась, но коммунисты это скрывают. В мае в «Крокодиле» появилась карикатура «В норе за самоварчиком», где высмеивался обыватель, не желающий ничего знать о приближающейся войне[31].

Пик интереса сатириков к «военной тревоге» приходится на июль-август. На одной из обложек журнала Крокодил с винтовкой, в военной форме, в противогазе уверенно заявлял: «Воевать не собираюсь, но и другим не советую». На обложке следующего номера все тот же Чемберлен, отпирая замок на цепи, удерживающей чудовище-войну, в каске, в противогазе, на танковых гусеницах, провозглашал: «Я против цепей и насилия. Надо пустить этого зверя на свободу!»

И три следующие карикатуры не обошлись без Чемберлена – на одной он проигрывал красноармейцам партию в шахматы, на другой разглядывал заполнившие небо советские самолеты («Наш ответ Чемберлену»), на третьей – советские рабочие писали письмо Чемберлену (карикатура, конечно же, воспроизводила знаменитую репинскую композицию)[32].

Последняя карикатура, связанная с темой «военной тревоги», появилась в середине августа. Рабочие на собрании упрекнули оратора: «Что ты все о войне – мы за мир». Оратор же «находчиво» ответил: «Если война, всем миром пойдем». Этим сомнительным каламбуром и завершилась «военная тревога» 1927 г., сыгравшая, кстати, весьма существенную роль в определении и внутренней, и внешней политики СССР на ближайшую перспективу.

Не только «Крокодил» откликнулся на «военную тревогу». На обложке журнала «Смехач» появилась карикатура «Худой мир», на которой О. Чемберлен, обращаясь к донельзя изможденному ангелу мира, давал ему такой совет: «Вам, дорогой Мир, нужно будет отдохнуть годика два-три. Вы переутомились"[33]. А в одном из июльских номеров Чемберлен направлялся в Женеву, оседлав измученного голубя мира[34].

Сохранявшийся масштаб «чемберлениады» во многом определялся примитивной ориентацией журналов на привыкание рядовых читателей к знаковым фигурам. Политику Великобритании в отношении СССР определял не только Чемберлен. Премьер-министром в эти годы был С. Болдуин; многие видные консерваторы, например министр финансов У. Черчилль и министр по делам Индии лорд Биркенхед, активно участвовали в антисоветской кампа-

31. См., например, карикатуры Ю. Ганфа «В норе за самоварчиком» и «Иван Иваныч почитывает»: Крокодил. – 1927. – № 19. – С. 1.

32. Там же. – № 25. – С. 1; № 26. – С. 1; № 27. – С. 1; № 29. – С. 1, 8.

33. Смехач. – М., 1927. – № 22. – С. 1.

34. Там же. – 1927. – № 29. – С. 4; № 30. – С. 3.

нии; знаменитый обыск советских учреждений в 1927 г. организовал министр внутренних дел Дж. Хикс, и т.д. Сам же Чемберлен в отношениях с СССР был сторонником более сдержанной политики[35]. Но в советской карикатуре однозначно доминировал именно он, ставший, как ранее лорд Керзон, олицетворением «британского империализма». Искушенный читатель узнавал его с первого взгляда (в «Крокодиле» за весь период 1924–1929 гг. Чемберлен фигурировал примерно в четырех десятках карикатур, в то время как премьер-министр Болдуин появился лишь десять раз, да и то, как правило, в многофигурных композициях, часто в компании с тем же Чемберленом, а Черчилль – вообще лишь однажды).

* * *

Опубликованная в первом номере «Крокодила» за 1929 г. карикатура Ю. Ганфа «Буржуазная Европа вкушает мир» как бы подводила итог всей европейской дипломатии 20-х годов. Несмотря на название, картина на рисунке представала отнюдь не идиллической. Вечерний европейский город; в окнах военные, склонившиеся над картами, и фашисты, собравшиеся вокруг стола со свастикой; буржуа внимательно слушают кюре и генерала; обыватели тем временем развлекаются, наблюдая канкан и стриптиз. А на улице – рабочая демонстрация, в порту военные корабли с флагами США, Франции, Англии, Японии. И над всем этим нависает огромная фигура в форме, противогазе, с винтовкой[36].

Новая программа вооружений, принятая тем или иным государством, иногда просто очередной бюджет, предусматривающий рост военных расходов, хотя бы в рамках инфляции – все вызывало у карикатуриста и, соответственно, читателя образ «безумной Европы», увешивающей себя оружием. Уже в 1922–1923 гг. понятие «гонка вооружений» прочно обосновалось среди основных стереотипов, внедрявшихся советской пропагандой, в том числе и средствами политической сатиры[37]. Время от времени появлялись карикатуры, на которых небо покрывали боевые самолеты, а море – боевые корабли так, что даже акулам некуда было деться[38].

Любые, достаточно, впрочем, робкие и безрезультативные, попытки западной дипломатии ограничить гонку вооружений, заранее вызывали скептиче-

---

35. См. об этом: Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. – М., 1987. – С. 101.

36. Крокодил. – 1929. – № 1. – С. 12.

37. См.: Там же – 1922. – № 8. – С. 7; 1923. – № 21. – С. 802; 1931. – № 13. – С. 14; и др.

38. См., например, карикатуру «Акулья участь»: Крокодил. – 1928. – № 7. – С. 7.

ское отношение советских сатириков. Идеи демократического пацифизма, достаточно актуально звучащие и сегодня, призывы воспитывать отвращение к войне и насилию, начиная со школы, и т.п. – все это являлось лишь благодатным материалом для карикатуристов[39].

В 1931 г. была опубликована карикатура под несколько неожиданным названием – «В школе Лиги Наций». Ангел мира входил в школу Лиги Наций ребенком с оливковой ветвью в руках, а выходил в виде здоровенного детины в военной форме, вооруженного до зубов, держащего в руках баллон с отравляющим газом и план нападения на СССР. За плечами у бедного ангела появились крылья от бомбардировщика со свастикой. Автор особо подчеркивал, что учителями в этой школе были О. Чемберлен и А. Бриан[40].

Надо сказать, что ангел мира, несмотря на подчеркнутый антиклерикализм советской пропаганды, появлялся на страницах «Крокодила» довольно часто. Иногда он представлял собой лишь украшение, ширму, за которой скрывалась война со всеми своими атрибутами. Но порой он представал и в военной форме, и с винтовкой. Его давили танками, протыкали штыками, резали на куски буржуазные дипломаты... Если же автор карикатуры был в хорошем настроении, он заставлял очередного ангелочка просто поиграть с оружием[41].

Логичное завершение эти сюжеты нашли в карикатуре, появившейся уже в 1940 г., после начала Второй мировой войны: у закрытых дверей Лиги Наций тощий, оборванный ангел мира просил подать ему на вооружение[42].

Конечно, угроза новой войны СССР с «капиталистическим окружением» была постоянной темой карикатуристов в эти годы. Надо сказать, что советские сатирики демонстрировали уверенность в нерушимости «священных рубежей социалистического Отечества», уверенность, которую в общем-то не разделяли ни советское руководство, ни – особенно в 20-х годах – подавляющее большинство населения страны[43]. Время от времени появлялись сюжеты, намекавшие на помощь западного пролетариата в войне против СССР[44].

---

39. См., например, карикатуру «Акулья участь»: Крокодил. – 1923. – № 6. – С. 577; 1924. – № 28–29. – С. 13.

40. Там же. – 1931. – № 23–24. – С. 2.

41. См.: Там же. – 1925. – № 48. – С. 2; 1926. – № 1. – С. 1; 1928. – № 1. – С. 5; 1930. – № 9. – С. 7; 1932. – № 19. – С. 2; 1935. – № 28–29. – С. 9; и др.

42. Там же. – 1940. – № 4. – С. 9.

43. См. об этом: Голубев А.В. «Если весь мир обрушится на нашу Республику»: Призраки войны в советском обществе 20–30-х годов // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. – М., 2007.

44. Крокодил. – 1928. – № 9. – С. 4.

В 1930 г. появились две карикатуры со сходным сюжетом. На одной из них, принадлежащей М. Черемных и помещенной на обложке «Крокодила», огромный, краснощекий красноармеец с винтовкой в руке иронически поглядывал на хищную «империалистическую» руку, тянущуюся к карте пятилетки. Характерна запонка на белоснежном манжете империалиста – на ней совмещены английский и американский флаги, буквы СД (т.е. социал-демократы) и свастика. А с одного из когтей капала кровь, и надпись поясняла – «КВЖД» (имелся в виду, конечно, известный конфликт 1929 г.)[45]. Изучив карикатуру, внимательный читатель мог сделать вывод о том, кто считался главным противником СССР.

Вторая карикатура поразительно совпадает по сюжету с первой[46]. Б. Ефимов также изобразил улыбающегося красноармейца с винтовкой на фоне знамени с надписью «Пятилетку в 4 года!» Перед ним бессильной злобой исходили на сей раз уже семь голов на преувеличенно длинных шеях (намек на «гидру империализма»?). Перечень носителей зла почти совпадал. Как бы в порядке значимости, сверху вниз, шли: британский империалист в цилиндре, напоминающем имперскую корону, немецкий фашист в каске со свастикой, социал-демократ, папа римский Пий XI, японский военный, французский военный и, наконец, маршал Пилсудский. Таким образом, появились четыре новых персонажа, и исчез американский империализм. Но относительно трех «главных» врагов (фашист, социал-демократ, Великобритания) расхождений не было[47].

На протяжении 20-х и начала 30-х годов тема будущей войны, при всей ее важности, все же оставалась на втором плане по сравнению с внутриполитическими сюжетами европейской жизни – кризисы, революционное движение, репрессии, тяжелое положение трудящихся и так далее. Да и «виновники будущей войны» иногда подбирались по очевидно случайному принципу.

В 1933 г. к власти в Германии приходит Гитлер, и постепенно тема фашистской агрессии выходит на первый план. Только в «Крокодиле» за 1933–1939 гг. этой теме было посвящено более 200 карикатур. Кроме того, они регулярно публиковались в других журналах и газетах, в альбомах известных карикатуристов, например Б. Ефимова и Кукрыниксов.

На первых порах преобладала тема перевооружения Германии. Немецкие дипломаты изображались на фоне пушек, генералы просили разрешения построить уже готовые к полету бомбовозы, голубь мира в немецком варианте

---

45. Крокодил. – 1930. – № 5. – С. 1.

46. Не исключено, что этот сюжет был предложен кем-то из «темистов», и два художника по-своему воспроизвели его.

47. Карикатура вошла в альбом: Ефимов Б.Е. Карикатура на службе обороны СССР. – М., Л., 1931. – С. 20.

был приспособлен для фотографирования неприятельских позиций и разбрасывания бактерий[48]. Выход Германии из Лиги Наций в октябре 1933 г. был расценен карикатуристами как первый шаг к войне – вслед за немецким дипломатом двинулся в путь скелет в противогазе, с винтовкой в руке[49]. Не обошлось, конечно, и без выпадов в адрес мирового империализма: в полном соответствии с официальной советской пропагандой уже в 1933 г. «добрыми феями» Адольфа Гитлера были объявлены магнаты Уолл-стрита, Англии, Франции и Рура[50].

Что касается антисоветских заявлений гитлеровского руководства, они были прокомментированы следующим образом. Стоящий перед картой пятилетки, огромный симпатичный тевтон с мечом предостерегал противного штурмовика с дубиной: «У них есть кое-что, чего не было даже у Рима»[51].

Ряд карикатур отражал наметившееся сближение Германии и Японии. «Брак по любви... к чужим территориям» – так называлась карикатура Б. Ефимова 1936 г., на которой японец, с вожделением рассматривавший глобус, покрытый немецкими и японскими флажками, сжимал в объятиях огромную Германию в тевтонском рогатом шлеме, с длинной белокурой косой и с неизбежными усиками[52].

Особый сюжет этих лет – германо-итальянское сближение, ось «Берлин-Рим». Муссолини и Гитлер фигурируют в целом ряде карикатур. На одной из них тевтон Гитлер и римлянин Муссолини «на потребу богу войны» куют ось для колесницы Марса. На другой – проект статуи германо-итальянской дружбы, изображающей Гитлера в роли всадника, а Муссолини, соответственно, лошади. И наконец, оба союзника изображены голодными волками на европейской дороге (Муссолини, впрочем, опять не повезло – ему, по аналогии с античной легендой, досталась роль волчицы, хотя и капитолийской)[53].

Однако настоящей темой дня стала, конечно, немецко-итальянская интервенция в Испании. Только в «Крокодиле» появилось свыше 30 карикатур на эту тему. Вышел и специальный альбом Б. Ефимова[54].

Немецкие «добровольцы» в Испании на фоне трупов и руин, гитлеровские генералы в штабе Франко – все эти сюжеты постоянно повторялись в

---

48. Крокодил. – 1935. – № 7–8. – С. 5; № 9. – С. 1; № 28–29. – С. 21; 1936. – № 5. – С. 6.

49. Там же. – 1933. – № 30. – С. 3.

50. Борис Ефимов в «Известиях». Карикатуры за полвека. – М., 1969. – С. 80.

51. Крокодил. – 1934. – № 5. – С. 5.

52. Поджигатели войны... С. 67.

53. Крокодил. – 1937. – № 26. – С. 1; Поджигатели войны... С. 5, 15.

54. Фашистские интервенты в Испании. Карикатуры Бор. Ефимова. – М., 1937.

советской карикатуре в 1936–1938 гг. В этой серии карикатур Гитлер и его союзник Муссолини выглядели опасными и могущественными злодеями, зато генерала Франко авторы карикатур то загоняли под стол, за которым сидели немецкие «советники», то заставляли чистить сапоги Гитлеру и Муссолини, а на одном из рисунков Франко – в роли туземца в юбочке из листьев – целовал ноги немцу – колонизатору[55].

Почти столь же презрительно изображались в карикатурах на испанскую тему Великобритания, Франция и их политика невмешательства: немцы и итальянцы стригли когти британскому льву, наступали ему на хвост, а тот предлагал им одну уступку за другой.

Если Гитлер и его союзники на фоне своих испанских сателлитов или западноевропейских дипломатических партнеров выглядели весьма грозно, то на фоне СССР они же становились подчеркнуто жалкими, уродливыми, бессильными. Подобные карикатуры с соответствующими надписями (например, «Видит око, да зуб неймет») регулярно появлялись в «Крокодиле». У Гитлера «коротки руки», чтобы схватить глобус с изображенным на нем СССР; фашистская свинья беспомощно ковыряется у высокого советского забора; немецкий фашист за школьной партой учит уроки истории (Ледовое побоище), географии (где находится озеро Хасан), арифметики (рост производства в СССР)[56].

Оккупация Австрии, ввод войск в Рейнскую демилитаризованную зону, угрозы в адрес Чехословакии и Польши – все отражалось в материалах советской сатиры. Если на карикатурах 1925 г. Германия выступала в качестве приживалки в «польском коридоре», то на рисунке 1937 г. лакеем в Данцигском коридоре оказывался уже поляк, зато в комнатах уютно устроились хозяева-нацисты[57]. А польский министр иностранных дел Ю. Бек, изображенный в виде собачонки, униженно ждал подачек с немецкого стола[58].

Германия предстает то в образе свирепого кабана (1936), то в образе паука, подбирающегося к нейтральным странам (Голландия, Бельгия, Швейцария, 1937), то в образе волка из сказки о Красной шапочке – только Красных шапочек на рисунке четыре, это Австрия, Венгрия, Румыния, Югославия (1937)[59].

---

55. Крокодил. – 1937. – № 23. – С. 4; 1938. – № 12. – С. 11; Фашистские интервенты в Испании... С. 29.

56. Крокодил. – 1936. – № 34. – С. 13, 15; 1938. – № 31. – С. 4. На одном из рисунков Геббельс в образе Микки Мауса старательно дирижировал антисоветским хором. См.: Поджигатели войны... С. 99.

57. Крокодил. – 1937. – № 1. – С. 7.

58. Поджигатели войны... С. 61.

59. Крокодил. – 1936. – № 35. – С. 5; Поджигатели войны... С. 48, 55.

И все более жалко и беспомощно выглядят перед лицом агрессора «умиротворители» – и британский лев, и Джон Буль, и француженка Марианна, и их восточноевропейские союзники.

Время от времени к ним присоединялся и дядя Сам. Так, на одной из карикатур 1938 г. с красноречивым названием «Кто как борется за мир» Америка, глядя на заполонивших международную арену многочисленных хищников (кобра со свастикой, тигр, волк) и парочку грабителей (фюрер и дуче), а также частокол японских штыков на восходящем солнце, заявляет: «Мой небоскреб с краю, ничего не знаю».[60].

Конечно, в карикатурах отражалась и такая тема, как стремление Запада повернуть агрессию Германии на Восток. На рисунке Б. Ефимова (1938) несколько европейских политиков (в том числе Чемберлен и Даладье) заклинали духа, выпущенного из бутылки – в тевтонском шлеме со свастикой, с мечом, с челкой и квадратными усиками на черепе, призывая его повернуть на Восток.[61].

В феврале 1937 г. появилась карикатура Ю. Ганфа «Перед решающей схваткой», на которой огромного боксера в противогазе, олицетворявшего войну, готовили к бою тренеры – Муссолини, Гитлер, Франко, Троцкий.[62]. Фигура Троцкого появилась в этом ряду не случайно: только что в Москве состоялся показательный процесс «параллельного троцкистского центра», на котором Г.Л. Пятаков, Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек, Л.П. Серебряков и другие обвиняемые признавались, что по заданию Троцкого организовывали диверсии на предприятиях и надеялись облегчить поражение СССР в войне с фашистами, чтобы в условиях внешнеполитического провала Сталина прийти к власти. Ради этого Троцкий якобы был готов расчленить страну как во время Брестского мира.

В новой международной ситуации по-новому переосмысливаются привычные сюжеты, связанные с образом Европы-«дома» и Европы-«оркестра».[63]. Примером может служить отражение второй темы в многофигурной карикатуре Ю. Ганфа с красноречивым названием «Ансамбль международной свистопляски». Эту карикатуру можно долго «читать» и подробно пересказывать. Европа предстает не столько в виде ансамбля, сколько сборного эстрадного

---

60. Крокодил. – 1938. – № 5. – С. 8–9.

61. Карикатура приведена в книге Б. Ефимова «Сорок лет. Записки художника-сатирика». – М., 1961. – С. 100.

62. Крокодил. – 1937. – № 5. – С. 5.

63. Подробнее о сюжетах «Европа-дом» и «Европа-оркестр» см.: Голубев А.В. Межвоенная Европа глазами советской карикатуры // Европа, Варшава. 2003. – Т. 3. – № 3 (8); Он же. «Ансамбль международной свистопляски»: Европа в советской политической карикатуре 20–30-х гг. // Проблемы российской истории. – Магнитогорск, 2003. – Вып. 2.

представления, организованного не слишком разборчивым импресарио. Муссолини поливает водой Джона Буля; Италия режет на куски Албанию; британскому льву в хвост забили ось «Берлин-Рим»; Джон Буль и Марианна держат перед фашистом бумажный обруч; Германия крадет у Румынии нефть; нейтралы поют: «А мы просо сеяли», агрессоры же (Япония, Германия, Италия) отвечают им: «А мы просо вытопчем»; итальянские финансы поют романсы; Франко слушает японца, немца, итальянца; немецкий фашист дирижирует Румынией...[64]

В 1938–1939 гг. появляется ряд карикатур, посвященных агрессивным намерениям Германии относительно Чехословакии, как до, так и после подписания Мюнхенских соглашений, и Польши. Однако уже в июне 1939 г. рисунков на международные, особенно европейские темы, становится все меньше.

В первые месяцы Второй мировой войны советская пропаганда находится в состоянии полной неопределенности[65]. Неожиданный для абсолютного большинства поворот во внешней политике СССР, обозначенный пактом Риббентропа-Молотова, привел к растерянности в обществе, в том числе и среди карикатуристов. Мгновенно (и уже до 22 июня 1941 г.) исчезают все карикатуры, изображающие Германию. Тема Англии и Франции во второй половине 1939 г. возникает лишь несколько раз, в связи с тяготами войны для рядовых европейцев. Доминирует сначала польская тема (поражение Польши и «освободительный поход» Красной Армии, ликование польского народа, преобразования на бывших польских территориях), позднее – финская, связанная с советско-финской войной.

В 1940 и первой половине 1941 г. карикатуры на европейские темы вновь возвращаются на страницы «Крокодила» и других изданий. Их основные герои – Англия, Франция, польские эмигранты, финны. Время от времени достается Румынии и Швеции. Большая часть карикатур посвящена международной тематике[66], ходу войны и тяготам военного быта в воюющих странах (Италия и Германия в этом ряду, конечно, отсутствуют). А дядя Сам занимается любимым делом, бизнесом: продает оружие и считает барыши, заработанные на войне...

Пройдет еще полгода, и начнется Великая Отечественная война. Германия, Италия и их сателлиты теперь предстанут перед читателем в «образе врага», в то время как США и Англия, а также Франция и Польша, пусть и оккупированные, будут рассматриваться в качестве союзников.

---

64. Крокодил. – 1939. – № 12. – С. 8–9.

65. Подробнее см.: Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. – М., 1997.

66. В частности, этим сюжетам был полностью посвящен восьмой номер «Крокодила» за 1940 г. под общим названием «Сегодня "Крокодил" принимает иностранных гостей».

* * *

В своих воспоминаниях старейший советский карикатурист Б.Е. Ефимов со знанием дела утверждает: «Образная форма карикатуры понятнее, эмоциональнее и, главное, нагляднее любой литературной формы, так как сатирический рисунок конкретизирует явления и ситуации, приближает их к глазу читателя, переводит факты с языка логических понятий на язык зрительных образов»[67].

Можно сделать вывод, что образы внешнего мира, созданные советской карикатурой 20–30-х годов, во многом определили внешнеполитические стереотипы значительной части советского общества не только тех лет, но и последующего периода[68]. А в какой-то степени их воздействие можно проследить и сегодня...

67. Ефимов Б. Сорок лет... С. 90.

68. Подробнее см.: Голубев А.В. Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: Наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX в. – М., 2005; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов... С. 69–95; Яковенко И.Г. Динамика образа Запада в отечественной культуре 1990-х годов // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. – М., 2002. – Вып. 2.

Б.В. Ракитский

БЫЛЬ О ТОМ, КАК ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ СССР ВЫДУМАЛА ИДЕЙНОГО ВРАГА – «РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ» – И КАК С НИМ БОРОЛАСЬ

Ракитский Борис Васильевич – доктор экономических наук, профессор.

Речь пойдет о периоде 1968–1973 гг. Но выводы и уроки из событий той поры поучительны в плане методологии, теории и оценки практики советской эпохи.

Тот самый 1968-й...

Научная школа, к которой я принадлежу, к концу 70-х годов выработала достаточно стройную концепцию деформаций и перерождений социализма (хотя в печати она появилась лишь в 1988–1990 гг.). А в 1968 г., во время событий в Чехословакии, для меня и некоторых моих товарищей окончательно прояснилась принципиальная оценка политической и хозяйственной системы в СССР как тоталитарной. События «Пражской весны» мы восприняли как революционные, антитоталитарные по их направленности и содержанию.

Тогда в июле 1968 г. в «Правде» (великое спасибо заведующему отделом С.М. Балбекову!) напечатали две моих статьи о том, как заглохла хозяйственная реформа на горьковском заводе «Двигатель революции». Некоторые хвалили, остальные молчали.

Заведующий другого отдела «Правды» Сергей Митрофанович Ковалёв[1] показал мне верстку моей большой (на два «подвала») статьи о характере труда в рубрике «Вопросы теории». Очень и очень престижная была рубрика. Показал и при этом сказал, что главному статья нравится. Дал два дня сроку,

1. Сергей Митрофанович – умница, интересный философ. А отметился и запомнился больше всего услужливыми новациями об «урезанном суверенитете» и «внутренней эмиграции». Увы!

чтобы вставить 5–10 строчек, отмежевывающих мою позицию от «идеологов чехословацких событий». Были первые числа августа. Верстку я унес и больше не вернул. Статья не пошла. Условие успеха я счел неприемлемым.

В июле же 1968 состоялся принципиальный разговор с Я.А. Кронродом[2]. Он просмотрел верстку моей монографии «Формы хозяйственного руководства предприятиями». Он был ее ответственным редактором. Вычеркнул много текста, примерно четверть, больше четырех печатных листов. Я горевал. И не только горевал, но пробовал убеждать не делать сокращений.

– Яков Абрамович! – говорил я. – Вы же видите, к чему идет. Если сейчас это не напечатаем, уже не напечатаем вообще. Все зажмут!

– Я, Борис Васильевич, это понимаю не хуже Вашего. Поэтому и нельзя рисковать.

– Я готов рисковать. Главное – напечатать! Я автор – на мне и скажется, если что.

– Да нет... На книге стоит и моя фамилия.

Я его не уломал. Все, что наметил, он выкинул. В том числе и две схемы управления народным хозяйством. Одна – существующая, где во главе всего ЦК КПСС и парторганы. Другая – как должно бы быть, без ЦК КПСС и партийных органов. Схемы Кронрод прокомментировал совсем кратко: «Вы с ума сошли!».

«Формы хозяйственного руководства предприятиями» вышли в ноябре 1968 г. А в марте 1969 удалось выпустить еще одну книжку – «Что такое экономические методы хозяйствования. Очерки по теоретическим проблемам реформы». Эта книга вышла не под грифом Института экономики АН СССР. Решили обсудить ее на секторе. Не знаю уж, почему так решили, но я был рад: интересно, что скажут товарищи.

Товарищи книжку дружно ругали. Некоторые скорее ругали, нежели хвалили. С большой обличительной речью выступил Яков Абрамович. Один, наверное, Лёва Никифоров[3] не только ругал, а защищал и поддерживал.

С конца августа 1968, после введения войск в Чехословакию, по всему СССР прошли собрания в трудовых коллективах. Людей призывали голосовать за одобрение акции. Немало людей сознательно не пошли на эти собрания (я был в их числе). Кто оказался в зале, были как в западне. Приходилось поднимать руку из опасения попасть на заметку. Но часть людей все-таки не поднимала. А один человек в Институте экономики АН СССР поднял руку

2. Кронрод Яков Абрамович (1912–1984) – европейски известный, выдающийся советский политэконом, в 1968–1972 – заведующий сектором общих проблем политической экономии социализма Института экономики АН СССР.

3. Никифоров Лев Васильевич (род. 1933) – видный российский политэконом. В 1968–1972 гг. старший научный сотрудник сектора общих проблем политической экономии социализма Института экономики АН СССР.

«против». Это Аркадий Гиневский, младший научный сотрудник нашего сектора.

Заместитель директора Н.И. Линкун потребовал объяснений от парторга нашего сектора Л.В. Никифорова. Тот советовал Аркаше сказаться «зазевавшимся» и просто забывшим опустить руку. Но Аркаша, будучи вызванным к Н.И. Линкуну, четко сказал, что голосовал «против», протестуя против акции.

Аркадия Гиневского из Института через некоторое время уволили. Как сложилась дальше его судьба, я не знаю. Но о его гражданском мужестве всю жизнь помню и не дам себе забыть.

Партноменклатура ищет врага

В связи с «Пражской весной» в стране был развернут «поиск врага». Хозяйственная реформа, начатая было в 1966 г., захлебнулась. Руководство страны не пожелало сопрягать расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и объединений с хоть какими-нибудь шагами в сторону демократизации политической и общественной жизни. Так что и в хозяйстве вышла не демократизация, а некоторая децентрализация управления (т.е. далеко не то, что объективно требовалось). Реальным последствием стало постепенное формирование теневого капитала (оборота скрытых ресурсов) на предприятиях. Позже, в 70–80-х годах, процесс этот дошел до сращивания теневого капитала с партаппаратом.

Очередной провал попыток реформировать советское хозяйство на фоне чехословацкой революции требовал чего-то такого, что выглядело бы как перехват инициативы в идейной области. Надо знать советский тоталитарный режим, чтобы понять: ничего конструктивного в качестве перехвата инициативы предложено быть не могло. На все конструктивное при тоталитаризме установлена монополия, как и на власть. А тоталитарная власть в принципе неспособна к самореформированию. Вспомните горбачёвскую перестройку (1985–1987). Ведь никаких новых конструктивных идей правящая каста, вооруженная, вроде бы, по словам М.С. Горбачёва, «новым мышлением» так и не предложила. Вся программа свелась к «Начать с себя!», «Углубить!» и «Больше социализма!»

В принципе такой тоталитарная власть была и при Брежневе–Суслове. Вместо анализа ситуации, вместо стратегии перемен власть благосклонно отнеслась к инициативе найти злостного идейного врага и обезвредить его.

Инициативу проявили работники аппарата ЦК КПСС, а если конкретнее – работники отдела науки ЦК КПСС. Сталинистов в этом отделе было более чем достаточно. Вот как писал об этом в ЦК КПСС в 1970 г. вице-президент АН СССР академик А.М. Румянцев:

«...В последние годы деятельность отдела науки все больше сводится к функциям своего рода “цензора”, органа, наказывающего отдельных ученых и научные коллективы за те или иные просчеты или ошибки...

Характерно, что эти односторонние функции, к которым, по существу, сводит свою деятельность отдел науки, в последнее время начали определять и подбор кадров в него. В качестве примера я мог бы привести заведующего сектором экономических наук тов. Скипетрова, назначенного на этот пост около двух лет назад... (Привожу именно этот пример, поскольку он мне как экономисту особенно близок, вместе с тем таких примеров в отделе много.) ...Назначение получил весьма заурядный преподаватель политэкономии, который никакого другого опыта не имеет и, кроме чтения элементарных лекций студентам, практически ничем себя не зарекомендовал. Естественно, что он без всякого вкуса, интереса и даже понимания отнесся к экономическим исследованиям, призванным служить практике, оказывать действенную помощь ЦК КПСС и правительству. Мало того, тов. Скипетров провел кампанию против многих наиболее творческих людей в нашей экономической науке, занял в идущих здесь спорах групповую, беспринципную позицию. Дело в том, что он, судя по опубликованным работам, принадлежит к так называемой группе «антитоварников», т.е. людей, отрицающих существование товарного производства при социализме, что находится в противоречии не только с мнением большинства советских ученых-экономистов, но и с целым рядом важных партийных решений. Естественно, что, попав в аппарат ЦК, он занял позицию необъективную, отвечающую интересам определенной группы ученых, и это создало существенные ненормальности в положении на экономическом фронте»[4].

Антитоварность и антитоварники

Что было в головах аппаратчиков, конструировавших идейного врага? Сталинистская картина мира, методологическим стержнем которой является вульгарный материализм (экономический материализм, экономический детерминизим). Вульгарный материализм характерен тем, что берет какую-либо сторону общественной реальности и возводит ее в абсолютную причину на все времена, объявляя все остальное в обществе ее следствием. Экономический материализм вульгарен потому, что экономические отношения (базис) объявляет вечной и единственной причиной общественного развития, считая все остальное следствием (надстройкой). Крупный советский философ Г.С. Батищев очень удачно назвал экономический материализм вульгарной

4. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г.С. Батыгин, ред. составитель С.Ф. Ярмолюк. – СПб., 1999. – С. 458–461.

тенью марксизма. Хотя, как ни парадоксально, именно К. Маркс лично дал толчок этой вульгаризации в своем «Предисловии к “Критике политической экономии”». В 80-х годах XIX в. Ф. Энгельсу пришлось даже «выправлять положение», сетовать на то, что «молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует», а по ходу дела формулировать принцип диалектико-материалистического детерминизма: причина и следствие *меняются местами*, в практической жизни имеет место их *взаимодействие*.

От первоначального марксизма идет, к большому сожалению, и так называемая антитоварность. Антитоварность – своеобразная разновидность товарного фетишизма. В теоретических выкладках классиков марксизма, а затем и у В.И. Ленина наблюдается непреодоленность товарного фетишизма. Причиной эксплуатации у них каким-то образом (как теперь сказали бы, «по умолчанию») оказывается не узурпация власти в хозяйстве (т.е. не частная капиталистическая собственность), а рынок, товарность хозяйства, отношения «прославленной стоимости» (выражение Ф. Энгельса). Когда аргументация зажата в прокрустово ложе одной только экономики (пресловутого базиса), иначе и не может получаться.

Сталинисты построили систему жесточайшей эксплуатации, включавшей даже полукрепостнический корпоративистский уклад и рабский уклад-рецидив (система ГУЛАГа), общество без малейших признаков демократии, однако считали это общество обществом без эксплуатации, потому что ... в нем не было рынка и реальных денежных отношений. Прямой продуктообмен – вот их критерий законченности перехода к коммунизму. Чудно, но даже в окультуренном сталинистском учебнике – «Курсе политической экономии» (под ред. Н.А. Цаголова) – о товарно-денежных отношениях говорилось в разделе под идейно четким названием: «Экономические отношения, сохранившиеся от досоциалистических форм производства»[5].

Отсюда должно быть понятно, как сталинист опознает и метит страшнейшего врага. Это не «социально близкий» хозяйственник, поднаторевший в

---

5. Курс политической экономии. В 2-х томах / Под ред. Н.А. Цаголова. – Том 2. Социализм. Изд. третье, переработанное и дополненное. – М., 1974. – С. 263. На этой странице, кстати, в очередной раз прямо-таки отчеканена антитоварность как идеология и методология. Характер и сущность капиталистических производственных отношений «не может быть раскрыт без отвлечения от товарных отношений». В отличие от этого, «социалистические производственные отношения по своей сущности не являются товарными». Нет, чтобы сказать по-марксистски глубоко: сущность капитализма – эксплуатация наемных рабочих как класса классом частных капиталистических собственников, а сущность социализма – уничтожение эксплуатации, общество без эксплуатации. Но сущность, водораздел сущностей, как видим, – не эксплуатация, а товарность отношений.

приписках и встречных планах (своеобразный сталинистский «откат»), а опасный теоретик, рассуждающий об эквивалентности обменов, о гибкости цен (вплоть до договорных), о горизонтальных (а не только и не исключительно вертикальных) хозяйственных связях и т.п. Имя такому врагу – «рыночник», а собирательный образ врага («идея-враг») – «рыночный социализм».

Идея-враг и конкретные идейные враги

Итак, «рыночный социализм» – та бескомпромиссная модель подрывной «вражеской идеи», до которой по своим способностям только и могли доработаться сталинисты-антитоварники. «Рыночный социализм» был утвержден партаппаратом КПСС на роль идеи-врага.

Но была у них заковыка. Не было дураков, которые выступали бы за «рыночный социализм». Прежде всего, не было их в Чехословакии, откуда шла «вся зараза». О социализме с человеческим лицом говорили каждый чех и каждый словак. А надо было найти таких чехов и словаков, которые призывали бы к социализму с рыночным лицом.

И что вы думаете! Одного чеха преобразовали в «рыночного социалиста». Им стал Ота Шик[6]. Его ни с того, ни с сего стали интенсивно критиковать за этот самый «рыночный социализм». Он ничего подобного не писал, но критика из Советского Союза придавала ему значимость и известность на родине и в Европе. Тщеславие взяло верх. О. Шик поддался на критику, как на приманку. Стал подтверждать то, что ему приписывали «критики». В результате вроде бы появилось идейное политико-экономическое обоснование «Пражской весны» и ее вредоносного характера. Не «социализма с человеческим лицом», а рынка, оказывается, хотели миллионы чехов и словаков, и эту свою низменную вожделенную цель прикрывали святым именем социализма.

Сверху, от ЦК КПСС, пошел политический заказ: найти и изобличить у нас в СССР зловредный «рыночный социализм». Две самые реакционные школы в политической экономии СССР – кузьминовская (Академия общественных наук при ЦК КПСС) и цаголовская (экономический факультет МГУ) – взялись исполнить этот заказ тоталитарной власти.

Школа Я.А. Кронрода и Институт экономики АН СССР в целом оказались подходящей мишенью. Фронт нападения сталинистов на сторонников и идеи демократических хозяйственных реформ был, конечно, шире. Было определено (как бы назначено) пять фамилий сторонников якобы рыночного социализма.

– Твоя папка четвертая по ширине, – рассказывала мне одна красавица, приятель которой работал в ЦК КПСС.

---

6. В 1968 г. – директор Института Чехословацкой академии наук.

– Что еще за папка?

– А там собирают сигналы: письма, отклики, доносы. На тех, кто подрывает наш строй, кто рыночный социалист, так, кажется. Собирают и складывают в папки. Так велено.

– А сколько же всего папок?

– Не знаю. Спрошу.

Папок оказалось пять. По толщине в таком порядке: Г.С. Лисичкин, Е.Г. Либерман, А.М. Бирман, Б.В. Ракитский, Н.Я. Петраков. Так нас пятерых и прорабатывали в диссертациях и публикациях АОН при ЦК КПСС и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

– Ты не волнуйся, – успокоила меня моя «шпионка». – Велено складывать в папки, а мер пока никаких не предпринимать.

Меры потом были. Имя Геннадия Степановича Лисичкина стояло «на картотеке» в Главлите (в цензуре). «На картотеке» потом стояла моя книга «Формы хозяйственного руководства предприятиями». «На картотеке» – это советский вид остракизма. Если что-то «на картотеке», то на это в литературе не может быть, не допускается цензурой ни малейших положительных, даже нейтральных ссылок и упоминаний. Допускаются только негативные, лучше – погромные.

До меня лично и до Института экономики АН СССР борьба с рыночным социализмом добралась в начале 1970 г. Сначала лягнул в центральной печати заместитель председателя Госплана СССР А.В. Бачурин[7] за призыв к договорным ценам. Потом в газете ЦК КПСС «Социалистическая индустрия» вышла статья Меланьи Федотовны Ковалевой (профессор АОН при ЦК КПСС) и Константина Корытова (кажется, сотрудника цековского журнала «Агитатор»). Статья называлась «Ошибочные позиции. О книге Б.В. Ракитского “Формы хозяйственного руководства предприятиями”».

Не такой я был крупной дичью, чтобы палить по мне из такого калибра. Палили по направлению мысли, искали идейных врагов, подбирались к Я.А. Кронроду и особенно – к Институту экономики АН СССР. Вскоре это подтвердилось. Но я оказался вытолкнутым на авансцену событий. И отчасти в центр внимания научной общественности.

7. А.В. Бачурина я неожиданно обнаружил на соседней кафедре в РАГС, когда в 1996 г. пришел туда преподавать по совместительству. К моему изумлению, этот борец с рыночным социализмом слыл в РАГС одним из отцов «рыночной косыгинской реформы» и был теперь автором двух или трех книг о рыночной экономике и о ее пользе.

Женя Ясин[8] мне тогда даже позавидовал: получил, дескать, известность. Дурачок.

Слава Богу, я от природы начисто лишен тщеславия (так мне кажется, честное слово). Лишен и страха (серьезных опасений) за свое общественное положение. Но эмоции по поводу громкой разгромной критики у меня тогда были. Две. Одна – злорадство: «Проглядели, проспали, фашисты! Книга (тираж 10 000 экз.) раскуплена за полтора месяца. У людей не отнимешь. Вон и из Ленинки выкрали. Теперь критикуйте, сколько хотите!»[9]. Другая – чувство неловкости. Дал повод бить по Институту. Но ведь не будь этого, нашли бы другой повод. И все же...

Словом, героем я себя не чувствовал. Несколько виноватым перед товарищами. И был совершенно безмятежен относительно последствий для меня лично. Как много все-таки значило, что этой системе (я имею в виду существовавшую в СССР политическую систему) мы осознанно и бесповоротно противопоставились еще в августе 1968! В 1970-м же было понимание, что лупит по тебе из крупного калибра враждебная тебе система. Даже не представляю, что и как бы я чувствовал, если бы считал эту систему своей. Здорово бы, наверное, психовал, пытался бы разъяснить «недоразумение», писал бы начальству какой-нибудь «детский лепет» и приводил бы, наверное, доказательства «лояльности».

А так все было без недоразумений. Те, кому следовало, главное в моей книге и в моих статьях поняли правильно. Глупо, конечно, было приписывать мне «рыночный социализм». Не был я никаким «рыночным социалистом» (и никто «рыночным социалистом» не был). Я был рядовым антифашистом. Высокопарно это звучит в нынешнее время. Вроде как «антифашист задним числом». Но спросите у Льва Васильевича Никифорова – моего друга и комиссара. Он подтвердит, что все было тем самым числом, а не задним. Да и мои ученики подтвердят.

---

8. Ясин Евгений Григорьевич (род. 1932) – один из нынешних российских пропагандистов либерального фундаментализма. В 1968 г. был кандидатом экономических наук, зав. отделом НИИ ЦСУ СССР.

9. Оказалось, что мои надежды начет того, что «у людей не отнимешь», были вполне оправданными. Уже в 2000 г. Владимир Александрович Мау (политэконом гораздо более молодого поколения) говорил о «несомненном влиянии Б.В. Ракитского и его книги 1969 г., полузапрещенной, которая, конечно, была пиком дискуссии вокруг хозяйственной реформы». Затем, отмечал В.А. Мау, вышла «статья трех университетских авторов, фактически ставшая могильщиком экономической реформы. Имеется в виду первый номер Вестника МГУ за 1969 г., статья, разоблачившая взгляды Либермана, Бирмана, Кронрода и т.д., что и привело к фактическому запрету на книгу Ракитского» (Институт экономики РАН. Экономические исследования Института: Итоги и перспективы. Материалы «Круглых столов». М., 2000. С. 54–55).

Образчики тогдашней идейной борьбы с «рыночным социализмом»

Позвольте привести две-три выдержки из тогдашних публикаций, направленных на изобличение «рыночного социализма».

Излагаю инвективу А.В. Бачурина (то, что было в 1970 г. в газетах, перекочевало в книгу, изданную в 1973):

Некоторые экономисты, отмечая недостатки в планировании, нехватку тех или иных продуктов или отдельные диспропорции, предлагают в качестве средства борьбы с ними не что иное, как конкуренцию предприятий. Вместо того, чтобы устранить недостатки и диспропорции путем улучшения планирования и стимулирования, совершенствования управления и экономического регулирования производства, эти экономисты предлагают по сути дела вернуться к капиталистическому принципу развития производства. Они упускают из виду, что свободная конкуренция и планирование несовместимы.

Принцип конкуренции выводится указанными экономистами из товарного характера социалистического производства. Так, один из сторонников конкуренции Б. Ракитский заявляет: «...Если мы признаем социалистическое товарное производство, неизбежно надо признать и объективную необходимость конкуренции между социалистическими производителями» (Ракитский Б. «Уроки хозрасчета». – «Комсомольская правда» 1966, 19 октября). По мнению Б. Ракитского, внутриотраслевая конкуренция будет радикальным средством обеспечения высокого качества продукции, развития предприимчивости и инициативы предприятий, использования наиболее выгодных условий продажи продукции с учетом спроса и предложения на рынке.

Автор оговаривается, что он имеет в виду не всякую, а только экономически здоровую конкуренцию. Но о какой же здоровой конкуренции может идти речь, если предлагается предоставить предприятиям право свободного установления цен в зависимости от спроса и предложения. «Цены, – пишет Б. Ракитский, – должны колебаться в обе стороны. А когда и насколько, и в какую сторону, это должны решать между собой покупатель и поставщик» (там же). Защищая полную самостоятельность предприятий, он утверждает, что «функция регулирования обмена перестает быть функцией центральных органов», поскольку «негибкое ценообразование и фондирование пресекают развитие внутриотраслевой конкуренции, глушат создаваемые ею импульсы для развития технического прогресса» (Ракитский Б.В. «Формы хозяйственного руководства предприятиями». М.: Наука, 1956, с. 176).

За использование конкуренции, по существу, выступает и проф. А.М. Бирман[10].

Мне, Бирману и всем «рыночникам» вменялась в вину идея возведения рынка в единственный регулятор хозяйственного развития. Между тем четыре пятых текста моей книги были посвящены как раз государственному руководству предприятиями. Умалчивая об основном ее содержании, критики обрушивались на меня за призыв к якобы «полному обособлению» предприятий, отказу от централизованного планирования вообще. Их вердикт гласил: рекомендации автора полностью несостоятельны, сам факт их появления в печати под эгидой издательства «Наука» вызывает удивление.

Основная часть борьбы – нелитературная

По существу, была объявлена война всему более или менее живому в политико-экономической науке. На пик этой пошлой и реакционной кампании пришлась схватка 1970–1971 гг. за Институт экономики АН СССР. Институт был фактически очагом десталинизации экономической науки в стране (политической экономии прежде всего). Если говорить терминами подавления «Пражской весны», в ИЭ «ввели танки». Старый институт был полностью разгромлен, стал похожим на экономфак МГУ. Когда в 2000 и 2005 гг. кое-кто, юбилейничая, выстраивал линию преемственности развития Института экономики, этот кое-кто кривил душой. Не преемственность, а захват.

Другое дело, битва была проиграна не без боев. Эти бои многому научили, можно сказать, многих воспитали.

Оборону Института (не как места работы, а как пространства десталинизации экономической науки) организовали непосредственно зам. директора Дмитрий Дмитриевич Москвин и секретарь парторганизации Лев Васильевич Никифоров.

Директор наш Лев Маркович Гатовский был человеком, напугавшимся раз и навсегда еще в молодости. Говорили, что он был очень талантлив как ученый и выдал в 20-х годах несколько великолепных экономических статей. Говорили, что статьи привлекли пристальное внимание самых высоких властей. С тех пор весь талант Льва Марковича сосредоточился на выживании в системе. Так что оборонять Институт пришлось, имея директора, готового сдаться в любую минуту.

Д.Д. Москвин и Л.В. Никифоров оказались воспитанными не на сталинистских карьерных традициях, как, к примеру, В.Н. Ягодкин из МГУ, сделавший парткарьеру на комиссарских традициях. Они были моложе наших ин-

10. А.В. Бачурин. Планово-экономические методы управления. – М.: Экономика, 1973. – С. 233–234.

ститутских стариков, но их взаимодействие со стариками комиссарского склада было фактически полным. Москвин и Никифоров стали ядром, дирижерами обороны Института от сталинистской атаки. Все несталинистские силы объединились вокруг них.

Не все оборонительные меры и маневры были на виду, и многого я в точности не знаю. Но то, что оборона была серьезной, подтверждается серьезностью оргвыводов в отношении Д.Д. Москвина и Л.В. Никифорова после «введения танков» в Институт и после рассмотрения вопроса об Институте на Секретариате ЦК КПСС в декабре 1971 г.

Ряд эпизодов открылся гораздо позже, после падения тоталитарной власти КПСС. Например, в публикации упомянутого выше письма академика А.М. Румянцева в ЦК КПСС от 1 июля 1970 г. В нем есть фрагмент, относящийся к истории борьбы с «рыночным социализмом»: «В целом ряде случаев мы сталкиваемся с тем, что место конструктивной критики результатов научных исследований занимают грубые, неквалифицированные “разносы”, унижающие достоинство ученых и препятствующие творческой работе. Встречаются и случаи прямого произвола, особенно в организации научных дискуссий и определении судьбы ряда научных направлений. Вот некоторые из фактов».

«В 1968 году издательство “Наука” выпустило книгу сотрудника Института экономики АН СССР Б.В. Ракитского “Формы хозяйственного руководства предприятиями”. И сама тема, и характер разработки ее тесно связаны с потребностями экономической реформы. Ставятся вопросы, носящие поисковый характер и еще требующие дискуссии. Книгу положительно оценила научная печать – у нас и в Болгарии. Тем удивительнее тон статьи “Ошибочные позиции” (авторы тт. М. Ковалева и К. Корытов), с которой выступила 5 марта 1970 г. газета “Социалистическая индустрия”. Рецензенты совершенно обошли главную идею книги (3/4 текста) о необходимости создания производственных объединений. Они сосредоточили внимание не на действительных слабостях в аргументации тов. Ракитского по отдельным вопросам. Произвольно толкуя текст, авторы приписывают исследователю политические ошибки и несуществующий «замысел» – заменить социалистические методы хозяйствования рыночным регулированием»[11].

* * *

Крайне важный вывод из борьбы с «рыночным социализмом» состоит в том, что официальная политэкономия СССР показала, во-первых, свою пошлую апологетическую сущность, а, во-вторых, полную методологическую и

11. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. – С. 451.

теоретическую никчемность. Это надо же такое выдумать – «рыночный социализм». Разве хоть когда-нибудь в истории использовался метод типизации обществ или идеологий, который искал бы специфику общества в какой-либо отдельно взятой черте хозяйственного механизма? Даже вроде бы более солидный термин «государственный социализм» методологически никуда не годится, а «рыночный» – тем паче. Предполагается, что однопорядковое (парное) определение, антонимичное определению «рыночный» – «плановый» или «планомерный». Нет, это не антонимы, не однопорядковые характеристики. Любое рыночное хозяйство одновременно и плановое. Однопорядковое – «внерыночный», т.е. «бартерный». Как у Сталина, бредившего прямым продуктообменом. Дичь! Апология деградации общественной организации труда.

Услужливые политэкономы из кузьминовской и цаголовской школ были нашпигованы «антитоварностью», возводили эту «антитоварность» в абсолют, в критерий социалистичности. Это, вообще говоря, другая, более интересная и острая тема. Антитоварность сыграла крайне вредную роль в истории социалистических движений и особенно в социалистических революциях.

Но, повторяю, это более серьезная тема. Я же хотел напомнить о борьбе с «рыночным социализмом», чтобы не дать забыть о методологической и теоретической ничтожности официальной политэкономии в СССР в период разложения тоталитарного режима в 1960–1970-е годы.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

В.М. Шевырин

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧЕЛНОКОВ

Шевырин Виктор Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

«Природный выразитель лучших и сильных сторон русской буржуазии», – так характеризовал Михаила Васильевича Челнокова П.Б. Струве, который считал себя его личным другом. Он видел в Челнокове «во многом замечательного», незаурядного и интересного человека, самобытного и оригинального. Это был, писал Струве, выдающийся политический деятель, умный, независимый и честный и являл собой одного из самых интересных людей, которых он когда-либо встречал. По словам Струве, не так уж часто живые культурные интересы и широкая образованность встречаются в соединении с большим здравым смыслом и с подлинной деловитостью. Западник по своему миросозерцанию, «кадет» по своей партийной принадлежности и позиции, Челноков всю жизнь духовно и душевно тяготел к славянофилу, «октябристу», а потом – «мирнообновленцу» Д.Н. Шипову. Но в Шипове не было «буржуазного», «купецкого» крепкого реализма, которым «до мозга костей был проникнут и которым именно был так силен Челноков», у которого при необычайной умственной трезвости был и несравненный юмор. Политическая проницательность Челнокова получала от его неистребимого юмора какое-то мягкое и ровное освещение. Челноков, отметил Струве, как трезвый и бытовой реалист «непосредственно ощущал левую опасность и тяготел направо по “деловой” природе своего “буржуазного” духа»[1].

Вождь кадетской партии П.М. Милюков также оставил в своих воспоминаниях яркую «зарисовку» Челнокова как о «самородке», органически сросшемся с почвой, на которой вырос: «Со своим тягучим как бы м-а-с-ковским говорком, он не был создан для ораторских выступлений...; зато он был очень на месте, как свой, в московской купеческой среде; и всюду он вносил свои

качества проницательного ума, житейской ловкости и слегка скептического отношения к вещам и людям»[2].

Собственно, эта среда и работа Челнокова в земском и городском самоуправлении, природный ум, энергия, способности и выдвинули его в первый ряд общественно-политических деятелей России начала XX столетия.

Родился он 5 января 1863 г. в купеческой семье. Окончил 4 класса Лазаревского института. Постоянно занимался самообразованием. Круг его интересов был весьма широк (литература, архитектура, живопись и т. д.). В 1879 г. в связи со смертью отца, В.Ф. Челнокова, ему, 16-летнему юноше, пришлось заняться торгово-промышленной деятельностью (в основном производством кирпича и стройматериалов и торговлей ими). В том же году произошла и крутая перемена в его личной жизни: он женился на Е.К. Шапошниковой, дочери купца. Этот брак был счастливым. Переписка супругов, носившая очень доверительный характер, – прекрасный источник, позволяющий судить и об их общественной жизни, и высоких духовных устремлениях[3].

В 1889 г. Челноков впервые вступил на путь общественного служения: стал гласным уездного и губернского земского собрания. А уже через два года он – председатель московской уездной управы (до 1894 г.). Одновременно Михаил Васильевич работал в городском самоуправлении (гласный Московской городской думы, а в 1904–1906 гг. – член ее управы).

Объективные потребности развития местного самоуправления сдерживались царской администрацией, что вызывало недовольство многих земских и городских деятелей. Их элита в 1899 г. создала в Москве полуконспиративный кружок «Беседа», в котором животрепещущие вопросы земской и городской работы обсуждались в связи с общим положением в стране. В этот кружок известных деятелей местного самоуправления вошел и Челноков.

Московское земство и городское самоуправление имели в своем составе ярких прогрессивных гласных, благодаря которым Москва шла в авангарде оппозиционного движения в России. Челноков наряду с Н.И. Астровым, Н.М. Кишкиным, Н.Н. Щепкиным и другими руководил работой прогрессивных гласных. Он был и одним из тех либеральных деятелей, которые стояли у истоков земской оппозиции, рельефно проявившейся в земско-городских съездах 1902–1905 гг. В 1904–1905 гг. Михаил Васильевич – одна из ключевых фигур в Общеземской организации.

Не удивительно, что уже в самом начале XX столетия Челноков в глазах современников представал, как писал ему Е.Н. Трубецкой, «знающим и способным деятелем земского и городского самоуправления»[4]. Бурные события начала века тревожили его. Японская война, всеобщая забастовка, «ужасы вооруженного восстания» прервали на время поступательный ход городского хозяйства. «В мирную жизнь городских учреждений, – писал Челноков, – ворвалась политика и принесла расколы, раздоры, разделы. Закипели страсти»[5].

Во время всеобщей забастовки 1905 г. городская управа почти совсем отстранилась от дела. Создалось подобие исполнительного органа, ее заменяющего, в составе А.И. Гучкова, М.Я. Герценштейна, В.Ф. Малинина, М.В. Челнокова, Н.Н. Щепкина. Эта комиссия занималась городским хозяйством.

Челноков активно участвовал в политической борьбе. В составе соединенной комиссии он вырабатывал партийную платформу при подготовке предстоящего съезда кадетской партии. Он полагал, что главным в ее деятельности должна стать подготовка в Булыгинскую, – законосовещательную Думу. Так, уже в период организационного оформления кадетской партии он оказался на ее правом фланге.

Графиня Е. Уварова, с которой Челнокова связывали узы дружбы, в письме от 1 октября 1905 г. укоряла его, что он становится «ужасно партийным человеком», не жалея сил занимающимся множеством дел, – от «высшей политики» до борьбы с голодом. Действительно, Михаил Васильевич работал, не покладая рук (в совещании общественных деятелей по выработке избирательного закона в октябре 1905 г., в Общеземской организации, в органах местного самоуправления). После опубликования Манифеста 17 октября Е. Уварова задает ему вопрос: «Лично Вы удовлетворены ли конституцией или Вы увлечены общим порывом и Вам начинает улыбаться демократическая республика или что-нибудь еще левее?»[6]. Челноков находил, что в освободительном движении благородны стремления, порывы и само это дело.

День открытия I Государственной думы он считал историческим днем. Ему верилось, что созыв Думы – это начало новой эры в истории России. На выборах в Думу он баллотировался от кадетской партии. Однако не прошел: как кадет оказался неприемлемым для октябристского большинства избирателей Московской губернии – предпринимателей и землевладельцев, напуганных эксцессами революции.

Открывшееся народное представительство обратилось в «Думу народного гнева». В этих условиях срывалось сотрудничество власти и общества, и без того настороженно и даже враждебно относившихся друг к другу. Е. Уварова писала Челнокову: «Я боялась, что Общеземская организация не найдет возможным работать с министерством и бросит голод (помощь голодающим. – В.Ш.) для протеста. Но, кажется, сейчас вы не собираетесь этого делать, не попробовши работать»[7]. Руководители этой организации и на самом деле, как следует из письма Г.Е. Львова Челнокову, решили не «уходить от работы» – «голодающие без нас будут страдать больше»[8]. Но роспуска Думы многие больше всего опасались из-за того, что не знали, «как отнесется к этому народ». Для Челнокова стало ясно, что дело идет именно к роспуску. Е. Уварова в письме к нему от 20 июня 1906 г. высказала предположение, что он после роспуска Думы уйдет в общую политику, будет работать в кадетской партии. Так оно и было. Михаил Васильевич даже пострадал за свое «кадетство»: за

его отъезд в Гельсингфорс на съезд партии без разрешения губернатора, а как член губернской земской управы он мог уехать только получив такое разрешение. Губернское по земским и городским делам присутствие, куда губернатор внес вопрос об ответственности Челнокова за нарушение закона, объявило ему замечание, на что последовало согласие министра внутренних дел[9]. Среди московских кадетов Челноков был влиятельной фигурой. Они избрали его в губернский комитет партии, затем товарищем председателя этого комитета. Он представлял московскую организацию на третьем и четвертом съездах, а на третьем рассматривался как один из кандидатов в ЦК, членом которого он стал годом позже.

Н.П. Вишняков, старейший представитель купеческой династии, много лет заседавший в Московской городской думе и весьма не жаловавший либералов, писал о Челнокове: «Из видных земских деятелей. Человек несомненно умный и способный, с большой энергией... Человек злой и ехидный, кадет»[10].

Московская губерния выбрала его во II Государственную думу именно как кадета и благодаря соглашению кадетов с левыми. В Думе он сразу же оказался на виду. Кадеты получили главные посты в Думе: председателя, – им был избран Ф.А. Головин, и секретаря, – им стал Челноков. В.А. Маклаков, избранный в Думу от Москвы, вспоминал, что личность Челнокова, долголетнего члена губернской управы, гласного городской Думы в Москве, «человека исключительно “делового” делала этот выбор очень удачным. При баллотировке шарами он получил больше голосов (379), чем Головин (356)»[11]. А.В. Тыркова, писала о Челнокове той поры: «Его живописная фигура сразу заняла в Таврическом дворце подобающее место. Энергичный, несмотря на сильную хромоту, непоседливый, подвижной, он бродил по огромному зданию, присматриваясь к новой обстановке. На умном, выразительном лице скользила улыбка старого дядьки, которому приходится мириться с тем, что дети все шалят. Он был в кадетской партии с самого ее основания, но свою независимость ревниво охранял. Челноков окончил только городское училище, был самоучкой, но перед своими учеными партийными товарищами не робел. Это был самородок, с умом живым и острым, с редким здравым смыслом, с богатым запасом метких словечек... С кадетами-земцами он был давно дружен. Кадетских профессоров недолюбливал, довольно зло острил над ними на своем выразительном, чистом, без тени книжной порчи русском языке с протяжным московским аканьем. Его раздражало лидерство Милюкова. Он называл его Милюк-паша и держался в стороне от петербургской кадетской группы, где влияние Милюкова чувствовалось особенно сильно. Эта своеобразная отдаленность не помешала партии провести Челнокова на важную должность секретаря Государственной думы. Он был достойным преемником Шаховского, дельный, практичный, способный»[12]. Я.В. Глинка, одиннадцать лет фактически возглавлявший думскую канцелярию, со знанием дела отмечал: «Всем ворочал

Челноков. Головин был марионеткой в его руках...»[13]. Челноков развил бурную деятельность в качестве секретаря Думы. Его желание быть независимым от государственных чиновников в деле управления канцелярией заставляло его ускорить составление ее штатов, которые и были внесены им в Думу всего через месяц после ее открытия. Но II Дума так и не успела их утвердить. Челноков старался и сам подбирать служащих канцелярии. Так, он вызвал в Петербург Н.И. Астрова, имевшего богатый опыт секретарства в Московской городской думе.

Михаил Васильевич оставил свой след в истории II Думы и участвуя в переговорах кадетов (П.Б. Струве, В.А. Маклаков, Н.С. Булгаков, М.В. Челноков) со Столыпиным. Эти члены кадетской фракции пытались воздействовать на премьер-министра, чтобы предотвратить роспуск Думы и наладить ее сотрудничество с правительством. В.А. Маклаков видел в Столыпине «не врага нашему делу, а союзника, с которым столковаться возможно»[14]. Как вспоминал Ф.А. Головин, Столыпин искал разговоров с кадетами. Головин отослал его к Челнокову. Столыпин встречался и с Маклаковым, беседу с которым закончил оптимистически: «Ну что же? Будем и дальше работать»[15]. О своей беседе со Столыпиным Маклаков рассказал только тем близким единомышленникам, которых во фракции кадетов шутя называли «черносотенными», – Челнокову, Булгакову и Струве. Из этой «четверки» Столыпина чаще других видел Челноков. Он с ним встречался как секретарь Думы. Как человек общительный, мог обо всем разговаривать и старался содействовать сближению Столыпина и с другими депутатами, в частности, с Н.В. Тесленко и И.В. Гессеном. Челноков, в отличие от многих деятелей того времени, был склонен верить в работоспособность Думы. Г.Е. Львов, хорошо знавший «думские» настроения Челнокова, писал ему в марте 1907 г.: «Что же Думу не разгонят, будет и поработаете? Что-то не чается. Дай Вам Бог и поможет вам Бог»[16]. Когда Челноков повидал Столыпина, он пришел к своим единомышленникам озабоченный: «Столыпин, – рассказывал он своим красочным языком, – помешался на аграрном вопросе». Премьер сказал Челнокову: «Прежде я только думал, что спасение России в ликвидации общины; теперь я это знаю наверно. Без этого никакая конституция в России пользы не сделает». Челноков прибавлял от себя: «Когда Столыпин наделает своих “черносотенных мужичков”, он будет готов им дать какие угодно права и свободы»[17].

Челноков склонялся к мнению, что компромисс вполне достижим и считал, что Столыпин готов был пойти на отчуждение земли, но с условием, что «оно не будет провозглашено как принцип для повсеместного проведения»[18].

Но неожиданно подкралась развязка: Столыпин потребовал у Думы согласия на арест 16 социал-демократов и устранения из нее других 55 членов социал-демократической фракции. Но пока в комиссии Думы шли дебаты о деле социал-демократов, не прекращались закулисные переговоры со Столы-

пиным с целью повлиять на него и спасти Думу. Маклаков, Струве и Булгаков поручили Челнокову устроить их встречу со Столыпиным, который и принял всех в Елагинском дворце поздним вечером 2 июня 1907 г. В ходе беседы с ним выяснилось, что камень преткновения в отношениях Думы и правительства – аграрный вопрос. На нем, по мнению Столыпина, «конфликт неизбежен».

Если II Дума просуществовала всего 103 дня, то III – весь пятилетний срок. Челноков был избран в нее от Москвы. Кадетская фракция и прогрессисты выставили его кандидатуру на избрание в товарищи секретаря Думы. Челноков отказался: не хотел в резко поправевшей Думе (в связи с изменением избирательного закона 3 июня 1907 г.) быть под началом правого секретаря.

В Думе Челноков резко выступил против предложения об учреждении должности начальника думской канцелярии, считая, что бюрократия рвется установить свой контроль над Думой. «Нам нужно, – говорил он, – чтобы и в Государственной думе, и в ее канцелярии, в ее делопроизводстве хозяином была бы Государственная дума. Поэтому все то, что умаляет влияние секретаря Государственной думы на ход распорядка дел в канцелярии, мы, по моему глубокому убеждению, принять ни в коем случае не можем...»[19]. Слово Челнокова оказалось решающим – предложение было отвергнуто.

В Думе и вне ее Челноков был близок к прогрессистам. Они постоянно приглашали его на свои собрания. Многих лидеров складывающейся партии прогрессистов он давно знал лично и, в свою очередь, был авторитетен для них. Известный московский промышленник С.И. Четвериков писал ему еще в январе 1907 г.: «Меня тронула Ваша вера в чистоту и устойчивость моих конституционных убеждений»[20]. Наряду с Четвериковым, А.И. Коноваловым, братьями Рябушинскими и другими прогрессивными предпринимателями он участвует в начавшихся в 1908 г. «экономических беседах» с учеными. Здесь обсуждался широкий круг экономических, социальных и политических вопросов.

Но при всей востребованности его на всероссийском уровне Челноков продолжал активно работать и в органах местного самоуправления. В условиях поправения московского земства, что выразилось и в избрании председателем губернской управы Н.Ф. Рихтера (при его избрании Челноков демонстративно покинул собрание), даже обсуждение обычных, рутинных вопросов превращалось в настоящие баталии. Губернатору даже казалось, что Челноков «всегда старался внести во всякое собрание агитационный характер и лягнуть администрацию», не щадя и персону губернатора[21].

Столкновения происходили и в городской Думе. 2 января 1908 г. состоялись выборы московского городского головы. Баллотировались Н.И. Гучков и Челноков. Выборы прошли в борьбе. Дума разделилась на правую и левую группировки. Н.И. Гучков входил в более консервативную часть Думы.

Н.И. Гучков победил 73 голосами против 65. По деловым качествам Челноков не уступал Н.И. Гучкову. Свидетельство тому – его высокопрофессиональная деятельность в различных сферах городского и земского самоуправления. Он занимался оценкой фабрик и заводов, школьным делом, попечением, вопросами здравоохранения, работал в ревизионной комиссии и т.д. Но доминировавшее тогда в избирательной среде «октябристское» настроение принесло победу Н.И. Гучкову.

Нелегко приходилось Челнокову и как депутату Государственной думы, члену кадетской фракции. Г.Е. Львов писал ему в конце 1907 г. в Петербург: «Противно брать газеты в руки, до чего отвратительное чувство вызывают вести о поведении правых и умеренных октябристов. Часто вспоминаем Вас и знаем, и сочувствуем тяжелому положению».

Деловая жилка Челнокова проявилась и в Думе. Он был членом многих комиссий: о штате Государственной думы, для приемки Таврического дворца, по городским делам (зам. председателя), финансовой, бюджетной, по местному самоуправлению, о торговле и промышленности, о мерах к охранению древности и др. Выступал докладчиком комиссий: бюджетной, по городским делам. Он подписал законопроекты: «О введении земств в Сибири», «О найме торговых служащих», «О введении в Архангельской губернии местного самоуправления». Челноков вошел и в торгово-промышленную группу, состоявшую из членов Думы и Государственного совета. Из кадетов в ней был только он.

Когда пришло время выборов в IV Думу, в Москве сенсацией стал провал на выборах А.И. Гучкова. Москва, настроение которой изменилось, полевела, предпочла ему Челнокова, который был избран от первой курии 18 октября 1912 г. В Думе он вошел в кадетскую фракцию и представлял ее в ряде комиссий (бюджетной, о торговле и промышленности, по военным и морским делам).

Во фракции разгорелась полемика об участии ее членов в работе комиссии по военно-морским делам. При выборе в нее правооктябристское большинство провалило всех представителей оппозиционных фракций, в том числе и кадетской вместе с ее вождем Милюковым. Единственный кандидат, который допускался в комиссию, был Челноков. Милюков сделал заявление, что в комиссию войдут все представители демократических элементов страны или никто. Но фракция кадетов дала «добро» Челнокову вступить в комиссию от прогрессистов. Милюков, обнаружив «бунт на корабле», пошел ва-банк и отказался от председательства во фракции. Челноков не выдержал этой «психической атаки», – все-таки «погоду» во фракции он не делал и близок ему по правокадетскому духу был лишь В.А. Маклаков.

Подливало масла в огонь и то, что левые кадеты в ЦК стремились вывести из партии Челнокова, Маклакова и Струве, предложив им даже в сентябре 1913 г. создать свою «национально-либеральную партию»[22]. «Челнокову дей-

ствительно был чужд узкий партийный догматизм, и он был способен критически оценить и себя, и свою партию». Храня верность либеральным идеалам, он тем не менее ясно видел политические пороки конституционных демократов: «страшную привычку к словам, к отрицанию, боязнь ответственности, и притом – всегда на первом месте вопрос личной верности доктринальной тактике и программе»[23]. Но в целом Челноков шел все же в русле партийной политики.

В 1913 г. должны были состояться выборы московского городского головы. Обострились и отношения в Московской городской думе между ее умеренной частью и прогрессивной группой, в которую входил Челноков и кандидатура которого на грядущих выборах рассматривалась как «противовес» Н.И. Гучкову. Уже в начале января 1913 г. Г.Е. Львов, сообщая Челнокову об этих настроениях в прогрессивной группе, подчеркивал: «Если в прогрессивной группе превозобладает над мирным воинственное течение, то оно притечет к вам. Думаю, что таковым может быть естественный ход событий и не от того, что вы уж такой охотник до войны, а от того, что при действительной войне, если ее объявят, в Вашем лице есть на что понадеяться, я убежден, что не воинственность, а ваша решительность могла бы прямо выручить Москву»[24].

Но Г.Е. Львов не сбрасывал со счетов и собственную кандидатуру. Вместе с Львовым руководители прогрессивной группы, насчитывавшей 78 голосов, обсуждали вопрос о том, какая кандидатура, его или Челнокова, «имеет больше шансов на успех...»[25]. Оказалось, что Львова. И Челноков был тому, видимо, рад. По крайней мере Львов благодарно писал ему в 20-х числах января: «Очень тронут вашим участием и тем громадным трудом, который вы выполнили за эти дни ради Москвы и меня»[26].

Н.И. Гучков, понимая, что шансов вновь быть избранным городским головой у него немного, 22 января заявил о своем отказе баллотироваться. Москва выбрала городским головой Г.Е. Львова. Но власти не утвердили его, как и затем двух других избранных москвичами на этот пост – С.А. Чаплыгина и Л.Л. Катуара. С января 1913 г. временно обязанности городского головы исполнял В.Д. Брянский. Только в начале Первой мировой войны власти разрешили провести новые выборы. И теперь москвичи назвали имя М.В. Челнокова.

Он сделал своего рода «дубль»: стал главноуполномоченным Всероссийского союза городов (14 сентября 1914 г.) и городским головой (29 сентября 1914 г.). Уже при выдвижении его кандидатуры городским головой, он открыто заявил, что откажется от партийной деятельности в случае его утверждения. Когда это утверждение стало фактом, Михаил Васильевич объявил о своем выходе из думской фракции, что вызвало взрыв негодования у кадетов. С его стороны последовало разъяснение: отказываясь от партийной деятельности, он не отрекается от своих политических убеждений.

Под влияние потребностей войны, запросов с мест, требований военного ведомства, Красного Креста и др. деятельность ВСГ (насчитывавшего в своем составе к осени 1917 г. 630 городов из 750 существовавших в России) быстро расширялась. Организация и работа складов, санитарных поездов, врачебно-питательных отрядов, лазаретов, лабораторий, больниц, питательных пунктов, бань, прачечных, дезинфекционных камер, мастерских, помощь беженцам и многое другое – все это было той стихией, в которой Челноков чувствовал себя как рыба в воде.

Во многом благодаря его деловой хватке, энергии и уму ВСГ сыграл огромную роль в деле помощи больным и раненым воинам, в мобилизации военных усилий страны, а Москва с честью выдержала все испытания военного времени. И это при всем том, что власти постоянно чинили препоны работе союза (отказывали в ассигнованиях или задерживали их, ставили барьеры в деле помощи беженцам, борьбы с инфекционными заболеваниями и т.д.) Челноков весь ушел в практическую работу. Бывший московский городской голова князь В.М. Голицын в январе 1915 г. отметил в своем дневнике: «Был у Челнокова в Думе – он водворился в моем кабинете... Челноков мне очень понравился: он вошел в роль, и приемы очень хороши». И ранее князь писал в дневнике, что «общественные организации действуют превосходно, а московское городское управление блестяще»[27].

В первый год войны Челноков считал, что ВСГ должен быть вне политики и гнал ее из организации. И сам всегда работал, не жалея сил: вел заседания, совещания, съезды, «пробивал» ассигнования, вникал во все нюансы многообразной работы союза, поддерживал контакты союза с ВЗС и военно-промышленными комитетами, был ключевой фигурой в Земгоре, участвовал в Особых совещаниях по обороне, выезжал на фронт, встречал иностранные делегации и др.

Чем дольше шла война, тем многообразнее и масштабнее становилась работа ВСГ в тылу и на фронте. На второй год войны, как отражение череды поражений, растущей разрухи и дороговизны, – в него ворвалась политика. По части революционной деятельности союзов Челноков и в эмиграции был того мнения, что «руководители союзов (ВСГ и ВЗС. – В.Ш.) ее не вносили, но она врывалась в работу союзов извне, и многие из деятелей союзов ее поощряли или во всяком случае с нею не боролись». В частности, большой ошибкой он считал «допущение рабочих на съезд» и деятельность бюро труда, а в числе поощрителей этого он указывал на Н.М. Кишкина и на Н.И. Астрова[28]. Так, памятный Челнокову съезд, а правильнее – совещание по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии, имел место 11–13 июля 1915 г. Этот «съезд», по определению генерала В.Ф. Джунковского, «далеко уклонился в сторону от прямых своих задач и посвятил большую

часть времени на политические темы, до изменения государственного строя включительно»[29].

На совещании он шел против митингового течения. В речах левых ораторов впервые во всеуслышание прозвучали те угрозы, которые через два года обратились в бурю, разрушившую старое российское государство. Но все-таки «погоду» на совещании делали либералы. И Челноков всемерно способствовал этому. Еще накануне совещания, в котором предполагалось участие ВСГ, ВЗС, кооперативов и рабочих, в бюро ВСГ произошел конфликт между Челноковым и Астровым из-за характера представительства рабочих на совещании. Астров выступал за созыв рабочих со всей страны, а Челноков только от столиц, причем не больше $^{1}/_{10}$ части всех участников. Он считал, что и в этом случае они наскандалить, конечно, могут, но повлиять на направление работы совещания будут бессильны.

В принятой на совещании резолюции впервые было высказано, что страна может победить только при условии, если власть будет в руках правительства, «пользующегося доверием страны». С точки зрения либералов, совещание как бы предупреждало, приподнимало завесу, отделявшую те дни от недалекого будущего. Астрову и в эмиграции казалось, что тогда время еще было, была еще возможность предотвратить грозу. Но это предупреждение и предостережение, как писал Астров, «к сожалению осталось гласом вопиющего в пустыне»[30]. Власти считали ВСГ «опаснейшим явлением политической жизни страны»[31], бастионом кадетской оппозиции, враждебной власти. Правые еще больше сгущали краски: «Челноковы и К^{0} являются во главе движения и они – власть», а не правительство и администрация[32].

Челноков на сентябрьском съезде ВСГ (1915) вел свою умеренную линию. Он не допустил участия в съезде представителей рабочих организаций, и съезд поддержал его, отклонил просьбу допустить на съезд левых депутатов Государственной думы (Керенского и Чхеидзе), а его речь, в которой он сказал, что внутреннее состояние России внушает серьезные опасения и если не будут своевременно приняты меры, то армия не одержит победы, была встречена аплодисментами. Он говорил, что первое условие победы – возобновление занятий Государственной думой, второе – обновление правительства и третье – сохранение населением самообладания. Эти три условия он предложил положить в основу решений съезда. Съезд большинством голосов принял политическую резолюцию, в которой содержалась формула создания правительства, облеченного доверием народа, и отклонил резолюцию, требующую ответственного министерства. В это время А. Наумов (будущий министр), отражая мнение либерального течения в правящих сферах, считал, что «министерские комбинации не могут не сложиться так, что правых, даже наилучших, придется устранять, если даже будет министерство не Шингарева или Гучкова, а останется тот же Щербатов. Для России в XX в. и для нас всех и детей на-

ших эти даже наиболее левые комбинации все же спасение и гарантия, что править будут какие ни есть министры, а не Пугачи и шайки анархистов, отчего на днях нас спасли кадеты, доказавшие свою выдержку и способность к государственности»[33]. Этот съезд, как и проходивший параллельно съезд ВЗС, избрал депутацию к царю, которая должна была высказать ему всю правду[34]. Среди трех избранных в депутацию (М.В. Челноков, П.П. Рябушинский, Н.И. Астров) наибольшее число голосов получил Михаил Васильевич (соответственно за и против: 111 – 22; 97 – 34; 94 – 33)[35].

Но царь не принял депутацию. В либеральной среде высказывалась мысль, что это было «поворотным пунктом в настроении многих общественных кругов». Расстройство же страны усиливалось и захватывало новые области народной жизни. Этот развал и действия власти, упорно не желавшей считаться с мнением Государственной думы и общественных организаций, поощряли развитие в стране революционного процесса. Ходом событий российское общество, организовавшее работу двух союзов – ВСГ и ВЗС, вовлекалось в политическую жизнь и должно было искать выходы из трагически сложившихся обстоятельств.

Искал их и М.Н. Челноков. Наряду с рутинной работой в ВСГ и ВЗС он становится одним из руководителей Земгора и входит в прогрессивный блок. 18 августа Московская городская дума единогласно постановила просить об образовании такого правительства, которое пользовалось бы доверием народа. От имени Московской городской думы он шлет телеграмму в поддержку великого князя Николая Николаевича, когда Николай II решил сам возглавить армию. С его участием проходит и неформальная встреча с представителями делового мира Москвы. Он имеет постоянные контакты с председателем Государственной думы М.В. Родзянко, с лидерами прогрессивного блока, с министрами и сановниками. Редкий день газеты не упоминают о нем или не пересказывают его речи. В годы войны Челноков стал знаковой фигурой российского либерализма. И правящие верхи, и деятели прогрессивного блока при формировании кабинета министров допускали участие в нем Челнокова.

Челноков остро чувствовал меняющееся настроение страны, рост недовольства населения, предгрозовую атмосферу России. И не мог на это не реагировать, – на политику, врывающуюся в деятельность ВСГ извне, он и отвечал «политикой», хотя в начале войны всячески оберегал союз от нее. Вынужденное против собственной воли обращение к резкой критике власти, выдвижение радикальных требований характерны в этот период даже для умеренных либералов и прежде всего для руководителей крупнейших общественных организаций России – ВСГ и ВЗС, аккумулирующих общественную энергию и отражавших настроение страны. Об этом вынужденном переходе к политике Челноков и заявил публично. 12 марта 1916 г., открывая IV съезд ВСГ, на котором присутствовали 210 человек, он привел подробные данные об ог-

ромной работе союза на фронте и в тылу и о тех препятствиях, которые она встречает со стороны власти. «Мы не стремились развивать свою деятельность до тех рамок, в какие она вылилась в настоящее время, – говорил Челноков, – вначале мы собирались помогать раненым и только. Но когда мы увидели, что правительство ведет страну к гибели и готовит армии разгром, мы, из инстинкта самосохранения, из инстинкта государственности, того инстинкта, который чужд правительству, принуждены были вмешаться, взять дела в свои руки. Мы не хотели заниматься политикой, но нас заставили сделать это. Когда мы увидели, что правительство не помогает, а только мешает нам, мы должны были поставить вопрос об удалении этого правительства и замене его таким правительством, которое пользовалось бы доверием народа... И с этими господами ... нам больше говорить не о чем... В настоящее время поддерживаемые всей страной, мы еще раз и в еще более категорической форме должны заявить наши требования об ответственном правительстве, о прощении политических преступлений, об уравнении в правах всех граждан без различия национальностей и вероисповеданий». В департаменте полиции отмечалось, что речь Челнокова была встречена бурными аплодисментами. Отношение съезда к выдвинутым требованиям определилось совершенно ясно[36].

Челноков безусловно отражал настроение делегатов ВСГ. Это было накопившееся в муниципальной среде настроение цензовых дум, весьма умеренных по своим воззрениям. В составе этих дум прогрессивные, либеральные элементы были в меньшинстве. Однако условия времени, опасность, нависшая над страной, вели к тому, что недавние консерваторы и ретрограды примыкали к либерально и демократически настроенному меньшинству. Политика съездов Союза городов не была самодавлеющей. Она была производна от их практической работы. Уже на «чужих берегах» некоторые руководители союзов признавали, что эта политика не была осуществлением какой-либо заранее составленной политической, партийной программы. Соратник Челнокова Астров, например, сожалел, что слабой стороной союза было именно то, что он «не имел определенной политической программы, выступая со своими политическими заявлениями лишь от случая к случаю». Ход событий вносил расстройство, предощущение грозящей катастрофы, «заставляя мучительно отыскивать выходы из все усиливающегося хаоса. И в чем были эти выходы, никто не знал»[37]. В общественных кругах одно течение ориентировалось на прогрессивный блок, усваивая его тактику парламентской борьбы, другое – стало «на путь искания соприкосновений и согласованных действий с левыми организациями». В быстром ходе нарастания событий эти два течения «не могли остаться без какого-то завершения или разрешения. На правом пути намечали как его завершение дворцовый переворот, а на левом – делали попытки получить влияние и удержать от революционной катастрофы, если бы события вызвали ее»[38].

Челноков активно действовал в русле согласования работы и усилий всех для победы в противовес разъединительным тенденциям правительства. Поездки на фронт в августе 1916 г. придают ему бодрости[39].

Но «тыл» все больше портил «погоду». Именно состояние тыла объясняет метаморфозу в поведении Челнокова, – то, что он не допускал политику в ВСГ, а потом «вдруг» и сам к ней приобщился, стал выступать с оппозиционными заявлениями. Та патриотическая волна, которая захлестнула либералов в начале войны, вызвала «единение» власти и общества, наложилась и на его умеренно-либеральные взгляды, и на сугубо деловой подход к практике этого единения – всемерному содействию военным усилиям страны. Определяющим был здесь этот деловой подход, обусловливавший резко отрицательное отношение Челнокова к «политике», мешающей практическому делу помощи армии, достижению победы. Даже на втором году войны он говорил: «Или заниматься политикой, или заниматься кроватями»[40]. И забастовки рабочих претили ему в большой мере тем, что они разлаживали механизм городского хозяйства. Он считал, что отношение к войне должно быть главным критерием для всей стратегии и тактики либералов. Работа Городского союза, особенно важная и ценная для армии, по его разумению, должна быть вне политики еще и потому, что ВСГ не был юридически оформленной организацией и не имел своей финансовой базы, – средства на его работу шли из казны. При такой уязвимости Союза его политические амбиции в случае репрессий могли быть гибельными. Выступления либералов на политических подмостках, как полагал Челноков, должны быть очень осторожными, учитывающими реальную обстановку в стране. Челноков находил, что «опасно обращение к народу. Рабочие не организованы; принимают наиболее экспансивные предложения. Они прямолинейнее. Мы, получив отказ, замолчим, а они... хотят поддерживать до конца»[41]. Поэтому он пессимистически оценивал попытки А.И. Коновалова навести мосты с представителями рабочих, считая, что затеи Коновалова окончатся ничем. В память Челнокова на всю жизнь врезался 1905 год, – об «огромных массах рабочих, захваченных пропагандой левых партий, и жизни города, которая была вся под впечатлением всеобщей забастовки и ужасов вооруженного восстания», – он вспоминал и в эмиграции[42]. Он понимал: «Раз объявим, что мы против революции, все будут знать, что дальше слов не пойдем»[43]. Если уж не «терпеть и ждать, то действовать постепенно и умеренно: “только после того, как выясниться полная безнадежность всех домогательств ВСГ, следует идти на более решительные шаги в борьбе с властью”». Поэтому он и «осаживал» группы левых делегатов экономического совещания, выдвинувших требование ответственного министерства, заведомо, на его взгляд, неприемлемое для власти, взаимоотношения с которой должны строиться на основе компромисса. Когда царь не принял депутацию, Челноков посчитал, что у деятелей союзов выбита всякая почва для протеста.–

Но уже в следующие месяцы Челноков усомнился в правильности своей умеренной, компромиссной тактики, считая, что сентябрьским съездам общественных организаций следовало бы принять более решительные, радикальные резолюции. В том, что он вынужденно обратился к политике, тоже сказался его деловой подход, ибо «анархия в стране начиналась сверху»[44]. Против этой анархии, мешавшей работе и приближавшей революционную грозу, и была направлена политическая деятельность Челнокова. История союза, по определению соратников Челнокова, представляет собой картину постоянной борьбы за право на работу, отстаивание этого права и стремление к его расширению, ибо власть систематически противодействовала этой работе.

В отношении к Союзу городов и Земскому союзу в правительственных и правых сферах упорно держалось мнение, что само существование союзов антагонистично государственной власти, а их работа вторгается в работу органов государственной власти. Отношение настороженности, недоверия и плохо скрываемого недоброжелательства сопровождали работу союзов. Правительственная власть только терпела их в условиях чрезвычайного времени[45].

В июне 1916 г. у него вызвало крайнее недовольство решение властей ужесточить процедуру разрешения съездов общественных организаций. Он «был настроен очень воинственно» и готов к политическому, но легальному противодействию этому ужесточению. Он вел настоящую осаду центральных и местных властей, требуя разрешения съезда ВСГ, поддерживал оппозиционные выступления Думы, а его письмо к М.В. Родзянко, в котором говорилось о необходимости создания такого правительства, которое в единении с народом приведет страну к победе, стало широко известно в стране. Он остро чувствовал назревание революции и потому делал все, что от него зависело, чтобы предотвратить ее.

В декабре 1916 г., вечером того дня, когда были разогнаны неразрешенные властями съезды общественных организаций, на квартире Г.Е. Львова собрались Челноков, М.М. Федоров (один из деятелей ВСГ и бывший министр торговли и промышленности), Н.М. Кишкин, Н.И. Астров и представитель городов Кавказа А.И. Хатисов, который так отразил ход собрания в своих неопубликованных воспоминаниях: «Все чувствуют необходимость смены формы правления, – корня всех дел. “Ответственное правительство”, – вот спасение... К утру и за день все члены съезда дали свое согласие на назначение кн. Львова председателем Совета министров, если будет создано ответственное министерство...»[46].

Челноков и Львов пытались повлиять на высшую власть, изменить ее гибельный курс и через лорда А. Мильнера, которому, обрисовав положение в России, прямо сказали, что вот-вот грянет революция[47]. Челноков с большой симпатией относился к Англии и англичанам еще со времени его визита в эту страну в 1909 г. в составе думской делегации. В 1915 г. он стал одним из от-

цов-основателей Общества сближения с Англией. Он нередко встречался с послом Великобритании в России Дж. Бьюкененом. По инициативе Челнокова Городская дума назвала его почетным гражданином Москвы. Челнокова знал и английский король, пожаловавший Михаилу Васильевичу за развитие русско-английских отношений титул баронета и знаки ордена Подвязки.

Но власть осталась глуха ко всем предостережениям общественных деятелей. В начале февраля 1917 г. 19 членов Особого совещания по обороне, и в их числе Челноков, потребовали провести заседание Особого совещания под председательством царя, чтобы обсудить общее положение в стране. Это заседание должно было состояться 27 февраля. Революция пришла раньше, а 27 февраля Челнокову пришлось созвать в Городской думе совещание представителей общественности в связи с разразившимися в стране событиями. 2 марта председатель Временного комитета Государственной думы Родзянко назначил Челнокова комиссаром Москвы. Им он пробыл лишь до 6 марта. Его собственное положение, по словам Р.Г. Локкарта, становилось невыносимым. Он признался, что не мог надеяться на успех при новых выборах, проводимых теперь на основе всеобщего голосования для каждой Городской думы и земства России. Упорствование Львова, говорил он, продлится не дольше моего. «Флегматик, каких мало, он говорил без злобы и предубеждения. Я чувствовал его правду»[48]. В жизнь бурным потоком ворвалась революция с ее демократизацией. Челноков был реалистом. Как «цензовик» и «капиталист», он отказался в это революционное половодье баллотироваться на новый срок городским головой. В апреле Челноков сдал и полномочия главноуправляющего ВСГ (оставшись членом его Главного комитета). Революция резко изменила общественно-политическое положение Челнокова. Он стал комиссаром Русского музея – назначение, которым он был обязан Ф.А. Головину, – теперь комиссару бывшего министерства императорского двора. На общей российской арене Челноков сверкнул еще раз как депутат «Предпарламента», заседавшего 7–25 октября в Мариинском дворце, где раньше размещался Государственный совет.

Михаил Васильевич находился в Питере, когда произошла Октябрьская революция. Власти большевиков Челноков не признавал, хотя в бытность его руководителем ВСГ и Земгора в этих организациях работало немало революционеров. Вернувшись в Москву, он вошел в антибольшевистскую организацию. В Правом центре Челноков состоял вплоть до 1918 г., до отъезда в Одессу.

Годы Гражданской войны он провел сначала на юге России, затем, с 1919 г., – в Югославии. В Белграде он стал одним из создателей Общества славянской взаимности и боролся за «восстановление России»[49].

После поражения белого движения Челноков резко отошел в сторону от всякой политической деятельности и в своих письмах к Н.И. Астрову откровенно высказал свое мнение не только о будущем своих единомышленников и

эмиграции, но и о будущем России. Уже 20 мая 1920 г. он писал: «Во всяком случае в них (в событиях, происходивших в России. – В.Ш.) не разберутся люди нашего типа, которые все оказались бессильны. Нужны какие-то новые люди, а нам, грешным, следует законом запретить заниматься политикой, ибо в этом отношении все люди конченные. По отношению к себе я установил этот взгляд твердо и буду, пока еще могу работать, искать применения своих сил на других поприщах». А спустя девять лет он высказался конкретнее: «Все, сообщенное тобой о Париже, подтверждает заключение, к которому я давно пришел: эмиграция активной роли ни в перевороте, ни после него не сыграет. Перемены в России осуществятся лишь тогда, когда подрастет молодое поколение, не познавшее ужасов мировой и гражданской и способное к действию»[50].

Сам он с головой ушел в практическую деятельность (банковское дело, архивы, работа в Союзе городов и т. д.). В 1931 г. он сообщал Астрову, с которым и в эмиграции сохранял дружеские отношения и вел постоянную переписку: «Курилка – Союз городов жив, хотя и на чужой почве. Не могу сказать с уверенностью, что это дело наше с Брянским, но капля меда нашего есть. Когда мы сюда приехали и Союз городов стал здесь работать, сербы не понимали, что это за Союз городов, и приходилось давать пояснения... Союз городов в Югославии осуществлен, и программа нашего Союза городов, как мы ее понимали для после войны, здесь проводится почти целиком... (в газетах. – В.Ш.) приятно читать, как все умно и хорошо выходит. Это косвенный ответ на ваше печалование о том, что от наших учреждений ничего не останется. Кроме того, и наши учреждения Союза городов здесь целы» (женская гимназия, громадная библиотека, детские сады)[51].

Последние годы жизни Челнокова были тяжелы не только и не столько тем, что дореволюционные зубры досаждали и здесь, в эмиграции, своими нападками, сколько тоской по дочерям, жившим в Париже, и которых он не видел несколько лет, и тяжкой болезнью, приковавшей его к постели. С 1926 г. он мог существовать только в лежачем положении. Михаил Васильевич находился в русской больнице в Панчеве (недалеко от Белграда). Там, лежа, он писал своим прекрасным бисерным почерком и там, всего за три месяца до смерти, по просьбе А.И. Гучкова, написал очерк для прочтения в предполагавшемся публичном собрании в память Н.И. Гучкова, скончавшегося 6 января 1935 г. Челноков умер в Панчеве 16 августа 1935 г. Собрание памяти Н.И. Гучкова и М.В. Челнокова состоялось 28 ноября 1935 г. в Париже. Тогда же на собрании бывший член Московской городской думы и единомышленник Михаила Васильевича В.Ф. Малинин прочитал очерк Челнокова о Н.И. Гучкове. По словам Малинина, очерк явился как бы лебединой песнью Михаила Васильевича.

Но можно сказать, что это было и его политическое завещание. «У русских, – писал он, – нет гения компромисса, которым так сильны “просвещенные мореплаватели”. Русские забывают, что при столкновении двух сил возможны или средняя линия, спасающая обе силы, или крушение слабейшей, что и для сильнейшей даром не проходит». И он подчеркнул, что история «ясно показывает, как необходимо единение, терпимость к противникам, как гибельны политические разногласия, когда они переходят в раскол и вносят в деловые общественные отношения ненужные обострения, страстность и взаимное непонимание»[52]. И он призывал общественных и политических деятелей помнить об этом.

Примечания

1. *Струве П.Б.* Челноков М.В. и Шипов Д.Н. (Глава из моих воспоминаний) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1949. Т. 22. – С. 240–245.
2. *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. М., 1990.
3. ГА РФ. Ф.810. Оп. 1. Д. 464. Л. 42; Д. 651. Л. 9 и др.
4. ГА РФ. Ф.810. Оп. 1. Д. 368. Л. 1.
5. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 539. Л. 8.
6. ГА РФ. Ф.810. Оп. 1. Д. 379. Л. 22, 23об, 28.
7. ГФ РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 379. Л. 34об.
8. ГФ РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 237. Л. 30.
9. *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1. М., 1998. – С. 184.
10. ЦИАМ. Ф. 1334. П. 1. Д. 16. Л. 22. 37об.
11. *Маклаков В.А.* Вторая дума. М., 2006. – С. 101.
12. *Тыркова-Вильямс А.В.* Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. – С. 461.
13. *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. М., 2001. – С. 47.
14. *Маклаков В.А.* Вторая дума... С. 295.
15. Там же.
16. ГА РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 237. Л. 7.
17. *Маклаков В.А.* Вторая дума... С. 298.
18. ГА РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 467. Л. 13–15.
19. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 111, 1908, Стлб. 22160.
20. ГФ РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 413. Л. 4.
21. *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1. – С. 548–549.
22. Вопросы истории. 1999. – № 8. – С. 7.
23. Вопросы истории. 2004. – № 6. – С. 89–90.
24. ГА РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 237. Л. 16–17.
25. ГА РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 89. Л. 10.
26. ГА РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 237. Л. 20.
27. ОР РГБ. Ф. 75. П. 31. Л. 118об., 253.
28. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 75.
29. *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. – С. 591, 597, 606.
30. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 27; ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 27.

31. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 18об.
32. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1429.
33. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1428.
34. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16.
35. Журналы заседаний 3-го съезда Всероссийского союза городов. М., 1915. – С. 27.
36. ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 229. Л. 62–63.
37. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 24, 78.
38. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 80.
39. ГА РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 651. Л. 6–7, 8.
40. *Гайда Ф.А* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. – С. 175.
41. Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л, 1927. – С. 146–149.
42. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 539. Л. 9.
43. Красный архив. 1932. – № 3 (52).
44. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 31.
45. ГА РФ. Ф. 5913. Д. 16. Оп. 1. Л. 7.
46. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 524. Л. 24.
47. *Брюс Локкарт Р.Г.* История изнутри: Мемуары британского агента. М., 1991. – С. 151.
48. Там же. С. 159.
49. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 794. Л. 4.
50. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 794. Л. 1, 8.
51. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 70–71.
52. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 539. Л. 15–18.

Б.С. Горобец, Е.В. Квасникова

АТОМНЫЙ ПРОЕКТ И СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА (1942–1945 ГОДЫ)

Горобец Борис Соломонович – доктор геолого-минералогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор Московского государственного университета инженерной экологии.

Квасникова Елена Валентиновна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института глобального климата и экологии Росгидромета и РАН.

Советский атомный проект официально стартовал 28 сентября 1942 г., когда вышло распоряжение № 2352сс Государственного комитета обороны «Об организации работ по урану».

Проект был составлен Академией наук СССР под руководством академика А.Ф. Иоффе и Комитетом по делам высшей школы во главе с С.В. Кафтановым. Распоряжением предписывалось Академии наук создать «специальную лабораторию атомного ядра» (1, 2). В марте 1943 г. вышел приказ о создании секретной Лаборатории № 2, которую возглавил И.В. Курчатов. Результат первого этапа работ был получен почти через семь лет, когда 29 августа 1949 г. на Семипалатинском полигоне была взорвана первая советская атомная бомба.

Советский проект все время отставал от англо-американского примерно на четыре года. Тем не менее разоренная войной страна изготовила свою бомбу на пять лет раньше, чем это прогнозировали западные эксперты. Мы прожили в условиях американской ядерной монополии четыре крайне напряженных года.

Об изготовлении отечественной атомной бомбы написаны сотни статей и книг. Мы же ставили перед собой более узкую задачу: осветить роль руководителей, возглавивших две важнейшие сферы Атомного проекта (АП): науку, ее возглавил академик, трижды Герой Социалистического труда Игорь Ва-

сильевич Курчатов (1903-1960) и научно-техническую разведку во главе с полковником Леонидом Романовичем Квасниковым (1905–1993), начальником советской резидентуры, работавшей по атомной тематике по линии НКВД-НКГБ-МВД-КГБ СССР в 1939-1963 гг., Героем России (посмертно). Особенно интересным нам представляется начальный период работы над АП – до взрыва первой американской атомной бомбы в июле 1945 г., когда советским ядерщикам и разведчикам приходилось принимать ответственные решения, а «теорема существования» атомной бомбы еще не была доказана.

Точная информация о проекте оставалась особо секретной до начала 90-х годов, когда 17 февраля 1995 г. Указом Президента РФ № 160 было решено издать сборник архивных материалов в трех томах по АП (1). В них опубликовано множество документов не только о научно-технических работах, но и о содержании разведданных, касающихся осуществления атомного проекта в Англии и США. То, что научное руководство АП осуществлял И.В. Курчатов, было известно и ранее, это не скрывалось уже после его смерти в 1960 г. Но теперь было обнародовано и имя человека, также сыгравшего огромную роль в подготовке советского АП – Л.Р. Квасникова, инженера и разведчика, который еще в 1939 г. понял значение ядерных исследований за рубежом, инициировал разведработу в этом направлении и успешно руководил ею в течение 24 лет (!), предоставив нашим ядерщикам колоссальный объем важнейшей научно-технической информации.

Именно эти два человека, И.В. Курчатов и Л.Р. Квасников, давали задания своим подчиненным, часто не имея права при этом объяснить им ни общей цели, ни множества конкретных деталей. Они первыми оценивали всю поступающую информацию, зачастую в одиночку, опираясь лишь на свой личный опыт, образование и интуицию. Именно они принимали на себя огромную ответственность за каждое решение и подвергались страшному риску в случае ошибки. Работая в обстановке наивысшей секретности, они не имели права делиться даже теми сведениями, которые требовали зачастую консультации коллег или их участия. Тем не менее, выбирая варианты решения, они не совершили ни одной ошибки, которая поставила бы их дело под угрозу срыва. И если жизни и деятельности Курчатова посвящено множество публикаций, то о Квасникове почти ничего неизвестно, тем более широкому читателю (3, 4).

Леонид Романович Квасников родился 16 июня 1905 г. на станции Узловая Тульской губернии. Рос он в семье, где было девять детей: четыре сестры и пять братьев. Однако семья не бедствовала, имела хороший дом, дети учились в гимназии.

Его отец, потерявший левую кисть в железнодорожной аварии, благодаря врожденной грамотности и мастерству каллиграфии, смог устроиться писарем. Он любил читать, покупал книги и с ранних лет приобщал детей к чтению. О матери стоит сказать особо. Простая, малограмотная женщина, она обладала

удивительными способностями к математике, занималась ею с детьми. Все мальчики получили высшее техническое образование, а одна из сестер выбрала математику своей профессией, закончив механико-математической факультет Московского университета.

Третья сестра была в числе первых выпускниц Московского института физкультуры. Достигла такого уровня мастерства в своем деле, что ее приглашали к кремлевским сотрудникам проводить занятия. Это она привила брату любовь к спорту. По приезде в Москву для поступления в институт он с увлечением занялся многоборьем. Выдержка, видение противника, умение держать удар – этими качествами разведчик Квасников во многом обязан спорту.

В те годы, узнав о программе «профтысяча», он пытался поступить в Московский институт железнодорожного транспорта без экзаменов. В рамках этой программы требовалось пройти лишь собеседование и представить характеристику с места работы. В его характеристике, в частности, указывалось, что ему, выпускнику железнодорожного училища, часто поручали выполнять инженерные задачи. Последнее обстоятельство вызвало почему-то особое раздражение у членов комиссии, разговор с которой сразу принял для него крайне неблагоприятный оборот, поскольку он не состоял в комсомоле. Возмущенный, Квасников покинул комнату «собеседования». Поступив в Московский институт химического машиностроения (МИХМ), Леонид с первых же курсов проявил огромный интерес к науке, ни один студенческий конкурс научных работ не обходился без его участия.

Он занимался проблемами тяжелой воды, трития, разработкой нового типа взрывчатых веществ – «начинкой» для снарядов. Был приглашен в аспирантуру, подготовил диссертацию, посвященную проблеме совершенствования снарядов.

И вдруг неожиданный вызов в ЦК, где «предложили-приказали» перейти на работу в органы НКВД... Квасников пытается сопротивляться, утверждает, что его интересует наука, на подходе защита диссертации. В ответ ему обещают сохранить тематику научно-технических разработок. Но безотчетное чувство протеста не покидает молодого специалиста. И тогда в ход идет шантаж – намекают на последствия для семьи в случае отказа. А семья – своих 11 человек, родители еще живы, да жена с близкой родней – шесть человек – и все будут зависеть от него одного. Согласился... Шел 1938 год.

Начиналось же все в 1935 г., когда группа физиков во главе с И.В. Курчтовым открыла явление ядерной изомерии: одно и то же ядро может находиться в разных энергетических состояниях с различными полупериодами распада от микросекунд до многих лет.

В 1940 г. аспиранты И.В. Курчатова Г.Н. Флеров и К.А. Петражак сделали крупнейшее открытие в ядерной физике: было обнаружено самопроизвольное деление ядер урана, которое является источником нейтронного фона. Как

оказалось позже, его необходимо учитывать при создании ядерных зарядов для бомб и ядерных реакторов. Курчатов вычеркнул свою фамилию из числа соавторов, поскольку хотел подчеркнуть самостоятельность своих учеников. Академик А.Ф. Иоффе посчитал эту работу крупнейшей в физике за 1940 г. и выдвинул ее на Сталинскую премию. Однако премии ученым не дали, так как в рецензии на работу отмечалось, что подтверждений о столь необычном явлении из ведущих лабораторий Запада не поступило, и наши физики скорее всего ошиблись. Тогда еще не знали, что именно в том году на Западе было решено засекретить все работы по ядерной физике, так как там уже приступили к разработке проекта урановой бомбы.

Началась Великая Отечественная война.

И.В. Курчатов и А.П. Александров в Севастополе занимаются проблемой размагничивания кораблей, чтобы они не притягивали вражеских мин. А новый начальник советской научно-технической разведки Л.Р. Квасников, занявший эту должность в 1939 г., несмотря на тяжелейшее положение на фронте, дает нашей резидентуре неожиданную ориентировку на сбор информации по ядерным исследованиям за рубежом.

Вот как описывает Квасников становление разведслужбы в своих записях, хранящихся в семейном архиве Квасниковых:

«После моего оформления в отделе НТР я обнаружил трех человек. Все новички. А во всех странах в начале войны наших людей, ориентированных на сбор разведданных по науке и технике, было не более 5–6 человек. Никаких ориентировок в смысле выбора приоритетов научных направлений, по которым должна была осуществляться разведка, мне никто не давал. Первое задание, направленное мною в наши резидентуры, состояло в том, чтобы первостепенное внимание они обратили на разработки в области использования атомной энергии как для создания нового вида оружия, так и для нового вида энергетики. <...> В 1940 г. из Лондона от резидента Горского пришли первые материалы на мой запрос. *Считаю большим успехом нашей разведки, что мотивированное письмо английских ученых Пайерлса, Хальберна и Коварского о необходимости начала развертывания работ в государственном масштабе по созданию ядерного оружия практически одновременно легло на стол Черчилля и на мой стол в Москве. К сентябрю 1941 г. я имел полный текст доклада этих ученых правительству Англии (около 70 страниц) и целую подшивку телеграмм от Горского о развитии работ по созданию атомной бомбы в Англии.* (Курсив наш. – Авт.). Тогда же я составил реферат этого доклада. Именно с ним были ознакомлены наши ведущие физики Иоффе и Капица, вынесшие единодушное резюме о том, что в ближайшие годы атомная проблема не может быть решена нигде. Причем ближайшие годы оценивались десятком лет».

Добытый материал Квасников направил наркому Берии, сопроводив его кратким рефератом, где было отобрано самое важное и достоверное. Не имея

права консультироваться ни с кем из физиков, он самостоятельно составил этот текст на трех страницах. Берия отмахнулся: шла осень 1941 г., немцы под Москвой, сейчас не до проектов урановой бомбы.

Л.Р. Квасников продолжает:

«Уже тогда я начал понимать, что в производстве атомного оружия – главное не конструкция бомбы, а получение взрывной начинки, а для этого требуется создание специального производства, новой отрасли промышленности. Только в середине 1942 г. Берия, наконец, ознакомил Сталина с запиской, составленной мною в сентябре 1941 г. К этой записке было присовокуплено небезызвестное письмо Г.Н. Флёрова, датированное мартом 1942 г., и резолюция С.В. Кафтанова на материалы, найденные украинскими партизанами в кармане убитого немецкого офицера, который, по заключению А.И. Лейпунского, занимался поисками урана на завоеванной территории. В нашей стране окончательно решение о развертывании работ по созданию атомного оружия сформировалось в правительстве только к октябрю 1942 г. Тогда Сталиным было созвано совещание, где кроме Берии и Молотова присутствовали наши крупнейшие ученые. Именно там Иоффе впервые назвал имя Курчатова как ученого, который способен возглавить работы по развертыванию как научной деятельности, так и организации промышленного производства плутония. После упомянутого совещания было образовано три комитета. Комитет по атомным делам со временем возглавил Берия. Так началось создание атомной промышленности в СССР».

Летом 1942 г. был сделан шаг и по линии Академии наук и высшей школы. В сентябре 1942 г. ГКО СССР принял то самое распоряжение, которое было упомянуто в начале статьи. В нем указывалось: «На Академию наук возложено проведение работ, имеющих своей задачей в весьма сжатые сроки дать ответ на вопрос о возможности или невозможности использования проявляющейся при делении урана внутриатомной энергии для практических и, в частности, военных целей». *С этого момента в СССР пошел регулярный поток информации о работах союзников по атомному оружию*. (Курсив наш. – Авт.).

Сразу после совещания у Сталина, где был серьезно воспринят первый добытый советскими разведчиками секретный доклад английских ядерщиков Черчиллю, было решено развернуть усиленную разведывательную работу по атомному направлению, причем не только в Англии, но и в США. Берия сказал тогда Квасникову: «Заварил кашу – сам ее расхлебывай! Собирайся в Америку!». Л.Р. Квасникова перевели в «действующий состав» и направили руководить оперативной работой за границей. Весной 1943 г. он с семьей прибыл в Нью-Йорк. Там стал легально работать как советской торгпред в «Амторге» – советско-американской конторе по торговле СССР с Америкой. Это была самостоятельная ответственная работа, требовавшая специальных знаний. Разведчик-аналитик и инженер сумел быстро освоить новую для него профессию

экономиста-снабженца, официального лица, занимающегося полный рабочий день поставкой в СССР материалов и оборудования по каталогам, насчитывающим тысячи их видов. Одновременно он налаживал тайную оперативную работу.

Читаем дальше Квасникова: «В Америке я опять оказался почти один. Оперативного состава по существу не было. Но я отметил двух толковых молодых людей, работавших в других направлениях разведки. Я связался с Москвой и забрал их к себе. Это были Анатолий Яцков и Александр Феклисов. Они стали потом основными работниками, встречавшимися с людьми, через которых я получал материалы от физиков, работавших непосредственно в Лос-Аламосе. Яцков вышел на связь с Гарри Голдом, через которого мы получили материалы от Клауса Фукса. Данные о полной конструкции атомной бомбы мы, впрочем, получили от другого физика, тоже из Лос-Аламоса. Конструкцию первой бомбы «Урчин» или «Малыш-сорванец» я наизусть помню. Я называл эту бомбу «матрешкой», потому что она многослойная. Мы теперь рассказываем так свободно о Фуксе не потому, что от него мы имели все основные сведения, а только потому, что он был провален. Фукс был у нас далеко не один. Но других имен я, конечно, не назову.

Нейтронный инициатор представлял собой полоний-бериллиевую систему с радиусом 10 мм. Общее количество полония составляло 50 Ки. Делящимся материалом бомбы являлась дельта-фаза плутония с удельным весом 15,8 г/см^3 [1]. Внешний диаметр плутониевого шара составлял 80-90 мм. Плутониевое ядро находилось внутри полого шара из металлического урана с внешним диаметром 230 мм. Наружная граница урана была покрыта слоем бора. Металлический уран размещался внутри алюминиевой оболочки, представляющей собой полый шар с наружным диаметром 460 мм. За слоем алюминия располагался слой взрывчатого вещества с фокусирующей линзовой системой из 23 блоков специальной формы. Общая масса взрывчатого вещества составляла около двух тонн.

Можно ли было по полученным нами тогда материалам сделать атомную бомбу? Еще в Нью-Йорке, когда я разбирался с этим материалом, я сделал для себя вывод, что я сам, хоть и не лучший в мире слесарь-токарь, по этим данным

1. Это была важнейшая информация! Когда наши радиохимики и металлурги получили первые микрограммы плутония, то оказалось, что у него может возникать шесть кристаллических фаз. Дельта-фаза существует в интервале температур 310–450°С. Необходимо было получить эту фазу и стабилизировать ее. Наличие различных фаз плутония приводило к тому, что при охлаждении расплава в металле образовывалось множество микротрещин. Плутоний с трудом поддавался обработке давлением в пресс-формах, коробился и растрескивался. Наши металлурги добились того, что легирование плутония примесями тантала, циркония и гафния значительно улучшали его свойства и позволяли стабилизировать необходимую дельта-фазу при комнатной температуре.

ее смонтировать смогу. При наличии соответствующих материалов, конечно, а это тоже было указано. Важнее всего было получить данные по производству плутония. Но для этого должна была начать работать промышленность.

Для получения атомной бомбы, кроме знания ее конструкции, важно было, чтобы реакторы работали и нарабатывали плутоний. Нужно еще диффузионный завод построить со всей «начинкой». Поэтому меня не только сама бомба интересовала. Данные по диффузионному заводу давал другой человек, тоже крупный ученый. Он давал ценную информацию по устройствам, через которые шло разделение фтористого урана (UF_4 и UF_6). *В Центр нами были переданы синьки полного монтажа завода и его оборудования* (курсив наш. – Авт.).

Занимались мы и рудами. У меня в сейфе в Нью-Йорке одно время лежал пакет с урановой рудой в порошке до его отправки нашим ученым. Это, между прочим, тоже надо было раздобыть.

Данные по выделению урана-235 мы получали от других ученых-металлургов. Получали данные и по реакторам. Первый производственный реактор пустил Ферми на стадионе в Чикаго еще в декабре 1942 г. Мы были в курсе его дальнейших работ. Нам передавали данные и по твэлам*. Первые твэлы пытались поместить в алюминиевую оболочку. Не получалось: алюминий не держит, «распускается». Пробовали сталь: тоже не держит. Наконец использовали циркалой, в состав которого входит цирконий и алюминий. Я был в курсе всех этих «проб пера». И ведь что интересно: твэлы разные теперь делают, а вот оболочки весьма близки к тем же.

Иной раз сам удивляюсь, почему люди соглашались с нами работать. И делаю вывод, что научно-техническая разведка возможна только в том случае, когда с обеих сторон срабатываются люди, которые не только в идейном плане разделяют взгляды друг друга, но и испытывают взаимные симпатии, когда передающая сторона понимает, что информация попадает заинтересованным специалистам. А ведь из центра я получал только лишь самые общие ориентировки, первые вопросы по полученным материалам задавал я, а не наши ученые из Москвы. Наши информаторы должны были чувствовать, что имеют дело если не с равным, то по крайней мере с достаточно грамотным специалистом. Это заставляло изучать проблему досконально.

Ученые, которые передавали информацию, зачастую писали ее от руки, поэтому документы имели форму писем. А что такое письма: иной раз своим-то близким никак не заставишь себя черкнуть пару строк. А здесь совершенно бескорыстно, с огромным риском люди исписывали целые страницы. Они должны были верить, что их письма читает друг, а не абстрактная страна, ко-

* *Твэл – тепловыделяющий элемент, это сокращение закрепилось в атомной промышленности как одно слово. – Прим. авторов.*

торая строит светлое будущее. Насколько мне и моему ближайшему окружению удалось добиться этого, можете судить сами».

Прежде чем Сталин принимал решения по ядерной проблеме, пакеты разведматериалов ложились на стол И.В. Курчатову, который давал свои заключения и направлял все это зампредсовнаркома М.Г. Первухину. Главное при этом было оценить, не сознательная ли это дезинформация. Разведматериалы охватывали весь спектр проблем: конструкцию бомбы, перечень и свойства материалов, технологию получения сверхчистых урана, графита, тяжелой воды, методы и технологию разделения изотопов, конструкцию и регламент работы ядерного реактора, технологию и свойства плутония, ядерные реакции и их константы (тысячи экспериментальных значений, которые нужно было в дальнейшем перепроверять), схемы и оснащение заводов, поиск и переработку руд и т.д. Чтобы дать представление об объеме и частоте поступления разведматериалов, укажем, что число архивных номеров рассекреченных документов за период только до взрыва американской атомной бомбы в июле 1945 г., доказавшего возможность ее создания, составило 20 единиц. Четыре заключения подписаны И.К. Кикоиным, они посвящены оценке разведданных только по проблеме диффузионного разделения изотопов. Все остальные заключения даны и подписаны И.В. Курчатовым. (В сборниках «Атомный проект СССР» отмечено, что часть документов еще не обнаружена, а часть пока не может быть рассекречена) (1). В рапорте от 5 марта 1945 г. начальник разведки НКГБ П.М. Фитин докладывал Берии: «За 1944 год нами было передано <в курчатовскую Лабораторию № 2> 117 наименований работ» (1, ч. 2, ч. 237).

Курчатов подвергал экспертизе содержание тысячи страниц самой разнообразной информации и при этом не сделал ни одного неверного заключения, которое привело бы к задержке в осуществлении советского Атомного проекта. Но ранее столь же безошибочно срабатывал и Квасников. Он принимал важнейшие решения также самостоятельно – на что ориентировать своих разведчиков, какие проводить оперативные мероприятия и, не дай Бог, допустить попадания дезинформации на стол Берии и Сталина.

А ведь в разведке тогда были задействованы оперативники, в подавляющем большинстве своем не имеющие научно-технической подготовки, не разбирающиеся в ядерной проблематике. Тот же А.С. Феклисов – автор книги «Признание разведчика» (5), был по образованию историк, обладал феноменальной памятью, что сослужило ему огромную службу. Ведь зачастую информацию нельзя было записывать, а приходилось просто заучивать ее наизусть. Работали круглосуточно.

На этом фоне очень странно выглядит первая записка Берии, поданная им Сталину. В ней есть такое примечание: «Вопросами расщепления атомного ядра в СССР занимались академик КАПИЦА – в Академии наук СССР, академик СКОБЕЛЬЦИН – Ленинградский физический институт и профес-

сор СЛУЦКИЙ – Харьковский физико-технический институт» (1). В этом тексте – что ни слово, то ошибка. Неправильно названы фамилия и институт (правильно: Слуцкин и Ленинградский физико-технический институт). Вроде бы мелочи, но ведь это доклад Председателю Госкомитета обороны СССР – и такие проявления неряшливости! Но главное другое – никто из названных физиков вообще никогда не работал с ядерными материалами. Между тем два ведущих ядерщика страны – академик А.И. Лейпунский и профессор И.В. Курчатов – даже не упомянуты. Нетрудно себе представить, чту было бы, если подобное допустили бы в своей работе разведчики!

Квасников вернулся в Москву в 1945 г. и был назначен заместителем начальника отдела научно-технической разведки, а в 1947 г. вновь возглавил этот отдел. До ухода в отставку в 1963 г. он был начальником отдела, а затем Управления научно-технической разведки ПГУ КГБ СССР.

После взрыва первой советской атомной бомбы 19 августа 1949 г. на Семипалатинском полигоне Л.Р. Квасников был награжден орденом Ленина в числе 260 человек, принимавших активнейшее участие в ее создании (1).

В 90-х годах в российских СМИ заговорили о Клаусе Фуксе как о главном «атомном шпионе» СССР, якобы предрешившем успех всего дела. Но Фукс – лишь один из причастных к этому делу людей. По свидетельству сотрудника Квасникова Яцкова, наряду с Фуксом в Лос-Аламосе находился еще один источник информации – некто «Персей». Он поставлял данные, которые не мог получить Фукс, и наоборот. Таким образом, складывалось достаточно полное представление о том, что такое атомная бомба. Тот, кто скрывался под именем «Персей», жил в США. Для того, чтобы задать ему вопросы, надо было просить разрешения раскрыть его настоящее имя. Но захотел бы он после стольких лет предать гласности свое прошлое?

Другой подчиненный Квасникова Феклисов подтверждает: «Когда мы переслали этот материал в Центр, мы узнали, что он является очень ценным. С его помощью мы сэкономили 250–300 млн. долл. (сейчас это десятки миллиардов долларов. – Авт.). Это означало также экономию времени на решение проблемы, т.е. на создание советской атомной бомбы» (5).

О вкладе разведки и науки в создание ядерного оружия академик Р.И. Илькаев, нынешний директор ядерного центра в Сарове (Арзамас-16 – ВНИИ экспериментальной физики), констатировал: «В 1941–1945 годы роль разведывательной информации в развитии советского Атомного проекта была первостепенной, а в 1946–1949 гг. главное значение имели собственные усилия и собственные достижения. Границей этих двух периодов является 1945 год, когда Советской Союз одержал победу в Великой Отечественной войне и появилась возможность сосредоточить усилия государства на практическом решении атомной проблемы. Вместе с тем и на первом этапе необходимо отметить выдающуюся роль наших специалистов, прежде всего

И.В. Курчатова, по анализу разведывательных данных, их сопоставлению с нашими данными, их проверке и оценке, определению основных идейных направлений нашего Атомного проекта. Уже в этот период было сформировано ядро коллектива специалистов, который на втором этапе за три с половиной года успешно решил проблему создания атомной бомбы.

Принципиальное значение для реализации советского Атомного проекта имела информация об успешном испытании Соединенными Штатами 16 июля 1945 г. первой атомной бомбы. Беспрецедентная разрушительная сила атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 г. привела руководство СССР к выводу о необходимости скорейшего форсирования работ по созданию советского атомного оружия.

2 июля 1945 г. Сталин, Молотов, Берия, а также Курчатов были проинформированы по шифрограмме Л.Р. Квасникова об ориентировочной дате взрыва американской атомной бомбы и ознакомлены с ее кратким описанием. Это испытание состоялось рано утром 16 июля, и Трумен чувствовал себя «на коне» перед самым открытием Потсдамской конференции. Далее, пристально следя за реакцией Сталина на сообщение о том, что Соединенные Штаты создали новое оружие «необыкновенной разрушительной силы», Трумен, премьер Черчилль и госсекретарь Бирнс пришли к заключению, что Сталин «не понял значения только что услышанного» (3).

Если помножить талант и гражданскую ответственность этих двух людей – Курчатова и Квасникова – на сумму усилий и значение конечного результата, то итог позволяет отнести их к истинным национальным героям, которые создали для СССР ядерный щит.

Литература

1. Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 1. 1938–1945: В 2 ч. Часть 1 / М-во РФ по атом. энергии; отв. сост. Л.И. Кудинова. – М., 1998. – 432 с. Часть 2. – М., 2002. – 800 с. Т. 2.

2. История атомного проекта. М.: РНЦ «Курчатовский институт». Вып. 2 (1995) – 305 с.; вып. 3 (1995) – 205 с.; вып. 4 (1995) – 291 с.; вып. 5 (1996) – 243 с.; вып. 6 (1996) – 141 с.; вып. 11 (1997) – 229 с.

3. Квасникова Е., Матущенко А. Конструкцию первой атомной бомбы он помнил наизусть, или Л.Р. Квасников – первый разведчик, работавший в интересах советского Атомного проекта // Бюллетень по атомной энергии. – М., 2005. – № 8. – С. 83–86.

4. Круглов А. Штаб Атомпрома. ЦНИИАТОМИНФОРМ. – М., 1998. – 489 с.

5. Феклисов А. Признание разведчика. – М., 1999.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

А.В. Елпатьевский

ВЫСТАВКА АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ (1936–1939 ГОДЫ)

**Елпатьевский Андрей Валерьянович –
кандидат исторических наук.**

С 10 апреля по 6 мая 2007 г. в Выставочном зале федеральных архивов (г. Москва) прошла выставка «Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.», посвященная 70-летию этого события. Организаторами выставки стали Федеральное архивное агентство, Российский государственный военный архив, Министерство культуры Испании. На выставке были представлены документы ряда российских государственных архивов: военного, социально-политической истории Российской Федерации, литературы и искусства, экономики, кинофотодокументов, экспонаты из Государственного центрального музея современной истории России. С испанской стороны экспонировались документы национального исторического архива (Мадрид) и Главного архива Испанской гражданской войны (Саламанка).

На торжественном открытии выставки руководитель Росархива член-корреспондент РАН В.П. Козлов отметил, что это первый выставочный проект, подготовленный совместно с испанскими коллегами, преследующий цель привлечь внимание широкой общественности к общеевропейскому конфликту, во многом определившему позиции ведущих европейских стран накануне Второй мировой войны. Сегодня, когда многие документы стали доступными, мы можем взглянуть на эти события более объемно и, может быть, менее политизированно.

Советник по культуре Посольства Испании в Российской Федерации Хорхе де Оруэта-и-Пемартин также отметил, что собранные воедино материалы из российских и испанских архивов позволяют более полно показать события 1936–1939 гг. Министр культуры Испании Кармен Кальво подчеркнула в своем приветствии, что выставка является напоминанием о борьбе против ти-

рании, когда испанцы и русские вместе сражались от имени граждан и многочисленных народов.

На торжественном открытии выступили также генерал-лейтенант авиации Председатель Ассоциации добровольцев, воевавших в Испании, В.М. Лавский, участница гражданской войны в Испании переводчик А.В. Кондратьева, испанка Хосефина Итурраран, которая в числе испанских детей приехала в СССР в 1937 г. В заключение директор Российского государственного военного архива В.Н. Кузеленков поблагодарил всех организаторов и участников выставки.

Прежде чем перейти к характеристике архивных документов, представленных на выставке, кратко остановимся на современном восприятии гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. В числе работ, освещающих эти события, особо стоит отметить работы В.В. Малай («Судьба республики решалась не в Мадриде», Белгород, 1999; ее докторскую диссертацию «Международные аспекты гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.», 2004), книгу С.П. Пожарской («Франсиско Франко и его время, М., 2007); фундаментальные труды испанского историка Анхеля Виньяса (Franco, Hitler y el estallido de la Guerra Civil. Mardid, 2001; La soledad de la Republica. Barcelona, 2006; El escudo de la Republica. Barcelona, 2007).

Перед гражданской войной в Испании сложилась непростая политическая ситуация. После устранения диктатуры Примо де Риверы и падения в 1931 г. монархии республиканские партии в 1932–1933 гг. провели ряд прогрессивных реформ. В эти же годы усилилось влияние Коминтерна в Испании, по его инициативе было заменено руководство Компартии Испании, создана испанская секция Международного объединения революционных пролетарских писателей, образована Ассоциация друзей Советского Союза. Седьмой конгресс Коминтерна (25 июля – 21 августа 1935 г.) выразил поддержку испанскому революционному движению. В современных отечественных исследованиях также отмечается активность Коминтерна в Испании[1]. По мнению некоторых испанских исследователей, установление правительства Народного фронта в начале 1936 г. было первым шагом к большевизации Испании, несмотря на то, что с конца 1936 г. Сталин отвергал идею ее «социализации» и создания там «советской модели»[2].

События 1936 г. развивались стремительно. 17–18 июля в испанском Марокко произошел военный путч. Руководителем мятежа стал, правда не сразу,

---

1. Малай В.В. Судьба Республики решалась не в Мадриде (из истории англо-советских дипломатических отношений в канун II Мировой войны). Белгород, 1999. – С. 11.

2. Мещеряков М.Т. СССР и гражданская война в Испании // Отечественная история, 1993, № 3. – С. 89.

генерал Франко. Франко с помощью двух активистов нацистской партии из немецкой колонии испанского Марокко сумел передать свою просьбу о помощи через Рудольфа Гесса непосредственно Гитлеру, который в ночь с 25 на 26 июля 1936 г. принял решение помочь Франко[3]. Это определило судьбу и самого Франко, ставшего руководителем восстания, а затем и главой национального правительства в Бургосе, и, в конечном итоге, судьбу Испанской Республики.

Первоначально республиканское правительство, получившее сильную поддержку народных масс, добилось определенных успехов. Сразу был подавлен мятеж в Мадриде, а затем в Барселоне, Валенсии и Бильбао. Но... «Судьба Республики решалась не в Мадриде» – именно так назвала свою работу В.В. Малай. «И без того хрупкий баланс сил в Европе могло подорвать нарушение территориального единства любого ее региона. В Испании уже с победой Народного фронта и началом гражданской войны такая угроза приобрела весьма зримые очертания. Слабость центрального правительства вместе с фактором иностранного вмешательства усиливали риск эвентуального территориального распада Испании как по национальному, так и по политическому принципу. Фашистские страны опасались образования "Советской Каталонской Республики"; Франция и Англия – отделения от Испании Балеарских и Канарских островов, Испанского Марокко... Советский Союз в лице первых дипломатических представителей М. Розенберга, В. Антонова-Овсеенко, военных советников – своей тактикой, прежде всего в Каталонии, пусть косвенно, но способствовал расколу Испании (по линии Барселона – Мадрид)»[4]. Для Англии, США, Франции «советизация» Испании была неприемлема. В свою очередь, Германия не была заинтересована и в быстрой победе Франко. «Гитлер сообщил своим военным, что единственное, что его заботит, это чтобы Франко не проиграл войну. Но это не означало, чтобы он выиграл ее быстро. То, что его интересовало, это чтобы остальные европейские страны продолжали сосредоточиваться на событиях в Испании и меньше фиксировали внимание на том, что делает Германия для достижения своих целей»[5] (в это время она усиленно наращивала свой военный потенциал).

Согласно единодушному мнению западных обозревателей в Москве, испанский конфликт создал для Кремля в те годы существенные неудобства. Возможность «советизации» Испании усиливала антибольшевистские настроения в европейских странах, что представляло серьезные помехи для со-

3. Angel Vicas. Franco, Hitler y el estallido de la Guerra Civil. Antecendentes y consecuencias, Madrid, 2001, – P. 368–382.

4. Малай В.В. Ук. соч. С. 67; она же, Международные аспекты гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Автореферат диссертации на соискание уч. степени доктора ист. наук. М., 2004. С. 16–17.

5. Angel Vicas. Указ соч. С. 454.

ветской дипломатии, стремившейся установить отношения со всеми странами, противостоящими Гитлеру. С другой стороны, победа повстанцев в Испании компрометировала политику создания Народных Фронтов. Но в любом случае было очевидно, что Москва не может рисковать потерей доверия к себе, ничего не делая в пользу Республики.

Советское руководство уже в апреле 1936 г. знало о подготовке мятежа, но не собиралось принимать никакого участия в конфликте. Начиная с 26 июля республиканское правительство неоднократно обращалось к нему с просьбами о продаже оружия, но советское руководство отказывало, хотя помощь продовольствием, медикаментами, нефтепродуктами от СССР поступала регулярно. Только в середине сентября Политбюро ЦК ВКП(б) поручило НКО и НКВД подготовить план операции «Х», который был одобрен 29 сентября[6].

Испанский социалист, член республиканского правительства, Хулиан Сугасагоитиа так оценивал ситуацию: «Ясно было, что серьезная помощь, которую враг получал от Италии и Германии... и отказ в поддержке, на которую мы имели право рассчитывать от демократий, ... привели к тому, что пришлось думать как о последнем резерве о России. ... Россия стала после установления с ней дипломатических отношений нашей единственной опорой, доской для потерпевшего кораблекрушение»[7]. Другой член республиканского правительства в Валенсии Мартинес Амутио писал о профессионализме, компетентности и полезности советников из СССР, отмечая, однако, при этом, что с первых дней оказание помощи различным группам республиканцев носило дискриминационный характер. По-видимому, это входило в планы тех, кто хотел использовать эту помощь в своей пропаганде. Он приводит факты присылки неприспособленных к местным условиям грузовиков, бесполезных пушек тяжелой артиллерии, на которых были штампы Путиловского завода с датой 1905 г.[8]

Отечественный исследователь Е.Ю. Рыбалкин (Институт военной истории) освещает советскую военную помощь республиканской Испании уже с учетом новых документов. Он анализирует Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1936 г. об операции «Х», согласно которому был утвержден план поставки республиканской Испании военной техники и личного состава. Устаревшая военная техника и оружие поставлялись в республику также из третьих стран, где приобретались по поручению Советского Союза у различных фирм. Соответствующие архивные и другие, ставшие доступными данные

6. Мещеряков М.Т. Указ. соч. С. 84–85.

7. Zugazogoitia Julian. Guerra y vicissitudes de los Espacola. Paris, 1968. T. 1. – P. 243, 244.

8. J. Martinez Amutio, Chantaje a un pueblo, Barcelona, 1977 (3 ed.). C. 94–96, 145–147, 183–184.

позволяют сделать вывод, что «в целом, военно-техническая помощь СССР республиканской Испании была значительно меньше по объемам аналогичной помощи, оказанной националистам Германией и Италией. Это обусловливалось, полагает Е.Ю. Рыбалкин, как экономическими возможностями СССР, так и политическими причинами. «Позиция Сталина в отношении Испанской Республики была непредсказуемой и менялась в зависимости от его настроения, обстановки на фронтах Пиренейского полуострова и на международной арене. Постепенно интерес Сталина к стране «Х» пропал, наоборот, возникло неприятие»[9]. Другой современный автор Е.А. Осокина, анализируя источники и историографию испанской войны, считает, что в решении Сталина оказать помощь Испании испанское золото как таковое играло не последнюю роль, что «в советской военной помощи были и корысть, и политическая конъюнктура, и преступления»[10].

По мнению В.В. Малай, для СССР использование испанского конфликта было одной из форм самоутверждения – от хода и исхода испанских событий зависела, по мнению советского руководства, не только судьба самой Испании, но и престиж СССР. Но профранкистский альянс оказался сильнее эвентуального прореспубликанского. Испанская Республика пала жертвой не только внутренних противоречий или военного превосходства лагеря мятежников, но и такого мощного современного оружия, как информационная война.

«СССР не сумел найти общий язык с Англией и Францией в испанском вопросе, и к августу 1939 г. Гитлер и Сталин остались наедине; западноевропейским же странам пришлось расплачиваться за свои предвоенные ошибки не только высокой ценой победы над фашизмом, но и получить на четыре десятилетия просоветскую Восточную Европу и на три – франкистскую Испанию»[11].

Каждая эпоха по-своему воспринимает трагические события в Испании 1936–1939 гг., о которых еще и по сей день далеко не все известно. Раскрываются архивы, выявляются новые документы, рассекреченные в последние годы. Большáя часть из них была представлена на выставке.

На ее стендах размещены материалы, посвященные началу мятежа, противостоянию франкистов и республиканцев на идейно-политическом и военном фронтах, в них рассматриваются позиции европейских держав в «испанском вопросе» (деятельность Комитета по невмешательству, помощь Франко со стороны Германии и Италии, помощь СССР республиканцам, участие Интер-

9. Рыбалкин Е.Ю. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939), М., 2000. – С. 28–30, 37, 45.

10. Осокина Е.А. Борец валютного фронта Артур Сташевский (1890–1937) // Отечественная история, 2007. – № 2. – С. 39, 45, прим. 21.

11. См. об этом: Малай В.В. Международные аспекты гражданской войны... С. 39–41.

национальных бригад), анализируются последствия войны. В самостоятельные разделы выделены документы об испанских детях в СССР и отклики советских писателей на события в Испании. Посетителями отмечался удачный подбор материалов самого разного научного и познавательного формата, всего на выставке представлено около 340 документов. Это, например, решение Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении плана отправки в «Х» личного состава по подготовленным спискам, о возложении обязанности на Наркомат тяжелой промышленности СССР срочно изготовить по специальному заданию пулеметы и патроны к ним; 19 решений Политбюро, относящихся к проблеме участия СССР в деле помощи Испанской Республике вплоть до решения о согласии на прием в СССР детей родственников Хосе Диаса, Долорес Ибаррури и Антонио Мачадо; Постановление СНК СССР от 16 сентября 1937 г. № 1621-363сс «О руководстве обслуживанием, воспитанием испанских детей, находящихся в СССР и вновь прибывающих» и ряд других постановлений СНК.

Военную сторону конфликта характеризуют такие документы, как Доклад начальника Разведупра РККА комкора С. Урицкого в НКО СССР о результатах деятельности авиации и танков испанской республиканской армии; Доклад военного советника В.Е. Горева («Санчо») о военно-стратегической обстановке в Астурии и Стране Басков, состоянии войск Северного фронта и целый ряд других его докладов. Докладная записка военно-морского атташе СССР в Италии военинженера 1-го ранга Шея начальнику Отдела внешних сношений НКО СССР комкору Геккеру «Испанский правительственный флот и первые недели мятежа генерала Франко»; агентурное сообщение советского резидента «Франца» в Танжере о движении воинских частей мятежников, прибытии в Испанию контингентов итальянских войск; список итальянских и немецких солдат и офицеров, взятых в плен республиканскими войсками в декабре 1936 – мае 1937 и содержащихся в Центральной тюрьме Сан-Мигель; показания пленных мятежников.

На выставке впервые демонстрировались «Политическая программа фалангистов»; воззвания командования войск генерала Франко «К добровольцам интернациональных бригад», «К рабочим Мадрида», «К гражданам Мадрида», «К гражданам Испании». И тут же: призыв к солдатам франкистской армии переходить на сторону республиканского правительства, биографии вождей испанских анархистов. В этом же разделе выставки можно было ознакомиться с конспектом речи министра республиканской Испании Д. Индалесио Приэто о положении республиканской Испании 3 января 1937 г., где он говорит, что «если бы не помощь России в данный момент, мы проиграли бы войну». Представлена также переписка министра иностранных дел Испании Хулио Альвареса дель Байо и посла Испании в Москве Марселино Паскуа по вопросам, связанным с действиями французского и британского правительств в отношении Испании в Комитете по невмешательству, по вопросам поставки во-

енных материалов, депозита золота Банка Испании в Москве. Среди экспонатов также акт приемки золота, посланного правительством Испанской Республики в Государственное хранилище драгоценных металлов Народного комиссариата финансов в Москве, и целый ряд других документов различного происхождения.

Зрительный ряд выставки образует набор плакатов, фотографий, различных печатных изданий и музейных экспонатов.

Прежде всего хотелось бы отметить агитационные плакаты POUM*: «Приблизим победу социализма», «Победить или умереть», «Трудящиеся! POUM ждет вас», «Крестьяне, земля ваша!», появление которых в открытой экспозиции еще 15–20 лет назад было бы просто немыслимо; плакат Женской комиссии Объединенной социалистической молодежи Испании «Заменим мужчин!», плакаты КПИ «Сражаемся сегодня за мирное завтра» и «Народ Леванта! Дети, матери и подруги героев Мадрида не должны погибнуть от пуль и огня фашистских самолетов! Облегчите их эвакуацию! Приютите их!». Представлены были почтовые открытки и листовки, брошюры и бюллетени, выпущенные республиканским правительством.

Большой интерес вызывают фотодокументы. На выставке демонстрировались хранящиеся в фондах военного архива портреты президента Испании Мануэли Асаньи, председателя республиканского правительства Ларго Кабальеро, республиканского генерала Рохо и генерала-мятежника Франсиско Франко, сделанные сотрудниками берлинского фотоателье Хоффмана и информационного агентства Франс-пресс, находившимися в Испании по обе стороны фронта. Много фотографий по военной тематике, в том числе и из фондов Российского государственного архива социально-политической истории.

Недалеко от фотографии «Коммунистическое женское подразделение марширует по улице Мадрида» размещается другое фото – «Испанские фалангистки несут знамена союзников Франко», на нем такие же испанские женщины, что лишний раз подчеркивает братоубийственность гражданской войны. Одна из фотографий, отрытое экспозиционирование которой еще недавно было бы невозможным – Долорес Ибаррури вместе с командующим 46-й дивизией – легендарным генералом Кампесино среди бойцов 13-й интер-

* *POUM (Partido Obrero de Unificacion Marxista) – Объединенная марксистская рабочая партия. Партия окончательно сформировалась в 1935 г. как оппозиция сталинизму. На ее вооружении был лозунг Троцкого о «перманентной революции». По численности превосходила КПИ. Весьма критично относилась к стратегии Народного фронта и к позиции Коминтерна.*

бригады[12]. Интересна фотография председателя Социалистического рабочего интернационала Эмиля Вандерьвельде, комиссара-инспектора интербригад Л. Галло и представителя политического руководства интербригадами Франца Далема среди бойцов и командиров 14-й интербригады. В числе экспонатов – несколько фотоальбомов интербригад. Фотографии испанских детей, прибывших в Ленинград, в Москву; испанской делегации на Красной площади в Москве во время празднования 20-й годовщины Октября.

Органично вошли в экспозицию выставки музейные экспонаты – немые свидетели прошедших лет – медали участников антифашистского движения, знамена и значки интербригад, значки Коммунистической партии Испании и Коммунистической партии Страны Басков; модели самолетов и другие поделки республиканцев, попавших после поражения Республики во французские концлагеря; пилотка с эмблемой народной милиции, принадлежавшая Рубену Руису Ибаррури. И тут же знамя подразделения фалангистов, воевавших в составе войск генерала Франко.

Наконец, посетители выставки могли просмотреть полнометражный фильм «Испания» (режиссер Э. Шуб, операторы Р. Кармен, Б. Макасеев, Мосфильм, 1939), сюжеты из фильмов «Испанские события», «К событиям в Испании», в которых запечатлены боевые действия республиканской армии и армии генерала Франко, быт мирных жителей, прибытие советского парохода «Зырянин» в Барселону, приезд испанских детей в Россию и другие события гражданской войны в Испании.

Экспозиция выставки, таким образом, достаточно полно обозначила проблемы для дальнейшего изучения гражданской войны в Испании. Мы можем лишь выразить сожаление, что не были представлены документы Архива внешней политики Российской Федерации, где также сосредоточено достаточное количество материалов по испанским событиям 1936–1939 гг.

К открытию выставки в рекордно короткий срок был издан каталог. Досадно, что экспонировавшийся в нем листочек из РГАЛИ со стихотворением М. Светлова «Гренада» датирован 1938 годом, тогда как написано и опубликовано это стихотворение было еще в 1926 г., и посвящено оно не испанской, а русской гражданской войне. Но... как говорится, не ошибается только тот, кто ничего не делает. А российские федеральные архивы устроили интересную выставку.

---

12. Валентин Гонсалес (прозвище Кампесино – «крестьянин») (1904–1983) – один из самых знаменитых командиров Республиканской армии. Генерал, депутат кортесов. С 1939 г. находился в СССР, где его имя вскоре оказалось под запретом. (О нем см. «Известия» от 27 марта 2004 г.).

Отец Георгий (Белькинд)

ФОНД ТРУБЕЦКИХ

«Образовательный фонд имени братьев Сергея и Евгения Трубецких» был учрежден в мае 2005 г. в целях увековечивания памяти и популяризации наследия видных отечественных философов – князей Сергея Николаевича (1862–1905) и Евгения Николаевича (1865–1920) Трубецких.

Труды братьев Трубецких по философской проблеме сознания и гносеологии, истории философии и теории права справедливо причислены к ряду выдающихся достижений русской религиозной мысли, а их общественные и политические позиции снискали общенациональную известность. Деяния этих ярких, высокоодаренных мыслителей, их бескорыстное стремление к истине и патриотическое служение России приобретают в настоящее время особое значение.

Фонд Трубецких создан как образовательный. Это программное определение не случайно внесено в название. В его Уставе предусматривается «образовательная деятельность, связанная с разработкой программ и организацией педагогической работы, вводящей наследие русской религиозной философии в содержание образования». Речь идет не об очередном культурологическом факультативе, но о существенной переориентации самой педагогической позиции на основе религиозно-философского содержания. Это важно подчеркнуть, потому что наследие братьев Трубецких может быть использовано в школе поразному.

Возьмем, к примеру, из широко известного этюда Е.И. Трубецкого «Умозрение в красках» следующий фрагмент: «Византийский купол над храмом изображает собою свод небесный, покрывший землю. Напротив, готический шпиц выражает собою неудержимое стремление ввысь, подъемлющее от земли к небу каменные громады. И наконец, наша отечественная «луковица» воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным потустороннему богатству». Без особой натяжки можно сказать, что перед нами готовая программа целого раздела по курсу «Мировая художественная культура», цикл из 4–5 насыщенных и интересных уроков со сравнительным анализом восточно- и западнохристиан-

ских архитектурных типов и толкованием их антропологических проекций. Но представим себе, что вместо Святой Софии, Реймсского собора Нотр-Дам и кремлевской «свечи» Ивана Великого в учительский план теперь войдут такие архитектурные памятники, как Боробудур (Индонезия), Ангкор-Бат (Кампучия) и Тадж-Махал (Индия). Что же изменится для учителя и ученика? В данном случае изменится учебный материал, причем весьма ощутимо, поскольку примеры взяты из истории совершенно других цивилизаций, хотя образовательное содержание и останется прежним. Та же культурологическая компаративистика, которая не только с легкостью заменит европейские типы на азиатские, но и с еще большей легкостью соединит их в один ряд. Культурология при этом не обнаружит существенной разницы между Христом, Буддой и Мухаммедом. И даже наоборот – найдет их сходство, положим, с каким-нибудь из аватара Вишну[1].

«Умозрение в красках» написано Е.Н. Трубецким в 1913 г., т.е. в самом начале «выступления тех злых сил, которые стремятся утвердить в мире кровавый хаос и бессмыслицу».

К обретению смысла жизни призывают «Два мира в древнерусской иконописи» (1916), «Россия в ее иконе» (1917) и завершенный в 1918 г. наиболее значительный философский труд Е.Н. Трубецкого – «Смысл жизни». Сами эти огненно-кровавые даты говорят о духовном величии русского философа. Перед лицом бессмысленной смертопляски он впрямую заговорил о крестном смысле вечной жизни как об истинном смысле всякой жизни. За два года до собственной смерти он завершил свою книгу. Это великое наследие должно быть представлено сегодня в педагогике.

Речь идет о принципиальной переориентации педагогического самосознания, а не о факультативных дополнениях к нынешним гуманитарным программам. Современный историк, знакомый с цивилизационным подходом, современный обществовед-религиовед и географ-страновед вполне смогут взять из «Смысла жизни» великолепно проработанный дискурс «об олимпийском натурализме эллинов и безличной аскезе индуизма как противоположных, но равно противостоящих христианству типах религиозности» (гл. I «Мировая бессмыслица и мировой смысл»; особенно § III – «Спор о жизненном пути»). Можно давать эти знания ученикам, совершенно не касаясь мировоззрения ни школьников, ни педагогов. Но есть вещи, которых нельзя касаться без изменения самого учительского этоса. Обращение к ним требует пересмотра и познавательного пафоса, и всего педагогического самоопределения современной школы. Таковы тезисы, великолепно выраженные Евгением Николаевичем в полемике с отцом Павлом Флоренским и всей, как он пишет, «русской шко-

1. Аватара – в ряде религий Индии представление о воплощении божества в образах других божеств, людей или животных.

лой мистического алогизма». В «Смысле жизни» это утверждение о евхаристически-соборном характере Богопознания и познания мира и утверждение о логическом единстве как форме истины (гл. VI «Религиозный смысл человеческой мысли»; особенно § V – «Откровение и суд испытующей мысли»).

Поставить метод познания и само знание в отношение к Истине – это смелая задача, которая встает ныне перед школой. Педагогические опыты, предпринимаемые в православных гимназиях в этом направлении, отчасти осмыслены в последнем издании Фонда – «Воспитывающее образование». Этот сборник статей по философии и методологии образования адресован тем деятелям российской школы, которые пытаются выработать ее мировоззренческий, политический и практический образ. Говоря словами одного из авторов сборника «Школа и православие» – это, конечно, совсем другая постановка вопроса, чем «Церковь и образование». «Жертвенный дар веры – в первом случае, институциональный ресурс развития – во втором. Зависимость от современных образовательных госстандартов – во втором случае, самоопределение православной педагогики – в первом».

Фонд задуман и действует как некий духовный памятник. Всякий раз перед началом заседания правления служится заупокойная лития «приснопамятным Сергею и Евгению»; сами собрания приурочены к мемориальным дням братьев Трубецких – осеннее в начале октября и зимнее в начале февраля. Таково было общее настроение и общее намерение небольшой группы лиц, учредивших Фонд и вошедших в его правление. Это двое священников – отец Георгий Белькинд и отец Алексий Сысоев, двое замечательных исследователей русской религиозной философии – Сергей Михайлович Половинкин и Альберт Васильевич Соболев, это Владимир Львович Кабанов – долговременный директор Детского парка «Усадьба Трубецких в Хамовниках», ныне начальник отдела в Министерстве образования РФ, и Михаил Волохов – книжный дизайнер, директор созданного при Фонде издательства «Синаксис».

4 августа 2012 г. исполнится 150 лет со дня рождения С.Н. Трубецкого, а 5 октября 2013 г. – 150 лет со дня рождения Е.Н. Трубецкого. Подготовка и организация празднований этих юбилеев является главной рабочей задачей Фонда на предстоящее пятилетие. Предполагается проведение различных общественных мероприятий, связанных с памятью братьев Трубецких и других русских религиозных философов, а также представителей рода Трубецких, внесших значительный вклад в отечественную историю и культуру. Планируется возведение мемориальной часовни. Освятить ее было бы правильно в честь Ахтырской иконы Божией Матери. Посвященный этой иконе храм стоял в родовом имении Трубецких, которое именовалось Ахтыркой. Что же касается монументальных изваяний, то, конечно, хорошо бы Москве почтить двух своих сынов – один из них стал первым выборным ректором Московского

университета в 1905 г., второй – сопредседательствовал на Всероссийском церковном соборе в 1917 г.

В исторических бурях прошедшего столетия сохранилось в Москве место и поныне носящее имя Трубецких. На выходе из метро «Фрунзенская» сразу по левую руку расположен Детский парк «Усадьба Трубецких в Хамовниках». Это единственный в Москве деревянный усадебный дом, сохранившийся с середины XVIII в. 16 сентября 1826 г. после коронационных гуляний в гостях у Ивана Дмитриевича Трубецкого обедал Александр Сергеевич Пушкин. Еще до всех революций и национализаций усадьба перестала быть собственностью Трубецких, а была продана купцу Немчинову. Потом стала «Рабочим садом», после войны – первой юннатской станцией. И вот в 1992 г. Детский парк получает название «Усадьба Трубецких в Хамовниках». По этому адресу зарегистрирован в мае 2005 г. Фонд Трубецких, там проходят заседания его правления. Там и было бы уместнее организовать празднования юбилеев.

Мемориальное значение имеет также издательская программа Фонда. В прошлом году в серии «Местные святыни» вышла небольшая брошюра «Три очерка новороссийской истории» – исследование места захоронения Е.Н. Трубецкого. А теперь, с учреждением издательства, более реалистично выглядят планы публикации «Юбилейной серии», «Воспоминаний» Григория Трубецкого, переиздания «Метафизических предположений познания» Е.Н. Трубецкого и мн. др.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

ЭКОНОМИКА США В ПРЕДДВЕРИИ НАДВИГАЮЩЕГОСЯ СПАДА. (Сводный реферат)

1. Barnes D. Can New York break free? // Banker. – L., 2007. – 2 Apr. – P. 18.

2. Horiguchi Y. The consumer-led US boom is a myth // Banker. – L., 2007. – 8 Jan. – P. 8.

3. Roubini N. Hard landing looks likely // Banker. – L., 2007. – 8 Jan. – P. 38.

4. US banks outwit sourpusses // Banker. – L., 2007. – 5 March. – P. 14.

В статьях, опубликованных в английском журнале «Banker», рассматриваются проблемы, связанные с надвигающимся экономическим спадом в США.

Ряд экспертов пессимистически оценивают вероятность дальнейшего экономического роста США, а некоторые предсказывают спад. Этот пессимизм основывается на убеждении, что экономический подъем имеет под собой искусственное основание. Он был вызван чересчур мягкой монетарной политикой, которая подпитывала спекулятивный рост рынка недвижимости, приведшей, в конечном счете, к подъему частного потребления и жилищного строительства. Ожидается, что этот «жилищный пузырь» должен лопнуть, и американская экономика окажется в трудном положении. Первый заместитель директора и главный экономист Института международных финансов Й. Хоригуши считает такое объяснение не вполне правильным. За годы подъема доля частного потребления в располагаемом доходе выросла с 93% в 2002 г. до 98% в 2006 г., однако его доля в ВВП осталась неизменной (70%). Поэтому вряд ли можно считать потребление двигателем подъема (2).

По мнению Н. Роубини, профессора экономики в школе бизнеса Нью-Йоркского университета и главы компании «Roubini Global Economics», шансы, что в 2007 г. США вступят в период спада, очень велики, и маловероятно, что глобальная экономика сможет изолироваться от этого процесса и что удастся избежать резкого глобального падения (3). Сценарий «жесткого приземления» американской экономики представляется более реалистичным, чем «мягкого», предсказываемого некоторыми специалистами. Последствия «жесткого приземления» будут глобальными: остальной мир не сможет изолироваться от спада в США.

Статистические данные о росте ВВП в 2006 г. стали зловещим сигналом о близком спаде: темпы роста ВВП снизились с 5,6% в первом квартале до 1,6% в третьем. Отмечалось и небольшое сокращение инвестиций в жилищный сектор. Материально-производственные запасы про-

должают расти, в то время как все еще растущее производство столкнулось с замедлением роста продаж. Появились признаки резкого падения некоторых типов инвестиций. Потребители вынуждены все больше экономить, что сдерживает рост потребительского спроса.

Спад в США станет результатом трех необратимых процессов: самого глубокого за десятилетие обвала рынка жилья; роста цен на нефть и энергоносители и разрушительных последствий для экономики повышения ФРС процентных ставок в 2006 г. (в начале 2007 г., когда обозначились признаки спада, ФРС с опозданием снизила их). Резкое падение рынка жилья будет иметь более серьезные последствия, чем возникновение спекулятивного «пузыря» 2000–2001 гг., спровоцированного высокотехнологическими компаниями, что привело к рецессии, продолжавшейся три года.

Среди участников рынка преобладает мнение, что глобальный рост будет характеризоваться различием в динамике, с одной стороны, экономики США, а с другой – экономики Европы и Азии. Но эксперты считают это лишь принятием желаемого за действительное – из-за спада в США рост мировой экономики резко замедляется. Главная причина этого – тесные торговые связи между странами. Кроме того, нефтяной шок окажет одинаковое стагфляционное влияние как на США, так и на страны зоны евро и Азии. Монетарная политика в Японии, странах зоны евро и на развивающихся рынках была ужесточена в последние годы. Падение доллара в условиях спада в американской экономике приведет к возникновению дефляционных тенденций в Европе и Азии, и пространство для смягчения монетарной и фискальной политики станет гораздо меньшим, чем в 2001 г.

Даже при невысокой глобальной инфляции фискальная политика не может быть смягчена, так как почти все страны «группы семи» имеют серьезные фискальные диспропорции. Таким образом, различие в мировой динамике возможно лишь при «мягком приземлении» американской экономики. При сценарии «жесткого приземления», который на сегодня представляется более вероятным, резкий глобальный спад охватит Азию, Европу и Латинскую Америку. Последствия для финансового рынка будут очень серьезными. Когда все поймут, что наступил спад, рынки акций США и других странах круто пойдут вниз вместе с курсами валют и облигаций на развивающихся рынках (особенно тех, где есть значительный дефицит внешних балансов). Если дефицит текущего платежного баланса США станет невыносимым, то может начаться неудержимое падение доллара.

По мере роста глобального финансового рынка доля на нем США сокращается, и это ведет к ослаблению позиций Нью-Йорка как мирового финансового центра (1). Эксперты связывают данный процесс с ужесточением регулирования иммиграции и деятельности кредитно-финансовых учреждений после террористической атаки на Нью-Йорк в сентябре 2001 г. В докладе Комиссии по регулированию рынков капитала США (Commission on the Regulation

of the US Capital Markets), опубликованном в марте 2007 г., указывается, что у страны имеются все возможности для принятия осмысленных, ощутимых и эффективных шагов, направленных на то, чтобы сделать рынки капитала США самыми справедливыми, результативными, прозрачными и привлекательными в мире. Вопрос в том, удастся ли властям обрести политическую волю для того, чтобы ослабить некоторые регулирующие нормы или переработать их в систему, которая расширяет свободу предпринимательства.

Город Нью-Йорк теряет свои позиции; его привилегированный статус мирового финансового центра за границей все чаще ставится под сомнение. Чтобы отстоять статус города, необходимо объединить усилия под лозунгом реформ иммиграционного законодательства, регулирования, структуры и культуры регулирования. Хотя с начала 2000-х годов мировая экономика восстановилась от шоков, но правила, защищающие США и его граждан, остались неизменными. Результатом этого является снижение конкурентоспособности США как финансового центра. С 2002 по 2005 г. численность занятых в сфере финансовых услуг в Нью-Йорке снизилась на 0,7%, т.е. более чем на 2 тыс. человек, тогда как в Лондоне выросла на 4,3% (т.е. примерно на 13 тыс. человек). Кроме того, Нью-Йорк потерял ряд крупных хеджевых фондов: в 2002 г. здесь располагались штаб-квартиры 28 фондов, к 2006 г. их осталось 18; в Лондоне их число возросло с 3 до 12. По данным Thomson Financial, в 2006 г. отток капитала с Нью-йоркской фондовой биржи (New York Stock Exchange, NYSE) составил 38,8 млрд. долл., а с биржи «Nasdaq» – 11 млрд. В противоположность этому наблюдался рост объема первичных размещений акций (IPO) более чем на 50% на «Euronext» и на «Deutsche Bцrse». Такие перемещения капитала имеют под собой экономические причины: определенная часть капитала переведена из США за границу, поскольку рынки в Европе приобрели зрелость и отныне могут взять на себя некоторые функции, которые традиционно выполнял Нью-Йорк. Согласно последним расчетам индекса глобальных финансовых центров (Global Financial Centres Index), самым конкурентоспособным финансовым центром в мире является Лондон, Нью-Йорк – на втором месте.

Как считает А. Дас, управляющий директор по изучению формирующихся рынков «Dresdner Kleinwort», рыночные реформы и либерализация финансовых центров изменили глобальные финансовые рынки, на которых страны и регионы представлены более равномерно. Финансовые рынки растут быстрее, чем раньше, опережая рост экономики, и стали более ликвидными. Сравнительные преимущества Нью-Йорка в этих условиях уменьшились. Хотя и происходит перемещение IPO в Лондон (отчасти из-за стремления инвесторов избежать строгих правил о раскрытии информации, действующих в Нью-Йорке), не происходит оттока трейдинговых операций из США в страны Азии или Ближнего Востока, где финансовые рынки расширяются естественным путем. Поскольку ком-

пании стремятся работать там, где мягче регламентации и ниже расходы на их соблюдение, то Нью-Йорк оказался в невыгодном положении по сравнению, например, с Лондоном. Исполнительный директор Нью-йоркской фондовой биржи Дж. Трейн обвинил лондонскую альтернативную инвестиционную биржу (Alternative Investment Market – AIM) в отсутствии необходимых регламентаций и стандартов, из-за чего в ее листинг включаются ценные бумаги всех желающих. Р. Кампос из Комиссии по ценным бумагам и биржам США (SEC) сравнил AIM с казино, в котором значительная часть компаний-игроков терпит неудачу (по оценкам, ежегодно до 30% котирующихся компаний).

В ответ на критику американцев в отношении AIM К. Ферс, исполнительный директор Лондонской фондовой биржи (London Stock Exchange – LSE), заявила: «Вместо долгих раздумий по поводу сомнительного предположения о США как "родине капитализма" полезнее было бы согласиться, что поток капитала стал глобальным и будет искать наиболее эффективные рынки». Сами базирующиеся в США биржи начали перемещать свои капиталы за рубеж: так, NYSE приобрела «Euronext», а «Nasdaq» купила 30% капитала LSE. Многие эксперты Уолл-стрита осознают опасность ослабления позиций Нью-Йорка как финансового центра, а потому указывают на необходимость реформирования регулирования. Глава юридического подразделения банка Lehman Brothers Т. Руссо предложил два варианта реформирования системы регулирования: 1) США должны скопировать полностью стиль и принципы работы Управления финансовых услуг Великобритании (Financial Services Authority – FSA), что означает объединение различных надзорных органов под одной крышей; 2) необходимо использовать созданную при президенте Рабочую группу по финансовым рынкам, возглавляемую министром финансов и включающую представителей SEC, Комиссии по торговле сырьевыми фьючерсами и ФРС. Эта группа должна разработать общие принципы, которые будут положены в основу системы регулирования. Если реформы окажутся успешными, то произойдет глубокое изменение культуры регулирования по модели Лондона, где существует единый регулирующий орган и его политика базируется на четких принципах. Данное изменение потребует серьезных перемен в законодательстве, системе власти и, возможно, механизмах защиты инвесторов.

Некоторые реформы уже объявлены SEC. Так, изменено требование, согласно которому иностранные компании, переставшие котироваться на биржах США, остаются под контролем SEC, если имеют более 300 американских акционеров. Отныне, если компания может показать, что ежедневный объем трейдинга ее акциями в США составлял менее 5% общего объема ее трейдинга в течение 12 месяцев, то она освобождается от регистрации в SEC. 2007 год может стать последним годом политики жесткого регулирования финансового сектора, которая перестала соответствовать потребностям эффективного бизнеса, ситуации на мировом рынке,

где интенсивно идет процесс глобализации. Предстоит глубокое переосмысление практики регулирования, причем инициатива к этому исходит не только от банкиров, но и от руководителей федеральной власти.

Хотя многие эксперты считают, что плохие времена «совсем близко», итоги работы пяти ведущих банков США в 2006 г. свидетельствовали о том, что они еще не наступили (4). За исключением «Citigroup», у всех банков прибыль (до вычета налогов) продолжала расти быстрыми темпами. «Bank of America» и «Wachovia» получили большие выгоды от покупки финансовых учреждений: первый – от приобретения MBNA и второй – «Westcorp» и «Golden Wes». Рост прибыли (до вычета налогов) варьируется от 0,7% у «Citigroup» до 62,8% у «JPMorgan Chase».

Г.В. Семеко

Вильямсон Дж.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ (с XIX в. по 2030 г.)

**Williamson J.
Les migrations nationals:
Du XIX siecle a 2030 //
Problemes econ. – P., 2007. –
N 2914. – P. 2–7.**

Профессор экономики Гарвардского университета оценивает современное положение в области миграции населения в свете двухвековой истории международной миграции. В мире наблюдались две волны массовых миграций населения. Во время первой волны в течение двухсот лет – с 1820 по 1920 г. – 60 млн. бедных европейцев эмигрировали в Новый Свет. Вторая волна, начавшаяся после Второй мировой войны, значительно усилилась в 1990-х годах в условиях глобализации. В обоих случаях «жизненный цикл» массовой миграции, в течение которого воспроизводятся экономические факторы, определяющие этот феномен, один и тот же. В целом процесс миграции в любой стране имеет два аспекта: первый определяется предложением мигрантов, второй – спросом на их труд.

За два столетия значительно возросли потребность богатых государств в мигрантах из далеких бедных стран и возможности людей финансировать свой переезд. В XX в. разрыв в уровне жизни в странах «третьего» мира и промышленно развитых странах (ПРС) сократился, что способствовало усилению миграции. В то же время в бедных регионах повысился уровень образования и жизни, а транспортные расходы, благодаря новым технологиям, уменьшились.

Доля молодых мобильных людей в мире возросла, когда бедные страны вступили на путь экономической модернизации, способствующей повышению склонности к эмиграции. Одновременно с этим в рассматриваемых странах начался процесс демографического перехода. Прогресс в питании и здравоохранении способствовал сокращению детской смертности и росту уровня выживаемости детей. Многочисленная когорта детей из развивающихся стран (РС) стала крупным потенциальным ресурсом для миграции.

Демографические изменения способствовали тому, что в конце XIX в. эмигрировали бедные европейцы, а в конце XX в. в еще больших масштабах – жители РС в ПРС. Ежегодные показатели эмиграции в Северную Америку и Океанию постоянно росли после окончания Второй мировой войны и в 90-х годах XX в. достигли 1 млн. прибытий в год. В абсолютном выражении численность мигрантов сейчас такая же, как и сто лет назад, но ее удельный вес в экономически активном населении уменьшился. Так, среднегодовой удельный вес иммигрантов в населении США сократился с 11,6 промилле в 1900–

1910 гг. до 0,4 промилле в 1940–1950 гг. и составил 4 промилле в 1990 г. Увеличение иммиграции в послевоенный период затронуло не только США. С 1965 по 2000 г. иммиграция в страны Океании возросла примерно на треть, в страны Северной Америки – почти удвоилась и в страны Европы – почти утроилась (с. 5).

В то время как международная миграция значительно усилилась, оплата труда иммигрантов снизилась. Так, в США в 2000 г. мужчины-иммигранты зарабатывали на 4,1% больше, чем их предшественники в 1960 г., но на 16,3% меньше, чем иммигранты в 1990 г. До ассимиляции с населением принимающей страны иммигранты всегда подвергаются определенной дискриминации в отношении заработной платы: за период с 1960 по 1990 г. их начальная заработная плата (по сравнению с заработной платой местного населения) сократилась на 24 пункта. Средний уровень зарплаты иммигрантов повысился, но не так сильно, как у местных жителей. В 1970 г. доля иммигрантов в первом поколении, получивших среднее образование, превышала на 5,6 процентных пункта соответствующий показатель для местного населения, но в 1990 г. этот разрыв достиг 20,4 пункта, т.е. возрос почти в четыре раза (с. 6).

Снижение качества рабочей силы иммигрантов отражает четыре типа изменений, происшедших в международной миграции в течение 50 послевоенных лет. Первое изменение состоит в сокращении европейской эмиграции, связанном с трансформацией миграционных потоков внутри Европы (включая Турцию): в 2000 г. иностранцы европейского происхождения составляли 10,3% населения Западной Европы против 1,3% в 1950 г. (с. 6).

Раньше в страны Западной и Южной Европы прибывали мигранты из стран Среднего Востока и Африки. После распада СССР в 90-х годах в страны Западной Европы хлынул поток иммигрантов с Востока, особенно из бывших советских республик. Очень скоро ежегодный прирост иммиграции в ЕС превысил уровень иммиграции в США (и это без учета нелегальной иммиграции).

Второе изменение касается миграции из стран Восточной Европы, которая всегда существовала до образования социалистического лагеря, но затем прекратилась. После крушения системы социализма и особенно разрушения Берлинской стены в 1989 г. она начала быстро расширяться. За период с 1985 по 1989 г. поток эмигрантов из восточноевропейских стран увеличился в пять раз и вплоть до 1993 г. превышал 1 млн. человек в год, а затем несколько уменьшился. В Европе возобновилась традиция миграции с Востока на Запад.

Третье изменение обусловлено превращением Латинской Америки из региона иммиграции в регион эмиграции. На начальном (первом) этапе глобализации предполагалось, что развитие индустриализации в бедных сельскохозяйственных странах с низким уровнем заработной платы способствует росту эмиграции. В действительности оказалось, что на определенной стадии индустриализации им удается удерживать свое население и даже привлекать имми-

грантов благодаря повышению заработной платы. Именно так происходило в Латинской Америке. В 1960 г. в регионе насчитывалось 1,8 млн. иммигрантов, в 1980 г. из стран Латинской Америки эмигрировали 1,8 млн. человек. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время.

Четвертое изменение является наиболее важным и состоит в массовом отъезде мигрантов из стран Азии, Африки и Среднего Востока; до сих пор этот миграционный поток был весьма ограниченным. Первая фаза процесса индустриализации и демографического перехода «развязала» процесс эмиграции. Так, восточноазиатское «чудо» сначала способствовало резкому росту эмиграции из Азии, затем он замедлился и впоследствии постоянно уменьшался. Страны Среднего Востока позднее вступили на путь индустриализации, а потому и расширение эмиграции из этих стран, как и их экономическое развитие, отстали во времени от Азиатского региона. В Африке, где рост доходов на душу населения в последние 50 лет был незначительным, указанные процессы начали развиваться еще позже.

В течение первого этапа глобализации демографический «взрыв» и промышленная революция на их начальной фазе привели к росту эмиграции из бедных стран, в то время как в ПРС демографическая стагнация и промышленная революция произвели обратный эффект. Снижение транспортных расходов и распространение системы денежных переводов, а также изменения в иммиграционной политике ПРС усилили эти тенденции. В США, например, квоты по национальному признаку (и запрещение иммиграции из стран Азии) были отменены в 1965 г., затем воссоединение семей стало основным критерием для въезда в страну.

По мнению автора, анализ двух этапов международной миграции – до 1913 г. и после 1950 г. – позволяет сделать следующие выводы.

Европейская эмиграция в XIX в. способствовала снижению бедности, хотя наиболее бедные страны никогда не принимали участие в массовой миграции: уровни жизни в странах происхождения и принимающих странах сближались. На первом этапе глобализации такое сближение было обусловлено скорее массовостью миграции, чем ростом торговли и финансовых рынков. Однако данный вывод не относится к странам Азии, Африки, Среднего Востока и Латинской Америки не потому, что там более сильное влияние оказал рост торговли и финансовых рынков, но в связи с тем, что в этих странах доля эмигрантов была невелика.

Во время первого этапа глобализации эмиграция позволила повысить уровень жизни в бедных странах происхождения иммигрантов. На втором этапе глобализации это не стало общим правилом по двум причинам. Во-первых, успехи экономического развития бедных стран в большей степени, чем раньше, зависели от темпов роста производительности труда и экономики. Во-вторых, богатые страны ПРС закрыли свои границы.

Автор задает вопрос: почему сейчас многие страны ограничивают

иммиграцию, хотя на нынешнем втором этапе глобализации массовая международная миграция может принести большие выгоды и преимущества, чем во время первого этапа? Ответ на данный вопрос, считает автор, зависит от того, кто от этого выигрывает в принимающей стране.

Такие страны с высоким уровнем заработной платы, как США, Австралия, Аргентина и ряд других, еще до Первой мировой войны отказались от иммиграции без ограничений, и в настоящее время ограничения здесь сохраняются. На иммиграционную политику воздействует также политическое давление налогоплательщиков, которых непосредственно затрагивает приезд иностранцев. В течение первого этапа глобализации споры и дискуссии об иммиграции оставляли эти вопросы в стороне, так как государства благосостояния еще не существовало.

Как бы то ни было, спрос на иммигрантов в странах с высоким уровнем средней заработной платы, не может расти бесконечно. Темпы прироста иммиграции в будущие 25 лет будут ниже, чем в предыдущую четверть века. Когда перестанут действовать факторы, определяющие рост эмиграции из РС (демографический взрыв и индустриализация), исчезнут стимулы к поиску работы и места жительства за рубежом. Большинство стран Восточной Азии и значительное число стран Юго-Восточной Азии, которые прошли через период «экономического чуда», уже достигли этого этапа развития. Впечатляющий экономический рост в Китае и Индии дает основания утверждать, что в этих наиболее населенных странах мира также в скором времени будут исчерпаны факторы, стимулирующие эмиграцию. Через некоторое время к ним присоединятся и страны Латинской Америки и Среднего Востока, имеющие более низкие темпы экономического роста. Что касается стран Африки, которые еще не стали странами массовой эмиграции, то их судьба и роль недостаточно ясны. В постиндустриальных странах старение населения будет стимулировать спрос на трудовую иммиграцию, но замедление темпов экономического роста в ПРС может противодействовать этой тенденции.

По мнению автора, в будущем ожидается значительное увеличение миграционных потоков внутри РС и развивающегося мира, а также относительное сокращение миграционных потоков между странами Юга и Севера, между странами «третьего» мира и Западом.

С.Н. Куликова